

Н.И. ПОДВОЙСКИЙ

ГОД

1917

ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1958

Н. И. ПОДВОЙСКИЙ

ГОД
1917

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва . 1958

Н. И. ПОДВОЙСКИЙ

ОТ РЕДАКЦИИ

Автор книги Николай Ильич Подвойский (1880—1948) — видный деятель революционного движения в России, активный участник подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.

Эта книга содержит воспоминания Н. И. Подвойского о событиях, охватывающих февраль — октябрь 1917 года.

В этот период Н. И. Подвойский являлся руководителем Военной организации партии большевиков, а к моменту непосредственной подготовки и проведения Октябрьского переворота был избран Председателем Петроградского Военно-революционного комитета.

В книге собраны журнальные, газетные статьи и брошюры автора, опубликованные в 1918—1933 годах, а также неопубликованные рукописи, дополненные посмертно обработанными черновыми заметками, блокнотными записями и стенограммами выступлений Н. И. Подвойского.

ПРИЕЗД ЛЕНИНА

Раннее утро 3 апреля 1917 года¹. В качестве члена Исполнительной комиссии Петроградского комитета партии и председателя Военной организации большевиков я дежурю в бывшем дворце Кшесинской, где тогда помещались руководящие органы большевистской партии.

За окнами еще темно. Вдруг резко задребезжал звонок. В комнату вошла запыхавшаяся, взволнованная Мария Ильинична Ульянова.

— Что случилось?

— Сегодня вечером приезжает брат, Владимир Ильич,— отвечает Мария Ильинична.— Вот телеграмма, только что полученная от него из Турнео.

Трудно передать словами охватившую меня радость. Приезжает Ленин! Конец мучительным поискам правильного курса революции, поискам не всегда удачным, нередко на ощупь, иногда и вразброд. Ленин будет, наконец, с нами! Сколько неясных вопросов, выдвинутых за этот бурный месяц огромными массами рабочих и солдат, вопросов, на которые мы — петроградские большевики — зачастую не могли найти верный ответ, будет теперь разрешено!

Но как оповестить рабочих, солдат, матросов о приезде Владимира Ильича? Ведь сегодня пасха. Предприятия не работают, газеты не выходят, многие солдаты и матросы отпущены на праздник из казарм... Надо использовать живую связь. Дворец Кшесинской охраняют

¹ Все даты даются по старому стилю.

солдаты броневое дивизиона. В февральские дни они захватили дворец и передали его большевикам. Эти солдаты — бывшие рабочие, на которых вполне можно положиться. Среди них наибольшим авторитетом пользуется Георгий Васильевич Елин, председатель большевистской ячейки броневое дивизиона, он же комендант дворца. Срочно вызываю его.

Через некоторое время появляется Елин — солдат богатырского роста, в папахе, стройный и подтянутый. Показываю ему телеграмму, и этот обычно сдержанный человек не может скрыть своего волнения.

— Немедленно разбудите, — говорю я ему, — всех членов большевистской ячейки бронедивизиона и направьте их на квартиры членов Центрального Комитета и Петербургского комитета большевиков с извещением о предстоящем приезде Ленина. Как можно скорее дайте об этом знать в рабочие общежития, на военные корабли, в солдатские казармы.

С минуту молчу, раздумывая о том, что еще надо для того, чтобы организовать Ленину достойную встречу, потом предлагаю:

— Давайте выведем к вокзалу броневые машины! Надо показать Владимиру Ильичу, какой боевой силой уже обладает большевистская организация Питера.

Елин вздрогнул. Лицо его отразило большое внутреннее волнение.

— За вывод боевой машины — военно-полевой суд, — тихо говорит он.

— Надо пойти на это, — отвечаю я, не спуская с него глаз.

Елин погружается в глубокое раздумье. В нем происходит большая внутренняя борьба.

Я стараюсь прочесть на его лице, что победит: преданность партии и большевистское мужество или страх перед репрессиями, почти неизбежными?

Мне известно, что еще юношей — рабочим Коломенского завода Елин вместе со своим старшим братом участвовал в вооруженном восстании 1905 года.

Когда я вспоминаю об этом, у меня вырастает уверенность: Елин броневики выведет!

...Наступил вечер. Теплый, весенний вечер. Опасения, что не удастся своевременно широко оповестить рабочих, солдат и матросов о приезде Владимира Ильича, оказа-

лись напрасными. Весть о возвращении Ленина облетела все рабочие районы и солдатские казармы Петрограда. Узнал об этом и Кронштадт.

— Ленин едет! Ленин будет с нами! — радостно передается из уст в уста.

На широких проспектах Петрограда раздаются торжественные звуки «Марсельезы». Это идут к Финляндскому вокзалу встречать Владимира Ильича колонны рабочих Выборгского района. Вместе с ними движется бывший лейб-гвардии Московский полк, расквартированный в том же районе. Впереди на сером коне, с красной повязкой на руке — один из распорядителей шествия. За ним несут алые знамена и плакаты. Далее шагает Красная гвардия.

Рабочие Выборгского района занимают на привокзальной площади центральное место у входа в бывший царский павильон. Не успели они построиться, как подходят со своими знаменами, плакатами, со своей Красной гвардией колонны рабочих Петроградского района. С ними — гвардейский Гренадерский полк. Все они занимают место рядом с выборжцами.

Слышны трубы других приближающихся оркестров. На площади показываются многочисленные ряды путиловцев. За ними рабочие Балтийского, Невского, Охтенских пороховых, «Треугольника», «Скорохода» и многих других фабрик и заводов.

Вся площадь перед Финляндским вокзалом заполняется народом до отказа.

За колоннами рабочих располагаются стройные шеренги солдат прибывших войсковых частей.

Для колонн, подошедших позднее, на площади нет уже места. Они останавливаются на прилегающих улицах. Все радостно взволнованы.

За минувший месяц петроградцы не раз шли на вокзал встречать возвращающихся революционеров. Но такой встречи не было...

Над головами собравшихся — целое море красных знамен и плакатов. На плакатах — приветствия вождю пролетариата, боевые лозунги дня:

- Да здравствует Ленин!
- Да здравствует вождь революции!
- Да здравствует 8-часовой рабочий день!
- Земля крестьянам!

— Долой войну!

— Да здравствует революция!

Ветер, врывающийся на площадь с Невы, подхватывает полотнища знамен и плакатов, треплет их. Кажется, что площадь покрывается багровым пламенем.

Неожиданно в наступившей тишине раздаются резкие звуки сирены. Народ настороженно всматривается и вдруг, пронизывая гущу людей длинными лучами своих фар, на площадь, покачиваясь на ходу, медленно въезжают один за другим два броневика — самое грозное оружие того времени.

— Не подвел Елин, — мелькает в голове.

Броневики направляются к подъезду бывшего царского павильона. Их появление вызывает неопишуемый восторг. Раздаются громовое «ура!» и бурные аплодисменты.

Броневые машины разворачиваются и, как два закованных в железо часовых, занимают места по обе стороны входа в павильон, через который пройдет Ленин. Подходят грузовики с прожекторами.

При свете прожекторов площадь с колоннами народа, вокзал, колышющиеся знамена, сверкающие штыки Красной гвардии и солдат создают незабываемую картину.

Перрон, к которому должен подойти поезд из Финляндии, занимают рабочие делегации, отряды Красной гвардии и матросы из Кронштадта. Между ними располагаются оркестры.

Поезд опаздывает... Наконец, около половины одиннадцатого раздается мощный паровозный гудок, возвещающий о приезде Ленина. Наступает торжественная минута.

Слышится команда:

— На караул!

Красногвардейцы и моряки берут на караул и застывают в этой позе.

Оркестр играет «Марсельезу».

Поезд № 12 подходит к перрону. На площадке одного из вагонов появляется коренастая фигура Владимира Ильича Ленина. Он в темном демисезонном пальто, круглой жесткой черной шляпе, на нем блестяще вычищенные штиблеты. Из-под пальто виднеется темный костюм, белый воротничок рубашки и синеватый галстук. Вся его внешность отличается простотой и собранностью.

Небольшие темно-карие глаза смотрят зорко, пронизательно и в то же время приветливо.

Спустившись на первую ступеньку вагона, Ленин обводит взглядом встречающих, поднимает шляпу и радостно машет ею. Непередаваемый энтузиазм охватывает встречающих. По всему перрону гремит буря оваций, приветственных лозунгов.

Организаторы встречи дают знак, что Владимир Ильич будет говорить. Все смолкает. Первое же слово Ленина — «Товарищи!» — захватывает всех.

Владимир Ильич произносит это слово так, что каждый чувствует в нем всю глубину и силу любви его к трудящимся массам. Он говорит о том, что рабочие и солдаты в героической борьбе свергли самодержавие и в несколько дней превратили Россию из отсталой в политическом отношении страны в одно из самых свободных демократических государств.

— А теперь вам хотят подsunуть другого царя — капитал,— продолжает он. Но не капиталистам должны принадлежать фабрики и заводы, а вам, не помещикам земля, а крестьянам!

Эту краткую речь Владимир Ильич закончил призывом:

— Да здравствует социалистическая революция!

Стройные ряды рабочих и солдат качнулись, все невольно затихли; к таким словам не привыкли. Все как-то оцепенели, а потом всколыхнулись, встрепенулись. Раздался гром рукоплесканий и крики «ура!»

Сестрорецкие рабочие, пешком за много километров пришедшие встречать Ленина, бережно понесли его на руках в зал бывшего царского павильона, где Ленина ожидала делегация Петроградского Совета...

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, хотя и состоявший в то время в большинстве из соглашателей — меньшевиков и эсеров,— не мог не участвовать во встрече Ленина. Исполкомом Совета была выделена делегация во главе с меньшевиком Чхеидзе, который был в то время председателем Петроградского Совета. Последний рассчитывал склонить Ленина к участию в намечавшемся соглашательском блоке и в этом плане построил свою «приветственную» речь.

— Все мы рады вашему приезду,— распинался Чхеидзе.— За это время революция и рабочий класс сделали

большие успехи, действуя мирным путем и борясь за объединение всех социалистических сил. Мы рассчитываем, что вы не внесете нам раздора и будете вместе с нами продолжать дело, которое мы так хорошо наладили.

Вся фигура Владимира Ильича выражала крайнее нетерпение и раздражение, а когда Чхеидзе заговорил об образовании соглашательского «демократического» блока и пригласил Владимира Ильича принять участие в нем, Ленин окинул «оратора» презрительным взглядом, резко отвернулся от него, и, нащупав глазами место, где было больше рабочих, улыбнулся в толпу. Эта улыбка отразилась на всех лицах, как солнечный луч, прорвавшийся сквозь тучу. Ничего хорошего уже не ожидая, Чхеидзе поспешил закончить свою речь...

Словно не замечая присутствия меньшевистского лидера, Ленин обратился к рабочим, солдатам и матросам с краткой речью:

— Размах русской революции,— сказал он,— всколыхнул весь мир. За ней последуют другие. Однако Февральская революция не разрешила коренных задач, стоящих перед российским пролетариатом. Рабочий класс России не может остановиться на полпути. В союзе с солдатскими массами он превратит буржуазно-демократическую революцию в революцию пролетарскую, социалистическую.

Красногвардейцы, рабочие, солдаты и матросы с напряженным вниманием слушали то, о чем они так много думали, но что еще ни разу не говорилось им с такой прямотой. А Ильич продолжал:

— Завязалась смертельная борьба. Самую гнусную роль в этой схватке пролетариата с буржуазией играют всевозможные социал-предатели, прихвостни буржуазии. Рабочему классу не по пути с ними! Никакого соглашения с партиями, идущими на поводу у капиталистов!

Застегивая на ходу пальто, Чхеидзе торопливо направился к выходу... Делать ему здесь уже было нечего.

Владимир Ильич вышел на ступеньки парадного крыльца, опять сказал небольшую речь и его усадили было в автомобиль, но нечего было и пытаться проехать: все хотели видеть и слышать Ленина. Он сказал несколько фраз и закончил словами: «Да здравствует социалистическая революция!» Шеренги рабочих, солдат, ма-

гросов плотным кольцом окружили автомобиль. Я попросил Владимира Ильича перебраться на броневик, который в это время придвинулся к подъезду вокзала и стал рядом с автомобилем.

— Оттуда удобнее говорить стоя, объяснил я, и рабочие подняли Владимира Ильича на броневик. Стараясь овладеть всей площадью, громко и внятно Ленин произнес свою речь, страстный призыв к дальнейшему развертыванию революции. Характерный ленинский жест, которым он выбрасывал вперед правую руку, словно в ней и заключены искрометные его мысли, навсегда останется в памяти тех, кто слушал и видел Ленина на броневике у Финляндского вокзала...

Прожекторы инженерной части осветили безбрежное море голов, знамен, штыков... Броневик двинулся в путь. Народ, услышав, что гудит вся площадь, еще более высыпал на улицы. С подоконников свисали люди, несмотря на то, что был уже второй час ночи. В местах наибольшего скопления броневик останавливался, и Владимир Ильич говорил несколько коротких энергичных фраз.

Приехали ко дворцу Кшесинской. Когда броневик остановился, Владимира Ильича подхватили и понесли на руках во дворец. Тут его стали угощать чаем и дали ему какую-то еду. Он наскоро выпил стакан и сказал, что ему надо идти к народу, который его ожидает. Ленин вышел на балкон, сказал небольшую речь — рабочие опять не расходятся, а стоят все на месте. Тогда на балкон стали выходить другие товарищи из ЦК партии. Собранным было сказано, что Владимир Ильич завтра опять будет говорить, теперь он постоянно будет с народом. И только часа в три рабочие разошлись.

В одной из комнат на втором этаже был приготовлен товарищеский ужин. За длинным столом вокруг Ленина разместилось около 60 человек — актив петроградской организации большевиков. У каждого — ряд наболевших, требующих выяснения вопросов.

Но в соседних комнатах ожидают беседы с Ильичем другие товарищи — большевики, приехавшие в Петроград из различных губерний на Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов, — они тоже жаждут услышать Ленина. Кто-то предлагает перенести беседу в большой зал, где в недавнем прошлом балерина Кшесинская устраивала роскошные пиры.

Вместе с Лениным, так и не успевшим поужинать, все входят в облицованный белым мрамором зал. Огромные зеркальные окна его выходят на Кронверкский проспект и Петропавловскую крепость. Вдоль стен расставлена белая мебель, обитая шелком. В сторону Невы зал замыкается полукруглым выступом, в котором стоят огромные пальмы. Это зимний сад балерины. По камням живописного грота струятся серебристо-голубые ленты воды. За изящной стеклянной дверью располагается множество драпировок из дорогих бархатных тканей. Три массивные двери ведут из зала во внутренние комнаты дворца.

Для беседы выбирается самый отдаленный угол залы. Приносят простой стол, стулья и большие кухонные скамейки. За столом — Владимир Ильич, Надежда Константиновна Крупская, сестры Ленина Мария Ильинична и Анна Ильинична. Остальные усаживаются полукругом.

Беседа начинается с рассказа Владимира Ильича о том, как трудно было ему с группой других русских политэмигрантов выбраться из Швейцарии.

Возвращению большевиков на родину всячески препятствовали империалисты воюющих стран, зная, какую борьбу против затеянной ими бойни вел Ленин, находясь еще в эмиграции. Сторонники войны опасались, что по возвращении в Россию Владимир Ильич направит все силы революции на быстреее заключение мира.

Вспомнив что-то, видимо, очень интересное, Ильич улыбнулся, глаза его загорелись и он рассказал о встрече с солдатами во время следования по Финляндии. Солдаты ехали в том же вагоне и между ними и Лениным завязался разговор.

— Надо было слышать, с какой убежденностью они говорили о необходимости немедленного окончания войны, скорейшего отобрания земли у помещиков!

— Один из солдат, — продолжал Ленин, — наглядно показал, как надо окончить войну. Он сделал очень энергичное движение рукой, словно вбивая что-то глубоко в пол. Потом сказал: «Штык в землю — вот как окончится война!» И тут же прибавил: «Но мы не выпустим винтовок из рук, пока не получим землю». А когда я заметил, что без перехода власти к рабочим и крестьянам невозможно ни прекратить войну, ни наделить крестьян землей, солдаты полностью со мной согласились!

Рассказав об этом, Ленин стал расспрашивать о положении в Петрограде и на периферии. Петроградские большевики говорили о героической борьбе рабочих во время Февральской революции, о составе и деятельности Совета, о партийной работе в районах и о том, что до сих пор в рядах большевиков нет ясности по двум главным вопросам: о характере революции и об отношении к Временному правительству. Владимир Ильич обрушился на сторонников митингования и на защитников старых форм работы, свойственных подпольному периоду существования партии.

— Там, на площадях и улицах,— говорил Ленин,— миллионные массы мучительно ищут правильных путей к решению вопросов о войне, о земле, о новом устройстве жизни. А большевики в это время целыми днями митингуют и думают овладеть массами при помощи кружков!

Революция не праздник, и мы не керенские, которые только и делают, что приветствуют друг друга. Революция — это тяжелый труд и кропотливая, повседневная работа по воспитанию, сплочению и организации широчайших масс. В корне необходимо перестроить агитацию и пропаганду. У рабочих станков, в казармах и на военных кораблях следует герпеливо, настойчиво и упорно разъяснять — по группам и каждому в отдельности,— разъяснять необходимость дальнейшей героической борьбы за прекращение войны, за землю, за рабочий контроль над производством, за выполнение других требований трудящихся масс.

Это не был доклад. Не было это и выступлением. Шла задушевная беседа Ленина со старой партийной гвардией, с боевыми друзьями, стосковавшимися о своем вожде и теперь жадно ловившими каждое его слово. Владимир Ильич не оставил без разбора ни одного вопроса, поднятого присутствующими.

Наконец, он переходит к тому, что больше всего волнует собравшихся, волнует всю партию. Он говорит о характере и движущих силах русской революции и об отношении к Временному правительству. Наступает такая тишина, что слышно даже собственное дыхание.

— В настоящее время в стране фактически две власти: власть буржуазии (Временное правительство) и Советы рабочих и солдатских депутатов как зародыши

власти рабочих и крестьян. Целью развстрывающейся революции должна стать республика Советов. При существующем положении требование парламентской республики является требованием, направленным против рабочих. Оно целиком служит целям буржуазии, которая воспользовалась плодами героической борьбы рабочих и солдатских масс и захватила власть в свои руки.

Временное правительство — это правительство буржуазии и помещиков, правительство империалистической войны. С помощью меньшевиков и эсеров оно обманывает народ, стараясь в подходящий момент совместно с иностранными империалистами задушить революцию, ликвидировав Советы. Поэтому никакой поддержки Временному правительству! Всячески разоблачать перед массами контрреволюционную сущность социал-предательских партий!

В конце беседы Владимир Ильич зачитал основные положения своего доклада «О задачах пролетариата в данной революции» — документ, вошедший в историю как знаменитые «Апрельские тезисы».

На этом и закончилась беседа. Делегаты Всероссийского совещания Советов попросили Владимира Ильича выступить на их заседании сегодня же утром. Узнав, что на нем будет обсуждаться вопрос о создании блока социал-демократических течений, Ленин тотчас же согласился прийти, но предложил предварительно созвать большевистскую фракцию совещания.

Стали расходиться. Для многих мысли Ленина были их мыслями. Ленин собрал эти мысли в стройную систему, облек в точную форму, придав им действенный, боевой характер — стало ясно, что теперь надо делать.

Но других, и среди них были весьма ответственные работники партии, новизна ленинского решения коренных проблем революции испугала. Они полагали, что предлагаемая Владимиром Ильичем тактика может поставить пролетариат вне образовавшегося уже общедемократического фронта и привести к полной изоляции партии. Они считали несвоевременным открытое выражение недоверия Временному правительству. Страшила их ленинская нетерпимость к соглашателям и перспектива немедленного и полного разрыва с ними. Особенно новым и непонятным для них являлось требование о переходе вла-

сти в руки Советов. Были, однако, и такие, которых ленинские слова просто ошеломили.

Утром — это было уже 4 апреля — на большевистской фракции совещания мы вновь услышали из уст Ленина тот же набатный призыв к борьбе с буржуазией и ее агентами!

Совещание происходило в Таврическом дворце.

Еще задолго до прихода Владимира Ильича начали здесь собираться делегаты-большевики. Тотчас же стали стихийно возникать то там, то здесь, то в одном, то в другом месте группы делегатов, страстно обсуждавших выступление Ленина, которое многим уже стало известно со слов тех, кто ночью был во дворце Кшесинской.

Появление Ленина было встречено бурным восторгом. На фракции Владимир Ильич изложил и подробнейшим образом обосновал свои тезисы. В яркой речи, полной вдохновения, захватывающей своей глубиной и убедительностью, были исчерпывающе раскрыты перспективы революции.

Все воспринимали слова Владимира Ильича как откровение. Было ясно: надо либо целиком становиться на позиции Ленина, либо полностью отвергать их.

Когда Ленин окончил свое выступление, собрание устроило ему овацию. Затем было задано бесчисленное количество вопросов. Они касались главным образом отношения к Временному правительству и соглашателям. Взволновала всех и сосредоточила на себе особое внимание идея республики Советов. Прения разгорелись чрезвычайно страстно — преимущественно вокруг вопроса о своевременности и возможности силами пролетариата и беднейшего крестьянства разрешить задачи, поставленные Лениным. Но сколько бы выступавшие ни приводили возражений против того или другого тезиса, после ответа Владимира Ильича возражения эти оказывались настолько необоснованными, что ни один из них не собрал сколько-нибудь значительного количества голосов. Заседание фракции несколько раз прерывалось предложениями президиума поскорее закончить обсуждение, так как нужно было идти на объединенное совещание меньшевиков и большевиков.

Когда заседание фракции было закрыто, к Владимиру Ильичу подошла группа членов партии, выступавших против его тезисов, и предложила ему отказаться от

выступления на совещании, так как это выступление, по их мнению, могло внести «раскол в ряды демократии». С трудом дослушав, Ленин быстро спустился по лестнице вниз, туда, где было созвано совещание...

Совещание социал-демократических депутатов Советов в подавляющем большинстве состояло из меньшевиков. Из нескольких сот участников большевиков было около ста человек.

Уже самый приезд Ленина из эмиграции в Россию был важным политическим событием. В раскаленной атмосфере борьбы различных партий каждому политическому деятелю хотелось поскорее услышать голос большевистского вождя, ознакомиться с его взглядами на революцию. Но сверх того среди участников совещания уже разнеслась весть о ленинских тезисах, вызвавших бурный восторг друзей и жгучую ненависть врагов.

Стараясь остаться незаметным, Ленин вошел в зал и сел неподалеку от оратора. Но Владимира Ильича заметили. В зале зашумели: «Ленин», «Ленин», тишины уже как не бывало. Видя, что его никто не слушает, оратор поспешил закончить свою речь.

В президиуме объявили:

— Слово имеет товарищ Ленин.

Владимир Ильич быстро поднялся на трибуну.

Само его появление показало, что «единству», о котором говорили меньшевики, не бывать. Большевики встретили появление Ленина громом аплодисментов. К ним присоединилась и наиболее добросовестная часть меньшевиков — главным образом из низов. Остальные, насупившись, хранили гробовое молчание.

Пока продолжались аплодисменты, он оглядел себя, поправил пиджак, пригладил волосы на затылке и устремил свой пронизывающий насквозь взгляд в зал. Видно было, что чувствует он себя в этом зале неуютно и готовится к чему-то необычайному. Здесь действительно ставился очень важный и серьезный вопрос. Вопрос о том, что большевики, эта численно небольшая в то время партия, хотят оторваться от всей массы социал-демократии. Неудивительно, что у многих, даже большевиков, возникло опасение: «Ну, вот мы оторвемся, а выйдет ли что-нибудь у нас?»

Владимир Ильич начал свою речь с обличения соглашателей в том, что они являются лакеями буржуазии и

ее агентурой в рядах рабочего класса. Раздувая шовинизм, они помогают буржуазии бросать рабочих и крестьян одной страны против трудящихся другой страны.

При первых же словах Владимира Ильича начали резко обозначаться в зале два неприкрыто враждебных друг другу лагеря. Слова Ленина приводили в неистовство меньшевиков, вызывали с их стороны крики «дойлой!», бешеную ругань и угрозы по адресу Владимира Ильича. С каждой новой мыслью Ленина эта враждебность нарастала

Неистовым воем и ревом было встречено заявление Ленина о том, что между большевиками и соглашателями-меньшевиками не может быть никакого единства, так как соглашатели стоят за продолжение империалистической бойни и за поддержку буржуазного Временного правительства. Прикрываясь на словах лозунгом «обороны революции», они на деле предают ее, изменяют делу пролетариата и используют в интересах капиталистов преданность широких масс революции, их добросовестное оборончество. Соглашатели пользуются политической неопытностью этих масс, их неумением разобраться в создавшейся сложной обстановке и сбивают их с правильного пути, который подсказывает трудящимся их классовое чутье.

Перейдя к оценке международного положения, Ленин отвел большое место изложению изменнической политики и практики II Интернационала. Он заклеил его предательство в отношении рабочего класса.

Когда Владимир Ильич сказал, что в настоящее время германская социал-демократия превратилась в смердящий труп, меньшевики пришли в неистовство. Эту пощечину они не без основания приняли на свой счет. По адресу Ленина раздалась самая злобная брань. Соглашатели требовали, чтобы президиум совещания лишил его слова. Заправилы социал-предателей подталкивали своих сторонников на эксцессы.

Ленин стоял невозмутимо среди этой разбушевавшейся стихии. Надо было видеть, какой силой и спокойствием дышало его лицо, вся его фигура, чтобы понять значение и истинную роль Ленина в этот переломный момент, когда из отживающей фазы революции надо было могучей рукой перевести ее в новую фазу.

Он стоял, как кормчий корабля во время сильнейшей бури, стоял спокойный, ясный, простой и величественный, потому что знал и видел, куда вести корабль.

Не было ни одного человека на этом совещании, кроме самого Владимира Ильича, который соблюдал бы выдержку, хладнокровие и спокойствие.

Развивая свой взгляд на Советы рабочих и солдатских депутатов, Ленин заявил, что в их лице рабочий класс нашел подлинную форму своей диктатуры. В деревнях следует создать Советы батрацких депутатов и крестьянские комитеты — для отобрания земли у помещиков, у церквей и монастырей и для передачи этой земли крестьянам.

— Революция в нашей стране должна привести к республике Советов.

Вскочили со своих мест соглашатели. Они начали свистеть, орать, бешено стучать по пюпитрам, топтать ногами. В зале поднялся невообразимый шум. Лидеры меньшевиков: Чхеидзе, Церетели и другие, сидевшие в президиуме, перепугались насмерть. Они напрасно пытались водворить порядок, обращаясь прямо-таки с мольбой то направо — к своим единомышленникам, то налево — к большевикам. Так продолжалось минут десять.

Затем буря стихла. Она разгорелась вновь, когда Владимир Ильич стал говорить об отобрании земли у помещиков и о передаче ее крестьянам, и особенно когда он рассказал о своей встрече с солдатами в вагоне, о том, что они думают относительно войны. Большевики встретили это новой бурной овацией, на правых скамьях — опять неистовство.

Нетрудно догадаться, какой характер могли носить прения. Меньшевики называли Владимира Ильича «бунтарем», «анархистом». Его речь называли «бредовой». Говорили, что он «отсек себя от революции», что он «попирает ногами все традиции демократии», что за ним, «кроме кучки «сектантов», не пойдет никто». Разумеется, социал-предатели не могли согласиться ни с одним из ленинских тезисов.

Знаменитая речь Ленина разнеслась по всей стране. Не было в России такого завода, такой казармы, где бы она не обсуждалась.

Через большевистскую прессу, а также через так называемые «землячества» рабочих и солдат эта речь была

перенесена на фронт и в деревню. Многие тысячи сознательных рабочих, солдат и матросов приложили все усилия к тому, чтобы ленинская правда стала достоянием самых широких масс трудящихся.

Эта речь была самой пламенной, самой агитационной, самой действенной из всех речей, когда-либо прежде произносимых перед трудящимися.

Но не дремали и враги революции. Они развернули гнусную клеветническую кампанию. Началась бешеная травля большевиков.

С каждым днем положение становилось все тревожнее. На улицах появились целые полки хорошо вооруженной бывшей царской гвардии, манифестировавшей под лозунгом доверия Временному правительству. Контрреволюционная буржуазия явно начала готовить темные слои несознательных солдатских масс и обывателей к расправе с большевиками.

Весь Петроград превратился в одно сплошное бушующее море людей, которые спорят и дискутируют друг с другом. Одни стоят за Ленина, другие — против него.

14 апреля, перед открытием Петроградской городской конференции большевиков, Временное правительство снова вывело войска на манифестацию. Эта манифестация особенно встревожила Владимира Ильича. В разговоре со мной он сказал, что силами Военной организации необходимо вывести на улицу хотя бы одну роту под лозунгами нашей партии.

Надо показать буржуазии, говорил Ленин, что у большевиков есть вооруженные силы и что против оружия они пустят в ход со своей стороны оружие.

Демонстрация — правда, небольшая, в составе одного лишь пулеметного полка и нескольких отрядов вооруженных рабочих — состоялась. И действительно, стоило только появиться на улице войсковым частям, стоявшим за большевиков, продефилировать небольшой демонстрации под большевистскими лозунгами, как Временное правительство струсило и прекратило свои военные манифестации.

14 апреля открылась общегородская Петроградская конференция нашей партии, на которой Владимир Ильич сделал доклад о текущем моменте. Этот доклад отличался исключительной полнотой и ясностью, широтой перспективы и неумолимой ленинской логикой. На всех участников конференции он произвел глубочайшее впечатление.

Доклад содержал в развернутом и подробно аргументированном виде те положения, с которыми ознакомил Владимир Ильич партийных товарищей в день своего приезда во дворце Кшесинской, а затем — на большевистской фракции совещания депутатов Советов.

Правда, новые задачи, выдвинутые Лениным на партийной конференции, его требование новых форм и методов работы привели и здесь в смущение весьма опытных работников подпольного периода. Тем не менее партийный корабль, твердо и уверенно направляемый таким рулевым, как Ленин, пошел по новому курсу.

После конференции Владимир Ильич продолжал с неослабевающим упорством и терпением при каждом случае разъяснять нам стоящие перед партией задачи.

— Наша задача теперь в том, чтобы мы сами как можно лучше сплотились, как можно лучше осмыслили положение. Наша задача теперь в том, чтобы дальше понести свою агитацию и пропаганду из стен заводов и фабрик в казармы, в гущу крестьянства и заставить его понять, что рабочий класс не враг ему, что революция, которая началась в феврале, еще далеко не кончилась и что, начав революцию, мы непременно должны ее довести до конца, что эта революция даст освобождение всем трудящимся и выбьет из-под помещиков и капиталистов основу их существования, то есть отнимет у них землю, фабрики, заводы, банки и передаст их в руки трудящихся. Когда мы таким образом поведем агитацию среди солдат, которых теперь капиталисты особенно стараются натравить против нас, и среди рабочих,— мы победим.

Владимир Ильич разъяснил нам, как наиболее верно и наиболее быстро воздействовать на малосознательных солдат, находящихся под влиянием агентов буржуазии и мало разбирающихся в сложных обстоятельствах.

— Им большие речи не нужны,— говорил Ленин,— большая речь затрагивает очень много вопросов и, в конце концов, внимание солдата рассеивается. Он не может всего охватить. Получится, что вы его не удовлетворите и он останется недоволен вами. Ему надо говорить о мире, о земле, а здесь много толковать не приходится: солдат поймет вас с нескольких слов.

Владимир Ильич требовал, чтобы к солдатам были брошены сотни, тысячи самых простых агитаторов, умею-

щих разъяснить четыре вопроса: о мире, земле, рабочем контроле над фабриками и заводами и о власти.

Солдату нужен мир, потому что он устал, измотался за время этой тяжелой многолетней войны и теперь всеми силами жаждет отдохнуть, вернуться домой, поправить свое хозяйство.

Ему нужна земля. Он знает, что его семья голодает, что накормить ее может только земля.

Он понимает также, что нельзя оставить в руках капиталистов фабрики и заводы, нельзя оставить власть. Все это нужно взять в руки рабочих и крестьян. И чем проще будет агитатор, чем бесхитростнее он будет говорить об этих четырех вещах, тем скорее солдат дойдет до большевизма, так как он теперь избегает большевиков незоснательно, его так настроили, а в сущности он сам выставляет такие же требования, как и большевики.

Кого же Владимир Ильич советовал посылать к солдатам в качестве агитаторов? Он говорил, что в Февральской революции одну из самых видных ролей, кроме рабочих, сыграли матросы. Вот их и нужно послать к солдатам! Пусть они идут в казармы и скажут солдатам: «Мы братья. Ты с винтовкой и я с винтовкой и мы оба делаем одно и то же дело. Вы проливаете кровь и мы проливаем кровь».

Мы тогда решили вызвать из Кронштадта передовых матросов. Этим распоряжалась Военная организация большевиков. Владимир Ильич старался держать ее все время около этого дела.

Приехали несколько сот матросов. Целая армия агитаторов! Мне пришлось, помню, инструктировать их о том, что они должны делать. Матросы говорят:

— Как же мы пойдем в казармы? Нам солдаты там будут задавать вопросы, на которые мы не сможем ответить.

Я спрашиваю:

— О мире вы говорить можете?

— Можем,— отвечают матросы.

— О земле можете?

— И о земле можем.

— А о власти?

— И о власти скажем.

— А о том, что рабочие должны установить контроль над производством, можете говорить? А вот если на

какие вопросы не сможете ответить, тогда говорите, чтобы они выбирали делегацию и за разрешением этих вопросов посылали ее к Ленину.

Потом с ними по группам беседовал Владимир Ильич. Он вооружил их своими указаниями, научил, каким путем они должны действовать, чтобы привлечь солдатскую массу на свою сторону. Главное, чего от них требовал Ленин, заключалось в том, что если начинаешь дело, то необходимо его доводить до конца.

И мы дали посылаемым матросам такой наказ: пока не добьешься успеха — не выходи из казармы, ешь, пей и спи вместе с солдатами. А если тебя будут там колотить, то прими и колотушки.

Однако для того, чтобы матросам было спокойнее, мы распорядились посылать их по несколько человек.

Действительно, некоторые матросы пробыли в казармах 3—5 дней, а некоторые и неделю, а потом приходили к нам и говорили, что такой-то полк за большевиков. Мы таким образом в течение каких-нибудь десяти дней создали перелом в настроении у солдат. Через десять дней было уже 11 полков, которые вполне уяснили, что большевики делают общее дело, дело рабочих и крестьян, что они ведут народ к захвату земли, к заключению мира и передаче власти из рук буржуазии, помещиков и генералов в руки рабочих и крестьян.

Это был широко организованный большевистский поход агитаторов во все казармы Петроградского гарнизона. Несмотря на имевшие место террористические акты со стороны контрреволюционных офицеров некоторых войсковых частей, он сопровождался большим успехом. Агитаторы оставили глубокий след в сознании солдат. Простым языком они сумели доказать, что рабочие — настоящие друзья и союзники крестьян, что без руководства рабочих солдаты всегда могут подпасть под влияние буржуазии и ее лакеев — меньшевиков и эсеров, что без помощи организованных рабочих крестьяне не сумеют добиться прекращения войны и получить помещичью землю.

Массовый поход рядовых агитаторов в казармы поднял агитацию на более высокую ступень и придал ей конкретный характер, направив ее на осуществление большевистских требований.

Почти в каждой казарме солдаты настаивали на том, чтобы перед ними выступил сам Ленин.

По окончании этого похода, продолжавшегося несколько дней, было вскоре созвано в помещении Морского корпуса огромное собрание рабочих, солдат и матросов. Обширный зал, вмещавший около 4000 человек, был битком набит, так что для всех желающих слушать Ленина не хватило места. Многие стояли на лестницах и у входа.

С первых же слов своей речи Владимир Ильич так овладел собранием, что вся эта гигантская масса слушала его, затаив дыхание. Не слышно было ни слова протеста, а выводы, к которым приходил Ленин на основании разбора фактов, вызывали гром аплодисментов.

Владимир Ильич говорил об империалистическом характере войны, говорил о том, кому она выгодна, какие муки и лишения приходится переносить народу ради бешеных барышей капиталистов.

Он говорил также о том, что война привела народ на край пропасти и что, если ее не закончить немедленно, голод и разруха погубят страну и превратят ее в колонию империалистических хищников.

Каждая мысль, высказанная Лениным, западала глубоко в сердца рабочих и солдат.

В момент наивысшего напряжения через толпу вдруг пробился солдат с несколькими георгиевскими крестами, полученными им на войне за особую храбрость. Он вошел на трибуну и, подойдя к Владимиру Ильичу, снял с груди кресты и отдал их Ленину:

— На газету «Правду».

За ним последовали и другие солдаты. На трибуне вскоре образовалась целая груда георгиевских крестов.

С громадным энтузиазмом были встречены слова Ленина об отобрании помещичьей земли, передаче ее крестьянам и образовании для ее распределения крестьянских комитетов.

Когда Владимир Ильич говорил на этом собрании о буржуазном характере Временного правительства и о том, что оно является правительством империалистической войны, проводником воли помещиков и капиталистов, ни один голос не поднялся в защиту Временного правительства.

Ленин разъяснил, что единственным выходом из тупика, в который попал народ в результате этой бессмысленной бойни, является прекращение войны.

По окончании речи Ленину была устроена восторженная овация. Когда он проходил мимо расступившихся солдат, лица их светлели и слышалось: «Наш. Это — наш».

А в это время буржуазия вновь стала почти ежедневно устраивать демонстрации то студентов, то полков, которые находились на ее стороне, то служащих. По всему Петрограду происходили демонстрации.

Ленин говорил, что нужно и нам устроить широкую демонстрацию.

Мы, руководители Военной организации, сказали тогда Владимиру Ильичу, что сейчас на стороне соглашателей большинство и если мы теперь выйдем на улицу, то произойдет схватка, которая может затем превратиться в Варфоломеевскую ночь, т. е. в поголовное истребление наших единомышленников.

Владимир Ильич ответил нам, что мы не правы, нам не нужно бояться солдат, а нужно их подготовить, чтобы они были тверды и верили в те лозунги, которые понесут. Если же произойдет схватка, то надо устроить так, чтобы солдаты с нашей стороны побратались с солдатами с той стороны, сказав им: мы рабочие и крестьяне, вы — тоже, почему же мы находимся в двух разных лагерях? Разве мы не одного класса? Вас заставляют идти против нас потому, что мы несем лозунги, которые неприятны людям, пославшим вас против нас?

— Тогда, — говорил Владимир Ильич, — солдаты, которые находятся с той стороны, перейдут к нам.

Как только рабочие и крестьяне в солдатских шинелях, бывшие на стороне меньшевиков и эсеров, поняли наши лозунги, они стали переходить на нашу сторону, сначала отдельными группами, а потом целыми полками и дивизиями. Революция шла по пути, о котором говорил Владимир Ильич...

Развивая дальнейшие перспективы, Ленин предостерегал, что правительство буржуазии постарается теперь как можно скорее осуществить свои лозунги и прежде всего лозунг войны вместе с союзниками до победного конца, что в то время означало бы уничтожение республики, разгром революции.

Все, что говорил Ленин, скоро сбылось.

18 апреля состоялась грандиозная первомайская демонстрация. В этот год впервые трудящиеся России

праздновали 1 Мая в один и тот же день со всем международным пролетариатом (ранее Первомайские демонстрации в России проводились по старому русскому календарю).

День 1 Мая 1917 года в Петрограде был на редкость теплым и солнечным. С утра рабочие колонны девяти районов города стали стекаться на центральные площади. Сотни тысяч рабочих размещались на Марсовом поле, Исаакиевской, Дворцовой и других площадях. Солдатские колонны вливались в колонны рабочих, их появление рабочие приветствовали громкими криками «ура».

В первой шеренге колонны Выборгского района шел В. И. Ленин. Огромное Марсово поле и другие четыре площади были заполнены до пределов. В разных местах с импровизированных трибун выступали ораторы. Тут были и специально выстроенные помосты, и грузовые машины, и просто телеги. Ораторы говорили одновременно со 167 трибун.

Первую речь В. И. Ленин произнес перед рабочими-выборжцами, затем он выступал перед солдатами гренадерского лейб-гвардии Павловского и других полков. И. В. Сталин выступал перед рабочими Василеостровского района, перед солдатами гвардейского Финляндского и других полков. В своих речах большевики говорили о необходимости прекратить войну, отобрать землю у помещиков, установить рабочий контроль на фабриках и заводах. Центральной задачей они ставили борьбу за единовластие Советов рабочих и солдатских депутатов.

Выступавшие рабочие и солдаты выражали полную готовность народа к борьбе. Даже дети и юноши были преисполнены решимости. Среди колонн малолетних рабочих (труд малолетних широко применялся в петербургской промышленности) выступал совсем юный паренек. «Мы требуем,— говорил он,— запрещения труда малолетних, мы требуем бесплатного обучения до 15-летнего возраста».

Возвращаясь с площадей, многие рабочие и солдатские колонны приходили к дворцу Кшесинской и вновь вызывали на балкон Ленина и его соратников и слушали слова большевистской правды, слушали и одобряли программу партии, программу борьбы за свободу и счастье трудящихся.

В это же время за спиной народа готовилось гнусное предательство дела революции. Милюков, который был тогда министром иностранных дел, послал 18 апреля ноту всем союзным государствам о том, что Россия готова вести войну до победного конца.

Центральный Комитет в резолюции от 20 апреля обратился к пролетариату с разоблачением Временного правительства, говоря, что нота Милюкова означает объявление войны против рабочего класса, против республики.

В тот же день революционный рабочий класс Петрограда после двухдневной первомайской демонстрации снова вышел на улицу со своими знаменами и лозунгами. Буржуазия не ожидала такого выступления, она растерялась и не смогла сразу воспрепятствовать этой мощной демонстрации. То была первая послефевральская схватка рабочего класса и крестьянства, с одной стороны, и буржуазии — с другой.

Петерский пролетариат в этой грандиозной демонстрации был уже не один: его энергично поддержали войска. Финляндский полк, 180-й запасный полк, броневой дивизион, моряки Балтийского флотского экипажа и другие вооруженные части вышли на улицу, на площади и пришли к Мариинскому дворцу, где помещалось Временное правительство. Здесь, на той самой площади, на которой в 1825 году Николаем I было потоплено в крови восстание декабристов, потомки сраженных тогда солдат потребовали от министра иностранных дел Милюкова ответа по поводу его ноты союзникам, обещавшей вопреки воле революционного народа продолжение войны до «победного конца». Скрытые в разных местах провокаторы начали предательски стрелять в толпу. На улицах произошли схватки между офицерскими бандами и отрядами вооруженных рабочих.

Позднее буржуазия всячески старалась обвинить в происшедшем кровопролитии большевиков, упрекая их в намерении разжечь страсти, организовать погромы и т. д., но с несомненной ясностью расследованиями комиссии Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов было установлено, что стрельбу начали производить из ворот и окон банды провокаторов с целью вызвать эксцессы и кровавые репрессии. Даже в сообщении прокурора говорилось:

«По мнению лиц прокурорского надзора, производя-

ших расследование, стрельба производилась подонками общества с целью вызвать всегда выгодные хулиганам беспорядки и суматоху» («Речь» № 94, 1917 г.).

Эта схватка, если бы по указанию Ленина не была проведена предварительная работа среди солдат, могла закончиться большим поражением рабочего класса. А так как солдаты стали склоняться на сторону большевиков, то выступление окончилось победой рабочих.

В результате этого выступления, известного в истории как апрельская демонстрация, 5 мая было составлено так называемое коалиционное правительство, в которое кроме представителей буржуазии вошли эсеры и меньшевики.

Владимир Ильич говорил тогда, что это был первый кризис революции, первый ее перелом, который показывал, что революция может пойти или по буржуазному руслу и тогда мы будем иметь буржуазную республику вроде какой-нибудь французской или американской республики, или она пойдет по пролетарскому руслу.

После этой победы рабочего класса Ленин предостерегал: не обольщайтесь. Это только маленький сдвиг в нашу сторону и от нас будет зависеть — разовьем ли мы достигнутый успех или потеряем его. Имейте в виду, что буржуазия станет лихорадочно готовиться к следующей схватке и будет напрягать все силы к тому, чтобы эта схватка произошла как можно скорее, пока рабочий класс еще как следует не организовался. Владимир Ильич тогда поставил перед нами задачу, чтобы своей агитацией и пропагандой мы охватили возможно большее количество людей, чтобы сплоченность рабочего класса была еще большей.

Выполняя поставленную Лениным задачу, партия проделала огромную работу. Уже в конце мая мы создали такое настроение в Петрограде, Москве, на Урале и в других местах, что рабочие прямо-таки рвались на улицу, на демонстрации с лозунгами: «Долой коалиционное правительство!», «За мир, за хлеб, за рабочий контроль над фабриками, заводами, банками, за захват власти у буржуазии».

Это было начало июня — время I съезда Советов, который высказался, как известно, за продолжение войны, за то, чтобы оставить власть у буржуазии. Соглашательское большинство съезда предложило

усилить солдатский режим, чтобы «укрепить» фронт. К этому вел Керенский, который требовал восстановления для солдат прежних наказаний, в том числе и смертной казни.

Политика «крови и железа» восстанавливала массы против правительства и сплачивала их вокруг большевистской партии, решительно ставшей на защиту рабочих и крестьянских интересов. Солдаты стали реагировать на политику Керенского так же, как и рабочие, — требованием демонстрации, которая показала бы правительству, что массы переросли соглашательский уровень революции, вполне устраивавший керенских, церетели, либеров, данов и пр. Массы рвались на улицу, чтобы выразить свой протест против политики Временного правительства.

Начиная с мая, Военная организация направила свою работу на то, чтобы как можно шире распространить это настроение, добиться большей сплоченности солдатских масс и предотвратить возможность неорганизованных выступлений. Военная организация поставила перед ЦК партии вопрос о необходимости общей рабочей и солдатской демонстрации. Мы были поддержаны Лениным и Центральным Комитетом.

В соответствии с решением ЦК, ПК и ВО началась усиленная подготовка к демонстрации, причем детали ее, время и порядок были установлены на общем заседании фабрично-заводских организаций Петрограда совместно с Военной организацией и представителями полков, где были ячейки партии. Демонстрация была назначена на воскресенье 10 июня. В течение трех дней мобилизованные члены Военной организации и вызванные из Кронштадта в качестве большевистских агитаторов несколько сот матросов объединяли полки Петроградского гарнизона под знаменем партии, разъясняли значение демонстрации.

Известие о подготовке демонстрации в субботу вечером дошло до происходившего тогда I съезда Советов, состоявшего на три четверти из оборонцев. Узнав об этом и имея основания предполагать, что демонстрация будет далеко не дружественной в отношении соглашательских партий, меньшевистско-эсеровский президиум съезда пришел в негодование, и на большевиков посыпались обвинения в заговорщичестве, в подготовке

вооруженного восстания для захвата власти. От нас требовали отмены демонстрации и, если уж таковая необходима, провести ее под флагом съезда, т. е. от его имени, грозя в противном случае объявить большевиков партией, враждебной Советам.

На устроенном после этого фракционном заседании большевиков — делегатов съезда решено было согласно предложению съезда демонстрацию 10 июня отменить и принять участие в демонстрации 18 июня от его имени, но принять все меры к тому, чтобы она показала съезду влияние большевиков на пролетариат и войска.

Выступая на заседании фракции, Ленин говорил: хорошо. Мы пойдем на демонстрацию вместе. Но напрасно меньшевики и эсеры думают, что если мы пойдем вместе с ними, то пойдем под общими лозунгами. Нет, пусть каждый завод, каждая фабрика, каждый полк идет под своими лозунгами.

Ленин объяснил собравшимся, почему оборонцы всячески стараются отменить демонстрацию. Они в этом отношении представляют из себя рупор Временного правительства, которое готовило в это время наступление на фронте против немцев. Правительство полагает, что если наступление удастся, то большевики будут у него в руках. Большевики и эсеры смогут тогда сказать: «Посмотрите, как наше правительство сильно. Если вы хотите свалить такое правительство, то вас нужно вешать, вас нужно расстреливать». А если бы наступление не удалось, тогда они сказали бы, что это произошло из-за того, что большевики развращают солдат.

В связи с принятым решением об отмене демонстрации Военной организации предстояла огромная работа — до утра успеть успокоить рвущиеся к демонстрации и уже подготовленные к ней солдатские массы. С этой задачей Военная организация справилась с честью. С 7 часов утра до 11—12 часов дня воскресенья руководители Военной организации посетили почти все полки и дали указания всем ячейкам о перенесении демонстрации на 18 июня, причем наряду с членами Военной организации вели агитацию и мобилизованные съездом около 300 его делегатов, использовавшие свои выступления главным образом против большевиков.

К 12 часам стало ясно, за кем идет солдатская масса и кто в ее среде пользуется наибольшим влия-

нием. Солдаты хотя и ругались, протестуя против отмены демонстрации, хотя и обвиняли большевиков в нерешительности, но везде и всюду, во всех полках и частях, единогласно решали, что нужно подчиниться требованиям ЦК партии: «Хотя он и делает неправильный шаг, нужно показать врагам революции сплоченность революционных сил». Речи представителей Военной организации встречались тепло, тогда как соглашательских ораторов съезда прерывали возгласами: «Соглашатели!», «Изменники!», «Предатели!» и т. п. Было ясно, что отмена демонстрации является для съезда пирровой победой и что в дальнейшем демонстрация, под каким бы флагом она ни назначалась, пройдет под большевистскими лозунгами.

И действительно, демонстрация 18 июня явилась блестящим тому подтверждением.

Это было торжественное, наполнявшее сердце гордостью зрелище.

На Марсовом поле, перед трибунами, на которых собралось Временное правительство и все вожди соглашателей, завод за заводом, фабрика за фабрикой, полк за полком проходили рабочие, работницы, красногвардейцы, солдаты. Стройные колонны Московского, 1-го пулеметного, Гренадерского, Литовского, Волынского, Петроградского, Измайловского, Финляндского, 180-го запасного и других полков шли под целым лесом красных знамен и плакатов, надписи которых вызывали судороги на лицах «приветствовавших» демонстрацию оборонческих лидеров. «Долой 10 министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!», «Мир хижинам — война дворцам!», «Земля — крестьянам!», «Долой войну!»

И только отдельные группы, например самокатный батальон и некоторые казачьи полки, несли лозунги «Да здравствует коалиционное министерство», «Да здравствует Временное правительство».

Вид демонстрирующих был явно пролетарский, и многочисленные котелки и шляпы, по которым узнавали эсеров, меньшевиков, членов группы «Единство», тонули в море простых фуражек и потрепанных рабочих кепок.

Кто-то из меньшевистских лидеров, стоящих на трибуне, нервно одергивая галстук, громко сказал, так, чтобы было слышно рядом стоявшему Ленину:

— Большевики роздали готовые плакаты, а те их носят, ничего не понимая.

Ленин хитро прищурил глаз и, улыбнувшись, ответил:

— А почему они не идут с вашими лозунгами? Ведь сила на вашей стороне! Ваши лозунги, как видите, носят только те, кто ходит в шляпках и цилиндрах!

Воля демонстрантов была выражена не только теми лозунгами, с которыми они шли, но и тем, что, минуя площадь, колонны отходили в сторону, сохраняя строй, и не расходились. Меня это заинтересовало. Я спустился вниз и прошел в ряды демонстрантов. Оказалось, что они совсем не считают дело сделанным, у рабочих и солдат чесались руки, многие из них хотели тут же добиться осуществления своих требований. Раздавались голоса о том, чтобы здесь же арестовать Временное правительство. Пришлось сказать несколько слов, чтобы успокоить наиболее горячие головы...

После демонстрации я направился на квартиру к Владимиру Ильичу и там у него застал несколько членов ЦК. Я сказал, что демонстрация не удовлетворила рабочих. Рабочие, так же как солдаты и матросы, считают, что они выставили свои требования не для того, чтобы этим ограничиться, и так как эти требования не получили удовлетворения, то вслед за демонстрацией воли должна последовать демонстрация силы. В дальнейшем рабочими либо овладеет разочарование, либо они начнут готовиться к тому, чтобы действием подтвердить эти свои требования. Вопрос по существу состоит в том, что рабочие и солдаты после этой демонстрации будут рваться к восстанию.

Владимир Ильич внимательно слушал меня, а потом сказал:

— Это самый опасный момент, которого очень желает буржуазия. Она будет стремиться к тому, чтобы как можно скорее вызвать рабочих на восстание. Если восстание сейчас будет спровоцировано, то рабочие Питера потерпят большое поражение: их не поддержит фронт, не поддержит провинция, где большевистское движение еще не овладело массами.

— Наша задача,— говорил Владимир Ильич,— состоит в том, чтобы удержать рабочих и солдат от выступления в ближайшее время. Это нужно усиленно

теперь разъяснить массам, чтобы рабочий класс не поддавался на провокацию буржуазии и не выступил раньше времени. 18 июня — это второй кризис революции, кризис власти, из которого правительство будет стараться найти выход. Оно, конечно, не уступит без самой ожесточенной борьбы своих позиций, потому что буржуазия не может добровольно отказаться от власти и частной собственности.

— Но и повернуть против рабочих она сейчас круто не может. Ей для этого нужно, чтобы рабочий класс выступил открыто, и когда он это сделает, она его расстреляет.

— Правительство, — продолжал Ленин, — теперь будет постоянно выносить постановления, декреты и решения, задевающие интересы революции, которые можно толковать и так и этак и которые будут подбивать рабочий класс к выступлению. Буржуазия будет говорить: «Вот вы продемонстрировали свои лозунги о захвате власти, а попробуйте-ка взять эту власть!»

Партия в целом поняла Ленина, но тогда, к сожалению, она не сумела сделать это предупреждение осмысленным и ясным для всех рабочих и солдат Питера, которые после демонстрации 18 июня стали стремиться к тому, чтобы скорее схватиться с буржуазией.

Массы кипели гневом...

БУДНИ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Необходимость создания революционной Военной организации петроградские большевики почувствовали уже в дни Февральского переворота.

27 февраля 1917 года вместе с питерскими рабочими восстали Волынский, Саперный, Литовский, Павловский и другие полки. Они вооружили рабочих. Рабочие и солдаты соединились в боевые отряды.

Получив оружие, народ потребовал освобождения из тюрем своих вождей. Боевые отряды восставших на грузовиках мчались к тюрьмам, полицейским участкам и разрушали застенки царизма.

Появление на улицах грузовиков с вооруженными рабочими и солдатами подняло революционную энергию масс. Улицы очищались от полицейских, казаки скрывались, народ расправлялся с укрывавшимися на чердаках городовыми.

В каждом районе восставшие шли к казармам, требуя от солдат участия в освобождении народа. Офицеры запирали ворота казарм, выставляли караулы из «надежных» солдат. Но солдаты, возбужденные призывами рабочих, устраняли офицеров, сметали охрану и открывали ворота. Вскоре к восставшим присоединились и солдаты мастерских броневого дивизиона. Они вывели на поддержку революции бронемашину.

Быстрый переход войск на сторону рабочих решил судьбу самодержавия и обеспечил победу революции. В манифесте Центрального Комитета Российской

социал-демократической рабочей партии «Ко всем гражданам России» говорилось: «...Твердыни русского царизма пали... Столица в руках восставшего народа».

Манифест призывал народ продолжать вооруженную борьбу против царизма и создать временное революционное правительство, которое осуществит ближайшие задачи революции: заключение мира, конфискацию монастырских, помещичьих, кабинетских и удельных земель, передачу их народу и введение 8-часового рабочего дня.

Еще утром 27 февраля на собрании районного комитета и рабочих Выборгского района была образована инициативная группа по выборам Совета рабочих депутатов. Эта группа выпустила печатное воззвание:

«Товарищи!

Настал желанный час! Народ берет власть в свои руки. Революция началась.

Не теряйте ни минуты времени, создайте сегодня же временное революционное правительство.

Только организация может укрепить нашу силу. Прежде всего выбирайте депутатов, пусть они свяжутся между собой. Пусть под защитой войска создастся *Совет депутатов*.

Крепкой связью вы присоедините к себе остальных солдат. Идите к казармам, зовите остальных. Пусть Финляндский вокзал будет центром, куда соберется революционный штаб. Захватывайте все здания, которые могут послужить опорой для вашей борьбы.

Товарищи солдаты и рабочие!

Выбирайте депутатов, связывайтесь между собой. К организации для победы над самодержавием.

Организуйте Совет рабочих депутатов».

2 марта на заседании партийного актива, руководившего восстанием, был создан первый легальный Петроградский комитет большевистской партии.

Большевики немедленно связались с солдатскими делегациями, непрерывно двигавшимися к Таврическому дворцу, где начал работу Петроградский Совет рабочих депутатов. В большом Циркульном зале Таврического дворца большевики в горячих страстных речах убеждали солдат укреплять боевой союз рабочих и солдат. Они предлагали солдатам требовать, чтобы в

Совет рабочих депутатов были введены и солдатские депутаты.

Все солдатские делегации передали своим частям это предложение. Солдаты с радостью его приветствовали. Всю ночь на улицах у костров и в казармах происходили выборы делегатов в Совет от полков. Утром 28 февраля, как было условлено с представителями большевиков, делегаты явились в Таврический дворец и потребовали введения представителей солдат в Совет. Среди членов меньшевистско-эсеровского президиума Совета произошло замешательство. Поддержанные большевиками, солдатские делегаты вошли в зал Совета и, бурно приветствуемые революционными рабочими, настояли на том, чтобы в Совет рабочих депутатов были немедленно введены делегаты, избранные войсками. Так образовался первый в стране объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов.

Солдатские делегаты тут же поставили вопрос о смещении офицеров и добились издания от имени Петроградского Совета знаменитого «Приказа № 1». По этому приказу во всех частях избирались солдатские комитеты, устанавливалось равенство в правах солдат со всеми гражданами, отменялось обязательное отдание чести вне службы. Все оружие передавалось в распоряжение солдатских комитетов, воинские части в своих политических выступлениях подчинялись только своим комитетам и Совету рабочих и солдатских депутатов.

Борьба за влияние на армию происходила в Петрограде с особой остротой: здесь находились запасные полки всей бывшей царской гвардии, которую буржуазия после свержения царя намеревалась сделать своей прочной опорой. Эти полки, кроме того, являлись поставщиками гвардейцев на фронт. В Петрограде же находились гвардейские экипажи моряков, дивизионы броневых машин, военные училища и специальные части. А под Петроградом стоял поставщик на всю армию пулеметных команд — многочисленный 1-й пулеметный полк. В Кронштадте находился Балтийский военный флот. Концентрация сил, таким образом, являлась исключительной, и всем было ясно, что тот, за кем пойдет Петроградский гарнизон, будет диктовать свою волю. Это понимали и буржуазия и большевики.

С другой стороны, Февральская революция дала в руки петроградских рабочих оружие — частью оно было захвачено при разгроме полицейских участков, отобрано у городских, частью передано рабочим революционными солдатами. Возвращать буржуазии попавшее к ним оружие петроградские рабочие не намеревались. Наоборот, они решили поставить его на службу революции, но действовать оружием рабочие не привыкли, не умели.

Возникла неотложная необходимость организовать вооруженный пролетариат по-военному и научить его владеть оружием. Эта задача стала перед петроградской большевистской организацией сразу же после Февральского переворота и для ее разрешения Петроградский комитет РСДРП (большевиков) 3 марта 1917 года постановил выделить особую военную комиссию и ей поручить военные вопросы.

Военная комиссия, объединив всех солдат и матросов — большевиков Питера, создала из них основу будущей большевистской военной организации, а из делегатов от сочувствующих солдат и матросов различных частей образовала актив этой организации.

Не сразу Военная организация отлилась в ту форму, которую она приняла к октябрьским дням. В начальный период построение Военной организации было таково: военная комиссия, созданная Петроградским комитетом, была высшим ее руководящим органом. Комиссия состояла из товарищей, испытанных на военной подпольной работе, прошедших опыт восстаний 1905—1906 годов. В своей работе она опиралась на делегатское совещание. Делегатское совещание, состоявшее из представителей солдатских групп большевиков и сочувствующих большевистским лозунгам солдат отдельных войсковых частей, обсуждало вопросы солдатского быта, крестьянского хозяйства, организационные вопросы, вопросы постановки массовой агитации и пропаганды, подхода к различным категориям войск, изыскания материальной базы для развертывания работы. По окончании совещания делегаты являлись проводниками решений совещания в своих частях, толкователями большевистских идей и лозунгов, политическими учителями сырой солдатской массы. Они одновременно были вербовщиками из солдат членов Военной организации, соз-

давали большевистские ячейки в своих частях, распространяли газеты.

Первое время все нити от полков, батарей, эскадронов, дивизионов тянулись через делегатов непосредственно в военную комиссию. Промежуточных районных органов не было.

В этой стадии Военная организация, формируя пролетарские боевые дружины, еще не имела особого аппарата для их организации, управления и обучения.

Создав из солдатских делегатов свою рабочую часть, Военная организация прежде всего занялась преодолением влияния буржуазии и ее агентов — меньшевистской и эсеровской партий в солдатской массе.

Эта задача являлась очень трудной. Буржуазия, меньшевики и эсеры через Временное правительство и Советы опирались в армии на весь генеральский, офицерский и унтер-офицерский состав и на солдатские комитеты, избранные сразу после Февральской революции и в большинстве своем состоявшие из офицеров, унтер-офицеров и фельдфебелей. Агитаторы, докладчики, пропагандисты из меньшевиков и эсеров имели вполне свободный доступ в казармы. Буржуазная и меньшевистско-эсеровская пресса бесплатно распространялась по казармам. Все это лгало, обманывало, туманило головы туго разбирающимся в политических вопросах солдатам. Все это старалось обелить роль буржуазии и оборонцев, меньшевиков и эсеров в войне, взвалить вину за затягивание войны, за военные поражения на «лодырей» и «бунтовщиков» рабочих, «предателей» и «изменников» большевиков.

Сперва успехи такой кампании были головокружительны. Ни один большевик не мог появиться в казармах, не рискуя быть арестованным, а то и убитым. Солдаты-большевики и им сочувствующие в войсковых частях должны были скрывать — почти во всех казармах, — что они большевики или сочувствующие, иначе им не давали говорить, их избивали, призывали натравленную против большевиков солдатскую массу учинять с ними расправу, посылали их вне очереди на фронт, непосредственно на передовые позиции. Особыми приказами офицерство и солдатские комитеты не допускали в казармы большевистскую «Правду».

Военная организация в это время вела свою агитацию среди солдат на улицах или на специально устраиваемых для солдат митингах.

Таким образом, первым кадрам Военной организации пришлось выполнить рискованную, чрезвычайно трудную задачу. И вряд ли эти, еще слабые, молодые ряды «военки», как ее тогда называли, справились бы со своей задачей, если бы не возвращение Ленина из эмиграции в Петроград 3 апреля 1917 года, установившего новые формы и методы агитации и оказавшего этим огромную помощь в проведении большевистского влияния среди солдат.

К этому моменту Военная организация уже располагала целой сетью большевистских ячеек в войсках Петроградского гарнизона и Балтийского флота (Кронштадт и Гельсингфорс). Наиболее крепкие ячейки были в броневом дивизионе, в специальных инженерно-саперных частях и в шести бывших царских лейб-гвардии полках: Московском, Петроградском, Павловском, Измайловском, Гренадерском и Финляндском, а также в 180-м пехотном запасном полку.

Ячейки были созданы главным образом большевиками, пришедшими в эти части во время войны по мобилизации с различных заводов, по преимуществу — питерскими, московскими и нижегородскими металлистами.

Интерес рабочих и солдатских масс к Военной организации рос не по дням, а по часам. Дворец Кшесинской все больше приковывал к себе внимание солдат Питерского гарнизона и матросов Балтийского флота. Именно туда — в адрес Военной организации, в адрес Центрального и Петроградского комитетов партии стали поступать настойчивые требования солдат об открытии солдатского клуба и о постановке среди солдат систематической агитации и пропаганды, о разъяснении большевистских лозунгов, касающихся главным образом прекращения войны и передачи земли крестьянам.

Совещания представителей ячеек Военной организации в частях мало-помалу становились большими собраниями не только этих представителей, но и их активных сторонников. Потребность солдат в широкой политической агитации была сильнее, чем возможности, имевшиеся тогда у Петроградского комитета партии и

у Военной организации: клуба не было, не было еще и солдатской газеты.

Приезд Ленина, его ясная формулировка задач и характера революции заострили до крайности отношения к большевикам. Буржуазия разжигала у солдат дикую ненависть к нам. Положение требовало от большевистской партии и ее Военной организации чрезвычайнейшего напряжения всех сил, чтобы переломить настроение солдатских масс.

В это время партия наша была малочисленна. Она насчитывала 45 000 членов. А Военная организация — всего лишь несколько сот человек. Ленин сразу же по приезде в Петроград указал нам новую форму агитации, доступную каждому рабочему, каждому матросу — рядовым партийным массовикам: форму групповой агитации в беседах. Чтобы облегчить эту работу для массовиков, он предложил сконцентрировать всю агитацию на основных вопросах момента, сводя ее к самому существенному: к вопросам о власти, о земле, о войне. Ленинское указание сильно помогло каждому члену партии, каждому члену Военной организации в этом деле. Агитация была перестроена, агитаторы касались только вопросов, бравших слушателей «за живое», и это не замедлило сказаться.

Не было площади, сада, бульвара, угла, где бы не слышно было с раннего утра и до глубокой ночи большевистских агитаторов — простых рабочих. Выставленные Лениным вопросы, их жизненность, ясность, которую они вносили в запутываемую агентами буржуазии обстановку, так захватывали солдатскую массу, что она готова была слушать агитаторов по десятку раз в день. Политическое просвещение солдатских и рабочих масс в духе большевизма пошло семимильными шагами. Такую агитацию ничто и никто не могли остановить, заглушить. Скоро начали появляться признаки перелома в настроении солдатских масс: в казарму можно было идти уже смелее...

Чтобы расширить и углубить этот перелом, облегчить массам правильное понимание революционных событий, научить их разбираться в политической обстановке и явлениях, подготовить к борьбе за свои классовые интересы, а также расширять кругозор массовых солдатских и матросских агитаторов, Военная органи-

зация решила выпускать в духе проводимой ею массовой агитации популярную солдатско-крестьянскую газету.

С планом издания такой газеты я, как председатель военной комиссии Петроградского комитета партии, осуществлявшей руководство Военной организацией, явился к Владимиру Ильичу в редакцию «Правды» за советом и помощью.

Едва я рассказал, в чем дело, Владимир Ильич сразу же просиял, отложил в сторону гранки и, одоблив наше решение, принялся подробно расспрашивать о том, какое участие в этом решении принимали рядовые солдаты гарнизона, кто именно внес это предложение, чем мотивировал, что хотели бы увидеть на страницах этой газеты солдаты?

— Никакое другое средство пропаганды, заметьте, не будет иметь такой действенной силы, как хорошо поставленная популярная солдатская газета! — сказал он и сразу же заговорил о материальных средствах на издание ее.

Я сообщил Владимиру Ильичу, что солдаты намерены систематически производить сборы для этой цели.

— В частях гарнизона?

— И среди рабочих.

— Правильно, — заметил Владимир Ильич, — рабочие поддержат! Всея длительной практикой «Правды» этот способ добывания средств себя полностью оправдал. Но имейте в виду — он требует исключительной заинтересованности читателей в своем печатном органе и большой активности, организованности самой солдатской массы. Если вы станете выпускать газету для солдат — ничего не выйдет, надо, чтобы это была солдатская газета, — и Владимир Ильич сделал ударение на слове «солдатская». — Вы поняли меня? — спросил он, не дожидаясь ответа, тут же пояснил:

— Если писать в нее будут сами солдаты, тогда и читателей своих она заинтересует...

С того дня Владимир Ильич не переставал интересоваться тем, как идет подготовка выпуска солдатской газеты. Его повседневная помощь была настолько существенной, что уже 15 апреля, через 12 дней после приезда Ленина, представилась возможность выпустить № 1 солдатской газеты. Она была названа «Солдатской правдой».

С первого же дня ее появления Владимир Ильич стал питать к нашей газете особую симпатию.

Был установлен такой порядок. Каждое утро, через час после доставки газеты Владимиру Ильичу, я просил его отзыва о ней.

Ленин обычно указывал, что именно ему понравилась, какие статьи, заметки или отдельные места в них он считает неудачными, либо неправильными.

Он всегда напоминал об основной задаче редакции — настойчиво добиваться, чтобы сами солдаты писали в газету о том, что касалось их жизни и быта в окопах, в казарме, а также о их хозяйстве в деревне, — обо всем том, что волновало солдат.

Требования, которые предъявлял Владимир Ильич, «Солдатская правда» выполнила: это была подлинно солдатская газета. Не газета для солдат, а газета, которую делали сами солдаты.

В ней печатались их заметки с фронта с конкретными фактами, именами, датами. Солдаты писали о том, как разворовываются интендантами солдатские продукты и обмундирование, о братании на фронте, об оставшихся безнаказанными офицерах и генералах, истязавших солдат, о муках окопной жизни, о жгучей солдатской ненависти к этой никому не нужной, опостылевшей всем войне, о вдовах и сиротах, оставленных без внимания и заботы.

Бурю возмущения солдат вызвало назначение высоких пенсий уходящим в отставку скомпрометированным генералам, и «Солдатская правда» эту бурю отразила на своих страницах.

Солдаты не ограничивались вопросами, непосредственно их затрагивающими. Уже весной 1917 года рабочие и крестьяне, одетые в серые шинели, чувствовали себя хозяевами жизни, их касалось все, что происходит в стране. Прочитав, например, в «Киевской мысли» от 9 апреля о том, что Пироговский съезд «не пожелал выслушать делегата рабочих, развивавшего взгляды демократии на текущий момент», рабочий Ив. Логинов пишет в «Солдатской правде» от 9 мая басню:

На съезд ученых пауков,
На шум и крики не взирая,
Как делегатка бедняков,
Летела пчелка трудовая.

И повела к собранью речь
«Меня послал пчелиный рой
Поведать вам, что крови течь»...
— Долой пчелу! Долой!
И тут такой поднялся вой,
Что «неученой» делегатке
Лететь пришлось едва живой
В свой улей без оглядки.

Как остро относились фронтовые солдаты к тому, чтобы с первых дней своего выхода «Солдатская правда» проникла в каждый окоп, исчерпывающе характеризует коротенькая заметка, помещенная в том же номере «Солдатской правды».

«Товарищи! Газету «Солдатская правда» солдаты в окопах не видят. Но она, без сомнения, сыграла бы огромную роль в солдатской массе. У солдатских депутатов нет руководителей, не у кого спросить совета. Офицерство по-прежнему не с нами. Скрепя сердце приходится подчиняться им только потому, что не на что указать, не на что сослаться. «Солдатская правда» будет нам в тысячу раз дороже всякой прибавки жалованья.

Рядовой с Юго-зап. фронта *Глоткин*».

«Солдатской правде» не легко было проложить дорогу к своему читателю. На этом пути ее встретили полковые приказы о запрещении читать газету, часовые посты, солдатские комитеты, командный состав. Все они не допускали газету в казармы, рвали ее номера, если они попадали им в руки. С различными хитростями и уловками, с риском для жизни «Солдатскую правду» все же проносили в казармы самоотверженные солдаты — члены Военной организации. Но если они попадались с «Солдатской правдой» ярым ненавистникам большевиков или одурманенной ими малосознательной солдатской толпе, то их избивали до полусмерти.

Но нельзя разорвать на части правду. Войска скоро убедились, что «Солдатская правда» поставила себе целью освещать жизнь и быт солдат в истинном свете. И самое главное — здесь они читали о наболевших вопросах: о земле, о войне, об окопных мучениях.

Вскоре «Солдатская правда» стала читаться в казармах запоем. Ее не могли не читать и враждебные большевикам солдаты. Освещение бытовых крестьянских

вопросов побудило солдат обращаться в газету с письмами обо всех своих нуждах, по поводу несправедливостей агентов власти на местах и пр. «Солдатская правда» терпеливо изучала эти письма, помещала их на своих страницах, давала на них ответы. Этим она стала еще более близкой солдатам.

Скоро эти письма тысячами полились в редакцию. Авторы их были корреспондентами непосредственной жизни. Газета явилась сильнейшим, популярнейшим агитационным средством большевистского воспитания солдат и крестьян в деревнях, куда сами солдаты посылали прочитанные номера своей газеты. «Солдатская правда» стала и лучшим вербовщиком новых членов Военной организации, она выполняла в казармах организующую роль. Борьба с «Солдатской правдой» были уже бессильны и командиры и солдатские комитеты: она стала частью жизни самой солдатской массы.

Из Петрограда «Солдатская правда» в вещевых мешках и в письмах солдат скоро проникла не только в деревню, но и в окопы, где она сыграла огромную роль в разоблачении контрреволюционного характера Временного правительства и в идейно-политической подготовке масс к захвату власти.

«Солдатская правда» вошла в окопы как самый близкий друг солдат, с которыми она сразу же нашла общий язык. В своих многочисленных письмах — индивидуальных и коллективных — солдаты-фронтовики настаивали на возможно более широком распространении «Солдатской правды» взамен множества распространявшихся на фронте буржуазных и соглашательских газет.

Они категорически требовали закрытия таких газет, как «Речь», «Новое время», плехановское «Единство».

Боевое значение и авторитет «Солдатской правды» были чрезвычайно подняты тем, что она решилась напечатать на своих страницах резолюцию первой после подполья Всероссийской (Апрельской) конференции большевиков. Напечатать тогда резолюции конференции, определявшие тактику и стратегию большевиков в борьбе за власть и построение новой формы государства, советского государства, значило сделать эти резолюции достоянием самых широких масс, сплотить последние вокруг партии и вооружить для развития классово-борьбы. Но опубликование резолюций влекло

за собой возможность разгрома газеты, Военной организации и решительного удара по партии в целом.

Надо было рассчитать, даст ли этот шаг сам по себе такое укрепление позиций партии, которое предотвратит опасность непосредственных ударов, направленных против нее, выбив из рук буржуазии оружие лжи, клеветы, обмана.

С предложением о напечатании резолюций в «Солдатской правде» мы обратились к Владимиру Ильичу. Владимир Ильич нашел в нем лучшее решение насущнейшей боевой задачи партии. Подставлять в то время «Правду» — как ЦО партии — под удар политически было рискованно. Найти же типографию, которая осмелилась бы выпустить резолюции отдельной брошюрой, было невозможно. Она была бы разгромлена. Поэтому-то Владимир Ильич без колебаний согласился с нами. Он обрадовался нашему предложению.

Для напечатания резолюций в «Солдатской правде» надо было принять особые меры. Дело в том, что посредством хитрости мы устроили печатание газеты в типографии «общественного» градоначальника (сменившего царского градоначальника). Естественно, что управляющий и весь руководящий состав типографии были определенными врагами большевизма. Но обстановка первых двух месяцев революции была за нас, и чиновникам Временного правительства приходилось иногда соблюдать еще церемонии во имя «принципов демократии», и они нас вынуждены были печатать. Мы, пользуясь этим, при поддержке 4—5 сагитированных нами наборщиков и эксплуатируя демократические настроения других рабочих, пропускали в набор «противоправительственный» материал.

Но для напечатания резолюций, естественно, пришлось прибегнуть к более сложному маневру. Текст резолюций разрезали на куски, роздали их разным наборщикам, исключив пока заглавие и отметив на всех кусках «продолжение» (якобы ранее набранных статей). Заглавия и первые пункты набирали «наши» наборщики. Поздно ночью, нарочито затянув набор номера, мы создали для метранпажа, верставшего газету, обстановку крайней спешки. Сделали так, чтобы он вынужден был верстать страницы с конца, не в обычном порядке. Всячески отвлекали его внимание на технические недочеты.

Благодаря этому маневру ни наборщики, ни метранпаж, ни кто-либо из руководителей типографии не подозревали, какое огромное дело было сделано в ту ночь и какое гигантское значение имел выпущенный ими номер для большевизирования масс.

Через два месяца, к июньской демонстрации, тираж «Солдатской правды» с 15 000 поднялся до 65 000. Денежные сборы на газету беспрерывно росли. Когда газета стала перед угрозой закрытия, потому что все типографии наотрез отказались ее печатать, потребовалось только поместить об этом объявление и в тот же день солдаты провели сбор средств на приобретение собственной типографии. Они не допустили почти ни одного дня простоя!

К июню у «Солдатской правды» образовался уже солидный денежный фонд — более 20 000 рублей.

Вскоре после того, как начала выходить «Солдатская правда», Военная организация открыла во дворце Кшесинской солдатский клуб, сразу ставший центром притяжения всех большевистски настроенных солдат. Они дали ему название «Правда».

Клуб стал устраивать для членов Военной организации и солдатского актива циклы лекций по вопросам программы партии и ее тактики, проводить систематические доклады по текущей политике. Лучшие партийные пропагандисты и ораторы были привлечены к этой работе.

До глубокой ночи в клубе шли страстные дебаты, развертывались горячие дискуссии по самым острым актуальным проблемам дня.

Военная организация собирала от членов клуба информацию о настроении войсковых частей, выясняла, вокруг каких вопросов сосредоточиваются интересы солдат гарнизона, фронта.

Клуб организовал смычку солдат с рабочими. Посещая заводы, солдаты сами убеждались в том обмане, который сеяли буржуазия, ее пресса и агитаторы, клевета на рабочих, будто они, борясь за свои классовые интересы, предают фронт.

Оставляя клуб, солдатские делегаты увозили в свои части не только большевистскую литературу, но и ясное понимание большевистской платформы, способность критически разбираться в программах, лозунгах и тактике других партий.

Как правило, ни одна делегация не уходила из клуба неудовлетворенной. Возвращаясь в свою часть, делегаты, прошедшие своеобразный семинар в солдатском клубе «Правда», становились ядром большевистской Военной организации части.

С первых же дней своего существования клуб стал центром, базой устной большевистской пропаганды и агитации. Он создал из среды самих же солдат первые кадры руководителей массовой организационной и агитационной работы, развертываемой в войсках.

Клуб играл роль инструмента отбора и сколачивания солдатского актива. Он явился родоначальником целой сети солдатских клубов, создаваемых по его образцу в воинских частях, делегаты которых побывали на семинарах клуба «Правда».

В системе работы Военной организации клуб «Правда» стал очень важным звеном между большевистской партией и солдатами.

Кадры партийных организаторов, пропагандистов и агитаторов, созданные солдатскими клубами, сделали большое дело в подготовке Октября. Они сумели овладеть широкими солдатскими массами, руководили ими в Октябрьском восстании и после победы стали первыми организаторами Красной Армии.

Открытие клуба «Правда», как и выход «Солдатской правды», отнюдь не ослабило, разумеется, того внимания, которое Военная организация уделяла устной агитации в казармах на первых порах силами самих солдат — членов Военной организации — в своих частях. Позднее по этому пути, проторенному «своими» агитаторами — солдатами, в казармы пошли руководящие кадры Военной организации, ее лучшие агитаторы. Днями и ночами просиживали они в казармах, ведя непрерывные беседы с солдатами по всем интересующим их вопросам, выступая на общих полковых, батальонных, ротных собраниях. В результате глубокого проникновения в коренные вопросы солдатского и крестьянского быта, простого доступного массам разъяснения вопросов о войне, о земле, чуткого отношения к окопной и казарменной жизни солдат, к их семейным и хозяйственным делам члены Военной организации скоро сделались самыми желанными друзьями в казармах. Так «военка» водворилась в воинских частях со своими массовыми агитаторами, со своей «Сол-

датской правдой», со своими руководящими кадрами, углубляя перелом в солдатском сознании, направляя его в сторону дальнейшего развертывания революции.

Обосновавшись в петроградских казармах, Военная организация поставила прежде всего своей задачей окончательно вытеснить влияние буржуазии на солдат. Это уже не представляло особой трудности: времена, обстановка изменились, буржуазия шаг за шагом разоблачала свою контрреволюционную сущность. Ее сторонники и защитники, офицерство, цепляясь за свои «права» для того, чтобы обуздать «серую скотинку», сильно пали в глазах солдат и, разоблачаемые Военной организацией, стремительно стали терять влияние на солдатскую массу.

Вслед за этим Военная организация принялась за солдатские комитеты, за меньшевиков и эсеров — руководителей и вдохновителей этих комитетов. Сорвать ореол «борцов за свободу» с меньшевиков и эсеров, которые в глазах масс являлись тоже революционерами, представляло собой более трудную задачу. Это объяснялось в значительной мере и тем, что делегатами от частей в Советы были меньшевики и эсеры — все эти председатели и руководящие фигуры солдатских комитетов, члены разных культурно-просветительных и социально-бытовых комиссий воинских частей. Совет же рабочих и солдатских депутатов, особенно после апрельской демонстрации, которой массы нанесли первое поражение Временному правительству, окружен был большим авторитетом нарождающейся революционной власти. Поднятию престижа Советов, как органов этой власти, значительно способствовала агитация большевиков. Этим авторитетом в трудные минуты и при всяких поражениях меньшевики — делегаты Совета пользовались, пугая и упрекая солдатскую массу, что она, мол, идет против ея же установленного и избранного всеми рабочими и солдатами Совета. Этот последний аргумент всегда обезоруживал солдат, и на меньшевиков, эсеров, на их солдатские комитеты падал отраженный свет того авторитета, которым массы окружили Советы рабочих и солдатских депутатов. В лице этих Советов солдаты видели высшую инстанцию над своими солдатскими комитетами, их руководящий орган.

Устойчивости положения меньшевиков и эсеров в этих комитетах способствовал также начавшийся поход

генералитета, офицерства и Временного правительства против солдатских комитетов. Потеряв всякое влияние на солдат, офицерство и генералитет давили «во имя спасения фронта» на правительство в направлении ликвидации солдатских комитетов и восстановления дисциплинарных прав офицерства в прежнем виде, вплоть до смертной казни. Солдаты, чувствуя надвигающуюся на них опасность, стали яростно защищать свое войсковое самоуправление — солдатские комитеты, как органы этого самоуправления, с меньшевиками и эсерами, в них заседавшими... Большевики в интересах овладения армией и усиления влияния на солдатскую массу всемерно поддерживали идею солдатского самоуправления и этим вынуждены были поддерживать не только институт солдатских комитетов, но и существующий в них состав. Солдатские массы никак не могли отождествить политику, которую проводили меньшевики и эсеры, сидя в коалиционном правительстве, наступая на солдатские комитеты, с той политикой, которую эти же меньшевики и эсеры провозглашали, отстаивая солдатские комитеты.

Наталкиваясь на эти преграды в борьбе с меньшевиками и эсерами в солдатских комитетах, Военная организация сменила тактику непосредственного уничтожения их влияния на тактику обходного овладения солдатскими массами. Обстановка и мероприятия меньшевиков и эсеров в правительстве очень способствовали этому. Усиливалась с каждым днем травля солдатских и матросских комитетов и самих солдат и матросов, которые теперь вместо эпитетов «спасителей революции» (от большевиков) и «героев войны до победного конца» все чаще и чаще награждались эпитетом «распущенной своры», нуждающейся в том, чтобы ее подтянуть, взять в прежние тиски железной дисциплины, для которой надо снова ввести все наказания старого царского времени и военно-полевые суды со смертной казнью.

В июне коалиционное правительство решило покончить с «распущенностью нижних чинов». И прежде всего с завоеванными вольностями матросов. Оно сеяло клевету и яростно насккивало на «Кронштадтскую республику», как называли матросы свою крепость, намереваясь разгромить матросские комитеты. Матросы с честью отбивали эти наскоки. Тогда правительство решило укрепить свои позиции на фронте. Оно разгромило

там несколько солдатских комитетов. Все это делалось при молчаливом согласии меньшевистско-эсеровского большинства в Советах.

Военная организация партии использовала сложившуюся ситуацию для того, чтобы открыть массам глаза, разоблачить перед ними роль меньшевистско-эсеровского большинства Петроградского Совета, своим молчаливым содействием развязывавшего руки контрреволюционному генералитету в его борьбе против солдатских организаций.

Солдатская и матросская масса была весьма чувствительна к посягательствам на свои завоевания. Агитация Военной организации партии вскрывала плохо прикрытую соглашательскую роль Петроградского Совета. Результатом этой агитации был подрыв доверия к существующему составу Совета и к его руководящим партиям.

Обстановка в казармах коренным образом изменилась. Большевикам и эсерам-солдатам не давали говорить. Требовали к ответу лидеров, звали на объяснение в казармы членов правительства. Голос членов Военной организации в это время в большинстве казарм был единственным авторитетным голосом, заслуживающим полного доверия. Но это настроение надо было обработать, перевести в сознание, закрепить. Военная организация не успевала организационно оформлять солдатские пополнения своих рядов, а военные ячейки в полках не успевали осваивать эти вливающиеся в организацию пополнения. Требовалось перестроить Военную организацию в соответствии с достигнутыми успехами. В Петрограде созданы были районные военные центры — районные комитеты Военной организации. К агитационно-пропагандистской работе среди солдат были привлечены все большевистские силы районов Петрограда.

Главное свое внимание Военная организация сосредоточила на том, чтобы возможно шире открыть глаза солдат на природу и корни меньшевистско-эсеровской политики, а с другой стороны, познакомить их с важнейшими требованиями большевиков. В солдатском клубе были проведены циклы лекций о большевизме, о меньшевизме, об эсерах. Через эти циклы прошла наиболее передовая часть солдат. Лекции эти очень помогали солдатам в их политическом росте, подготавливая их к руководству всей солдатской массой, способствуя проведению

в казармах широких диспутов с критикой меньшевиков и эсеров, помогая углубленному пониманию сущности большевизма.

Жизнь подсказала еще одну из форм борьбы за влияние на массы. Такой формой оказались землячества.

На одно из первых собраний представителей войсковых частей Петрограда, созванное 7 марта Военной организацией большевиков, пришли также рабочие некоторых заводов и фабрик, у которых имелась связь с деревней. Один из них, бывший питерский заводской рабочий, а потом — солдат, рассказал собранию о том, что уже делают рабочие на промышленных предприятиях Петрограда, чтобы помочь крестьянам организованно отобрать землю. Он сказал, что на заводах и фабриках рабочие из одной деревни или одной волости организуются в деревенские и волостные землячества и группируются дальше в уездные и губернские земляческие объединения. Но, сообщил он далее, к этим объединениям примазались прислужники помещиков и буржуазии, правые эсеры. Они набились в волостные, уездные и губернские правления, захватили руководство землячествами в свои руки и удерживают их от решительной революционной борьбы.

Военная организация правильно оценила огромное значение этой формы объединения трудящихся в борьбе за свои классовые интересы. Рабочие и солдаты были призваны к повсеместной организации таких землячеств и на этот призыв они широко откликнулись.

К июню 1917 года в Петрограде крестьянские землячества насчитывали более 30 000 рабочих. Они охватывали 21 губернию.

Для того чтобы вышибить оттуда эсеров и обеспечить большевистское влияние, Военная организация выделила трех человек: члена бюро военных организаций В. И. Невского и двух молодых большевиков — Ионова и Хитрова. Оба они — солдаты, бывшие рабочие.

Эта группа, как вспоминает А. Ионов, сплотила в землячествах большевиков, организовала их и сочувствующих им в большевистские фракции, через фракции повернула земляческую массу на большевистскую дорогу. Это было в то время, когда массы стали требовать, чтобы Советы взяли власть в свои руки.

Став на сторону большевиков, землячества прогнали эсеров из своих правлений. Военная организация создала

Центральное бюро крестьянских землячеств. Устав для Центрального бюро был написан Я. М. Свердловым, к которому Ионов обратился за помощью в этом деле. «Он назначил мне,— вспоминает Ионов,— свидание у себя на квартире в 2 часа ночи, а явился с заседания ЦК партии в 3 часа». Устав, однако, был написан в эту же ночь...

Центральное бюро повело работу по охвату большевистским влиянием землячеств прежде всего в тех губерниях, где уже существовали губернские земляческие объединения.

Делегации Центрального бюро крестьянских землячеств посылались не только в эти губернии, но и на фронт, в окопы. Военная организация снабжала их литературой для деревни и для действующей армии.

«Солдатская правда» стала газетой, столь же близкой «землякам», как и солдатам. Те и другие бережно посылали ее в деревню. В редакцию стекались все материалы, привозимые командированными делегатами, печатались заметки земляков — первых селькоров о жизни деревень. Здесь сосредоточивались все письма, получаемые «земляками» из деревни и с фронта.

Каждое воскресенье землячества устраивали свои собрания — то волостные, то уездные, то губернские. На этих собраниях обсуждались вопросы своих деревень, волостей, уездов, губерний. Вопросы эти вытекали из сообщений делегатов, которых землячества посылали в деревню.

С июня поездки эти приняли систематический характер. Как правило, делегаты ездили за собственный счет. Деревня с огромным интересом слушала своего земляка, приехавшего из Питера, жадно разбирала бесплатную литературу и большевистские наказы, как бороться за землю.

Но нередко были и такие случаи, когда командировки делегатов заканчивались по-иному. Землячествам не доводилось заслушивать отчета делегата о поездке. Вместо этого собрание в скорбном молчании подымалось с мест, чтобы почтить память погибшего товарища. Классовая борьба в деревне, разворошенной большевистской правдой, приобретала все более острый характер.

Такова была роль землячеств в агитации и пропаганде большевистских идей на селе.

Но работа по сплочению широких солдатских масс, их политическому воспитанию и подготовке к активной борьбе за единовластие Советов представляла собой лишь одну сторону деятельности Военной организации. Другая шла по линии вооружения и военного обучения рабочих, формирования из них батальонов и отрядов Красной гвардии.

Вопрос об организации Красной гвардии стоял в то время чрезвычайно остро, являясь одним из программных требований нашей партии. Вооружение рабочих стало проводиться еще в дни Февральской революции, когда стачки начали выливаться в грозные политические демонстрации и схватки демонстрантов с царской полицией и жандармами. В огне Февральской революции создались первые вооруженные отряды рабочих: захватив и подвергнув разгрому охранку, полицейские участки, тюрьмы, рабочие вооружались, как уже было сказано, за счет отнимаемого у полиции и охранников оружия и за счет передачи своих винтовок некоторыми солдатами демонстрантам.

Как только образовалось Временное правительство, оно с первых же дней своего существования безуспешно пыталось разоружить рабочих. Меньшевики и эсеры, опасаясь потерять свое влияние на рабочие массы, заняли в этом колеблющуюся позицию.

Районные комитеты большевистской партии в Петрограде, наоборот, возглавили борьбу за вооружение рабочих, они были первыми штабами пролетарских вооруженных сил.

После того как победила Февральская революция, рабочие воспользовались открывшейся возможностью вооружаться. В еще более широком масштабе оружие перекочевывало из различных складов, вагонов, идущих на фронт, с оружейных заводов и т. д. к рабочим на фабрики, заводы

Вскоре возникла необходимость централизовать это дело. Петроградский комитет возложил эту задачу на Военную организацию. Однако это встретило сопротивление со стороны организаторов вооруженных отрядов, которые считали, что такая централизация будет ущемлять их самостоятельность.

Пришлось для решения этого спора обратиться к Ленину... С первого же дня своего приезда Владимир Ильич особенно интересовался вопросом о вооружении рабочих. Каждого работника, с которым ему приходилось беседовать — будь он питерец или с периферии, Ленин неизменно расспрашивал самым подробнейшим образом, как обстоит дело с вооружением рабочих.

Владимир Ильич устранил всякие колебания в этом вопросе, решительно высказавшись за централизацию дела вооружения рабочих в руках Военной организации.

При этом он высказал ряд мыслей о Красной гвардии, которые легли в основу дальнейшей работы Военной организации.

— Это не искусственное образование, не знающее, за что ему взяться,— говорил Владимир Ильич.— Красная гвардия призвана прежде всего повседневно охранять жизнь и безопасность рабочих и их организаций от всяких покушений со стороны контрреволюции. Только в процессе такой деятельности Красная гвардия научится быть подлинным вооруженным оплотом пролетариата и разовьется в мощную боевую классовую силу, грозную для ее врагов. А руководство Военной организации должно помочь Красной гвардии овладеть военными знаниями с помощью тех унтер-офицеров и офицеров, которые входят в состав Военной организации.

Ясная и четкая линия Владимира Ильича в отношении Красной гвардии очень облегчила работу Военной организации и придала ей новый смысл и размах. Дело организации Красной гвардии было поднято на большую высоту.

Руководители Военной организации почувствовали огромную ответственность за дело вооружения пролетариата и превращение его вооруженных отрядов в боевую классовую силу.

Прямым последствием этого было привлечение наиболее опытных солдат, унтер-офицеров наряду с членами Военной организации как к военному обучению рабочих, так и к формированию из них батальонов Красной гвардии.

Красная гвардия стала строиться на прочных организационных основах и становилась все более серьезным политическим фактором революции.

Формирования Красной гвардии делились на батальоны, численностью в 400 человек (360 штыков);

в состав батальона обычно входили 3 роты или дружины, пулеметная команда, команда связи, санитарный отряд и иногда команды броневи́ков, если при батальоне был броневе́томобиль. Батальонами и ротами командовали унтер-офицеры из рабочих, редко — прапорщики. Взводами — частью солдаты, частью рабочие.

Занятия производились посменно: $\frac{1}{3}$ рабочих занималась военной подготовкой, получая жалованье наравне с товарищами, остающимися в мастерской, в цехе, а $\frac{2}{3}$ работали на заводе. Потом сменялись.

Это пришло, правда, не вдруг, такого построения Красная гвардия достигла к началу октября, но еще в середине апреля, когда Временное правительство, натравливая отсталые слои солдат против большевиков, стало устраивать солдатские манифестации под лозунгом поддержки Временного правительства, Военная организация могла уже по предложению Ленина выставить на контрдемонстрацию не только солдат, о чем уже было сказано, но и несколько отрядов Красной гвардии.

Последовательная линия Владимира Ильича на вооружение рабочих имела то политическое значение, что буржуазия не посмела осуществить своего намерения разрушить пролетариат.

Рост Военной организации в солдатской массе, перелом настроения этой массы в сторону большевиков, стремление солдат к совместным действиям с рабочими, изменившаяся для «военки» обстановка в казарме, где ячейки Военной организации получили большее влияние на все стороны войсковой жизни,— все это дало возможность впервые разработать с помощью перешедших на сторону большевиков прапорщиков, унтер-офицеров и наиболее знающих и опытных солдат программы и методы элементарного военного обучения отрядов Красной гвардии, а также и снабжение этих боевых отрядов пролетариата оружием.

Для осуществления всей этой работы были созданы при Бюро военных организаций программно-методическая комиссия, инструкторский и снабженческий аппарат. Прапорщики, солдаты и унтер-офицеры для этих комиссий и аппаратов отбирались — ввиду того, что эта работа была весьма доверительного порядка — с особенной тщательностью ячейками Военной организации. И мы не знали случая плохого отбора кандидатов.

Тем же порядком был отобран и инструкторский состав для обучения на фабриках и заводах рабочих, из которых впоследствии были образованы батальоны Красной гвардии. Эти инструкторы в определенные дни и часы (в свободное от работы время, а также в течение всего дня по праздникам) приходили по особым мандатам на фабрики и заводы, являлись в фабзавком, последний собирал рабочих, желающих записаться в Красную гвардию. Они собирались во дворе фабрики или завода, и инструктор начинал занятия. Обычно тут же были и члены большевистской ячейки и фабзавкома, обучающиеся военному делу или наблюдающие за тем, как ведутся занятия.

Обучение производилось с винтовками тех рабочих, которые имели их. Впоследствии там, где были сильные ячейки Военной организации, инструкторам удавалось добывать винтовки из цейггаузов.

Чтобы создать благоприятную обстановку для организации Красной гвардии и для военных занятий на фабриках и заводах, Военная организация через своих уполномоченных или инициаторов военного обучения из местных рабочих сговаривалась с фабзавкомом и созывала общее собрание рабочих фабрики или завода. На этих собраниях ставился доклад об организации, роли и задачах Красной гвардии.

Обычно после этих докладов происходили жестокие схватки — дискуссии с меньшевиками, которые старались доказать, что в организации Красной гвардии кроется недоверие к «революционному» правительству и «революционному» Совету, что это дело таит в себе начало гражданской братоубийственной войны. Эти дискуссии позволяли расширять рамки доклада и рисовать обстановку, обязывавшую пролетариат для отстаивания и развития завоеваний революции создать свою вооруженную силу и каждого рабочего обучать военному делу.

Обычно такие собрания заканчивались предложением сбора средств и отчислений на вооруженную борьбу рабочих, в фонд Военной организации. После постановления общего собрания об организации Красной гвардии и военного обучения эти постановления рассматривались как обязательные, и фабзавкомы, в которых было большинство большевиков или председатель большевик, старались всячески содействовать их проведению в жизнь.

Иногда сами фабзавкомы являлись инициаторами организации Красной гвардии и военного обучения. В таком случае это дело шло особенно успешно, и там Красная гвардия в численности и качестве обучения делала большие шаги. Инструкторскую работу на многих фабриках и заводах фабзавкомы поручали своим рабочим, служившим в бывшей царской армии. Участие фабзавкомов в организации вооруженной пролетарской силы придавало этому делу в глазах рабочих особенный вес. Фабзавкомы в истории Красной гвардии сыграли крупную роль.

Работа по созданию Красной гвардии не означала, разумеется, ослабления внимания Военной организации к делу большевистского воспитания и сплочения солдатских масс.

Военная организация получила особенно широкое развитие тем, что вошла в окопы и в самые отдаленные тыловые гарнизоны, охватывая таким образом свою связь, информацией и агитацией фронт и тыл. Для организационного обслуживания большевистских ячеек на фронте и в тыловых частях были созданы военные организации в дивизиях и корпусах, а также и в городах, где были расположены гарнизоны запасных частей.

Это расширение Военной организации и создание сети ее ячеек в окопах на фронте и в отдаленных гарнизонах, естественно, поставило вопрос о съезде представителей всех ячеек Военной организации большевиков, подготовка к которому началась объездом специальными эмиссарами частей фронта и тыла. В результате этой работы в июне была созвана Всероссийская конференция представителей фронтовых и тыловых ячеек Военной организации большевиков.

ИЮЛЬСКОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ

Особенно наглядно настроение масс выявилось на Всероссийской конференции военных организаций фронта и тыла, которая была открыта 16 июня.

К ее открытию руководители Военной организации еще в мае начали тщательную подготовку, рассматривая эту конференцию как серьезное средство усиления влияния и руководящей роли партии в солдатских массах.

Порядок дня, предложенный конференции, был выработан Военной организацией совместно с Центральным Комитетом. Ленин и другие члены ЦК взяли на себя ответственные доклады.

Уполномоченные Военной организации были посланы во все крупные гарнизоны (Москва, Киев, Екатеринослав, Орел, Минск, Могилев, Брянск, Самара, Саратов, Нижний, Ярославль, Казань и др.) и непосредственно на позиции; опечатаны были обращения к воинским частям о роли и значении конференции. «Солдатская правда» изо дня в день освещала ход подготовки конференции, стремясь собрать мнения солдат по затронутым в порядке дня вопросам, предлагая выносить по ним резолюции, чтобы, таким образом, и построение, и работа конференции отвечали воле самих солдатских масс.

Конференция помогла провести демонстрацию 18 июня, на которой почти все воинские части шли под нашими знаменами. Она сыграла очень важную роль и в том, что помогла удержать массы от несвоевременного выступления после 18 июня.

Демонстрация 18 июня отозвалась гулким эхом во всех крупных городах, вызвав ответные выступления под

теми же лозунгами. Волна этих демонстраций докатилась и до армии. Фронтовые части и тыловые гарнизоны чутко прислушивались к голосу конференции военных организаций, которая как по представительству, так и по своей направленности имела колоссальное значение. Она объединяла 26 тысяч организованных в большевистские ячейки солдат, представленных 160 делегатами от 500 полков. За исключением Кавказа и Сибири, здесь была представлена вся солдатская Россия. Конференция отражала настроение нескольких миллионов солдат; к этому времени не было уже ни одной крупной войсковой единицы, в которой не чувствовалось бы сильное влияние большевиков. Были полки, находившиеся исключительно под этим влиянием, были полки, где влияние еще только зарождалось, но оно росло так быстро и сильно, что через самое короткое время эти полки полностью становились большевистскими.

Конференция показала, что все те лозунги, которые выставлял ЦК партии большевиков, являются также и лозунгами солдатских масс. Конференция была обставлена так, что голос ее должен был быть услышан издали: с этой целью тут же издавались бюллетени, распространялись в виде летучек ее резолюции, наиболее важные из которых комментировались в «Солдатской правде», на митингах и т. п.

Конференция отразила бурный темп нарастания протеста солдат в связи с затеянным Керенским наступлением на фронте. Это настроение готово было хлынуть через край. Назревало выступление в Гренадерском, пулеметном и других полках.

Несмотря на громадную работу Военной организации и приобретенное ею посредством агитации влияние, в организационном смысле к этому времени сделано было немного. Мы всеми силами стремились закрепить свое влияние организационно. Те полки, где наши коллективы были сильнее, как Московский, Гренадерский, 180-й, 6-й запасный саперный, проявляли больше революционного такта, чем те полки, где наше влияние было сильно, но организация была слаба, как например 1-й пулеметный полк.

Уже в ходе конференции стало нарастать нетерпение; когда же, наконец, будет прямо сказано, что революционный народ должен выразить свою волю к захвату власти

путем свержения правительства Керенского. Время от времени на трибуну стали подниматься делегаты Петроградского гарнизона с требованием прекратить обсуждение стоящих перед конференцией вопросов и превратить ее в оперативный штаб вооруженного восстания. Ленин и вместе с ним руководители конференции, убежденные в неподготовленности восстания, усиленно боролись с такими настроениями. Иногда чувствовалось, что они разжигаются кем-то со стороны, кто-то крайне враждебный подливает масла в огонь.

Это враждебное влияние наблюдалось в некоторых частях Петроградского гарнизона еще раньше. По решению ЦК партии Военная организация выпустила тогда специальное воззвание, предостерегавшее от всяких выступлений:

«От Военной организации при ЦК и при ПК РСДРП.

Военная организация обращается к товарищам солдатам и рабочим с просьбой *не верить* никаким призывам к выступлению на улицу от имени Военной организации. *К выступлению Военная организация не призывает.* Военная организация в случае необходимости призовет к выступлению в согласии с руководящими учреждениями нашей партии, Центральным Комитетом и Петербургским Комитетом.

Товарищи! требуйте от каждого агитатора или оратора, призывающего к выступлению от имени Военной организации, удостоверение за подписью председателя и секретаря Военной организации и за печатью Военной организации.

ЦК нашей партии, а равно и ПК всецело поддерживают это обращение».

Особенно настораживало положение в 1-м пулеметном полку. Полк этот считался самым революционным полком Петрограда, постоянно и настойчиво подчеркивавшим свою ненависть к Временному правительству, к буржуазии, так что в штабе Петроградского военного округа все время стоял вопрос о его расформировании. Исчерпывающую характеристику полка в смысле настроения солдат дает его же резолюция, принятая на общем собрании полка от 21 июня:

«1) Оставляя в силе 1-е постановление о посылке 10 команд в кратчайший срок, уведомить Исполнительный Комитет, что в дальнейшем мы будем посылать команды

на фронт только тогда, когда война будет носить революционный характер, который возможен только по устранении от власти капиталистов и переходе ее в руки демократии в лице Всероссийского Совета С.Р. и К. депутатов.

2) Если С.Р. и С.Д. будет угрожать нашему и другим революционным полкам раскассированием, т. е. расформированием, даже путем применения вооруженной силы, то в ответ на это мы не остановимся перед раскассированием вооруженной силой Временного правительства и других организаций, его поддерживающих.

3) Поручить т.т. делегатам с фронта заявить от нашего имени т.т. солдатам на фронте следующее:

Пусть они, солдаты на фронте, требуют вместе с нами перехода власти в руки народа, и когда мы этого добьемся, то тогда поддержки и пополнения на фронте просить не придется, тогда они явятся сами».

Не считая возможным применить репрессии открытым образом по отношению к строптивому полку, правительство решило прибегнуть к провокации. С некоторого времени в полку появились какие-то подозрительные личности, подбивавшие солдат на выступление, доказывавшие, что большевистская партия не стоит на высоте требований революции, отстала от масс, якшается с соглашательскими партиями и что массам, в частности и в особенности войскам, нужно самим взять власть, пока она окончательно не уплыла при посредстве соглашателей к буржуазии.

Уловить этих подстрекателей было невозможно: солдаты их не выдавали, и это не позволяло выяснить, что это за элементы. Но свою черную работу они делали успешно, и поэтому происходило то, что большевистских ораторов, призывающих к спокойствию, выслушивали хотя и сочувственно, соглашались с ними, но по их уходе снова поднимали разговор о вооруженном выступлении. Так было и 3 июля. С 8 часов утра в полку побывали 23 агитатора от Военной организации. Они доложили, что в полку все утихомирилось. Но к двум часам было получено известие, что полк намерен выступить и вооружается. Ввиду этого туда были направлены все лучшие ораторы II Петроградской общегородской конференции РСДРП(б), в том числе хорошо известный солдатам пламенный трибун т. Невский. Последнее известие от них в

5—6 часов вечера гласило, что полк окончательно решил не выступать. Такое же постановление вынесли Гренадерский, Павловский и другие полки. Однако в 7 часов вечера 1-й пулеметный полк со знаменами и оркестром в полном боевом порядке выступил из казарм и явился ко дворцу Кшесинской. Исполнив «Интернационал», полк объявил о своем намерении идти к Таврическому дворцу с требованием передачи всей власти Советам.

Свердлов и другие члены ЦК, руководители Военной организации, обратившись к полку, всеми мерами старались удержать его от каких-либо выступлений, уговаривали вернуться в казармы и дожидаться сигнала к восстанию от партии и ее Военной организации, предлагали по крайней мере отложить выступление, ограничиться посылкой в Таврический дворец делегации и здесь дожидаться ее возвращения. Но никакие убеждения не действовали: полк и слышать не хотел ни о каких отсрочках.

Я пошел на крайнее средство, сказав: «Товарищи, мы уже четыре месяца ведем вместе с вами борьбу. Мы стараемся осветить вам каждый шаг. Неужели вы не верите, что мы служим интересам революции? Если они вам дороги, не делайте этого». Тогда многие из солдат крикнули: «Теперь не время разговоров. Теперь надо дело делать». Послышался лязг затворов. Убедившись в невозможности предотвратить выступление, руководитель пулеметчиков т. Ильинский после еще одной безуспешной попытки овладеть своим полком отпустил, наконец, его к Таврическому дворцу, предупредив, чтобы по пути не было допущено никаких эксцессов. Едва лишь полк отправился, как вслед за ним у дворца Кшесинской появился Гренадерский полк, потом 180-й запасный, рабочая Красная гвардия, броневики с красными знаменами. Все они, как оказалось, были подняты на ноги посланцами пулеметного полка, и все двинулись вслед за ним.

К 9 часам утра уже 7 полков было в пути. Улицы перед Таврическим дворцом превратились в бесконечную военную колонну.

Тогда перед нами встал вопрос: имеет ли право массовая партия пройти мимо движения, особенно в такой момент, когда при его стихийности и возможности натиска со стороны контрреволюции оно неизбежно будет сопряжено с человеческими жертвами.

Мы решили встать во главе движения, дать большевистское выражение требованиям масс, придать организованный характер их действиям и этим по возможности избежать кровопролития. Руководители Военной организации тут же поехали к Таврическому дворцу.

Тем временем к Таврическому дворцу, где заседал Центральный Исполнительный Комитет Советов, подошли солдаты. Они потребовали к себе представителей ЦИК и допуска на заседание своих делегатов. Командированных ЦИК Церетели и Чхеидзе встретили враждебно: их не хотели и слушать, прямо заявив, что они предатели и изменники революции. Массы бурлили, и с минуты на минуту можно было ждать чего-нибудь отчаянного. Однако выступления большевиков, хотя и с трудом, но уюмонили солдат. Они заколебались, а потом решили разойтись.

Но недолго продолжалось это затишье. В тот же день в Военную организацию и в ЦК партии стали поступать от полков, от районов категорические требования вывести «весь рабочий и солдатский Петроград» на улицы. Противиться им больше не представлялось возможным, Центральный и Петроградский комитеты вынуждены были во избежание неорганизованных, разрозненных выступлений, грозящих выступающим крупными бедствиями, взять руководство движением в свои руки, известив районы и полки о том, что на завтра, 4 июля, назначается мирная демонстрация.

Между 1—4 часами ночи мы вызвали броневики для охраны демонстрантов от возможного нападения и поставили их в наиболее опасных местах (около Николаевского вокзала, Литейного проспекта, Генерального штаба и т. д.). По инициативе пулеметчиков был поставлен караул у Петропавловской крепости. Полки и Красная гвардия усилились прибывшими в тот день из Кронштадта 10 000 моряков.

Находившийся в это время в Финляндии Ленин, к которому 3-го числа был командирован товарищ сообщить о разворачивающихся событиях, приехал часам к одиннадцати 4 июля.

Вскоре ко дворцу Кшесинской подошли и моряки. Я попросил Владимира Ильича выступить перед ними. Пришедшая делегация от моряков просила о том же, но все наши просьбы Ленин отклонил, подчеркивая тем, что он против демонстрации.

Выступил Луначарский. Он попробовал развернуть перед матросами всю картину хода революции, но настроение масс было таково, что матросы стали выкрикивать: «Сейчас не до слов!», «Сейчас не до агитации!», «Власть Советам!» Свою речь Луначарскому пришлось скомкать, так как матросы и солдаты, вскинув на плечи винтовки, с оркестрами направились было к Таврическому дворцу. Тогда выступил Ленин. Его речь, в которой он призывал к спокойствию и бдительности, была выслушана с огромным вниманием и действительно внесла успокоение в ряды демонстрантов, настроив их на мирный характер демонстрации.

Как и накануне, все направились к Таврическому дворцу. Движение по Литейному и к Невскому проходило спокойно: массы, хотя и шли вооруженными, но не на бой, и в то же время мощность и внушительность отбивала всякую надежду остановить их путем прямого противопоставления другой силы. Но дальше, когда демонстрирующие стали проходить Невским и прилегающими к нему кварталами, населенными по преимуществу буржуазией, появились зловещие признаки столкновения: стали раздаваться неизвестно откуда и кем производимые выстрелы по демонстрантам, которые все учащались и учащались; кое-где с прилегающих улиц доносились крики о помощи. Колоннами сначала овладело смущение, затем наименее твердые и выдержанные стали открывать беспорядочную стрельбу, среди демонстрантов оказались жертвы, и это разбило стройное шествие на кучки, что уже непременно должно было привести к панике.

Вслед за частой, беспорядочной, бесприцельной стрельбой под предлогом подавления беспорядков на месте действия показались организованные враждебные части, немедленно открывшие по отдельным группам демонстрантов сильный огонь. Начались бои, которые обратили разбившихся на кучки демонстрантов в бегство. «Подавители беспорядков» продолжали стрелять им вслед, пока не наткнулись на сопротивление: оправившись от первой паники, революционные войска, Красная гвардия и матросы стали отвечать тем же.

Участник демонстрации гренадер П. Анисимов так вспоминает о расстреле солдат на углу Садовой и Невского.

«От дворца Кшесинской по Миллионной улице шла колонна, во главе которой был 1-й пулеметный полк, за ним гвардейские Московский и Гренадерский полки в полном боевом порядке и, наконец, позже присоединившийся Павловский полк. На всех знаменах было написано: «Долой коалиционное правительство!», «Позор предателям-соглашателям!», «Вся власть Советам!» При выходе на Невский проспект колонна присоединилась к шедшим здесь 180-му и 3-му кавалерийскому полкам... На углу Садовой улицы и Невского проспекта вдруг, точно по сигналу, затрещали пулеметы с трех сторон, а из редакции «Вечернее время» полетели бомбы и гранаты. Масса солдат рассыпалась и залегла по тротуарам и мостовой Невского проспекта. Ошалевшие лошади казаков неслись по спинам отстреливавшихся демонстрантов... В этот день в Павловском полку было убито и ранено 24 человека, в Гренадерском — 8 и в остальных погибло несколько десятков».

Во всех буржуазных кварталах завязались рукопашные схватки демонстрантов с офицерством, реакционным студенчеством и чиновничеством, быстро соединявшимися во всевозможные отряды. На улицах происходило разоружение, победители отбирали оружие у побежденных.

Так длилось до вечера. К вечеру правительство смогло уже двинуть против демонстрантов регулярные войска с артиллерией. На Литейном произошел самый сильный бой: 1-го пулеметного полка с казаками. Казаки были потрепаны, а их пушки отбиты. Чтобы преградить движение противнику, революционные войска устроили баррикады. Баррикады заградили путь к Таврическому дворцу и на Выборгскую сторону. Но скоро сопротивление начало переходить в разрозненные действия. Однако цель мирной демонстрации: показать всем массам трудящихся и эксплуатируемых силу наших лозунгов, их значение, их необходимость для освобождения народов от войны, от гибели, от голода, эта цель была достигнута.

Учитывая все это и считая, что рабочие и солдаты продемонстрировали свою волю, ЦК партии большевиков в ночь на 5 июля принял решение о прекращении демонстрации и призвал рабочих к станкам, солдат в казармы.

На основании этого и Военной организацией был отдан приказ, чтобы войска возвратились в казармы и, на-

ходясь в боевой готовности, не выступали бы ни по чьим призывам. Такое же распоряжение было дано и гарнизону Петропавловской крепости, весь день ожидавшему приказа поддержать демонстрантов.

Но Временное правительство перешло в наступление.

В ту же ночь отряд казаков и юнкеров, ворвавшись в типографию, где печатались «Правда» и «Солдатская правда», произвел полный разгром обеих газет. Оказавшиеся на месте сотрудники все были арестованы. Владимир Ильич, просматривавший материалы очередного номера «Правды», случайно избежал ареста, выйдя из редакции за полчаса до появления там погромщиков.

Реакция поднимала голову...

Когда 5 июля мы получили известие о разгроме «Правды» и о том, что разведены мосты, нам стало ясно, что против большевиков хотят применить военную силу. Организации нашей партии, в том числе и Военная организация, учитывая положение, не желали принимать боя.

Товарищи Еремеев и Ильин были посланы делегатами к командующему Петроградским военным округом генералу Половцеву, который заявил, что против дворца Кшесинской и Петропавловской крепости он якобы никаких репрессивных мер предпринимать не будет. Ответ этот был маскировкой. Дело в том, что после демонстрации 18 июня Керенский, учитывая настроение масс и нарастающий народный гнев, озаботился продвижением в Петроград верных правительству войск. Но он не ожидал так быстро возможности подобного выступления и оказался неподготовленным к подавлению его. Временное правительство не располагало твердой опорой в Петроградском гарнизоне, большинство которого было либо под влиянием Военной организации, либо оставалось в «нейтральных». Только казаки и отдельные нестроевые команды из мелкобуржуазных элементов, обслуживавшие интендантство и штабы, составляли вооруженный оплот правительства. Среди бушевавшего моря народного негодования двух дней июльского выступления этот «оплот» действовал только предательскими выстрелами из-за угла в буржуазных кварталах, из окон и с чердаков богатых домов и квартир.

Вызванные с фронта верные Керенскому войска еще не успели подойти ему на помощь, и, желая выиграть

время до прихода их, штаб Петроградского военного округа принялся маскировать свои намерения раздавить вооруженными силами выступление пролетариата и солдатских масс. Утром 5 июля он попытался через президиум ВЦИК вступить в переговоры с Военной организацией большевиков, которая поставила об этом в известность Центральный Комитет партии.

Вскоре в Центральный Комитет и в Военную организацию прибыли для переговоров представители ВЦИК во главе с меньшевиком Либером. Мы им указали, что демонстрация явилась движением массовым, идущим с низов, и что поэтому результаты этой демонстрации ВЦИК должен учесть сейчас же, чтобы революция избежала еще более сильного потрясения, так как правительство всей своей политикой провоцирует пролетариат на выступление.

Предложение о переговорах со ВЦИКом было принято и была выделена делегация в составе трех человек, в которую вошли представители ЦК, ПК и Военной организации.

В машине, по дороге в Таврический дворец, Либер держал себя растерянно. Завязывая «неофициальные» разговоры, он то начинал упрашивать дать ему хоть один броневик для охраны ВЦИКа (неизвестно от кого); то вдруг заносчиво доказывал, что большевики не имеют никакого влияния в массах.

Ирония судьбы! Еще не доехали до Таврического дворца, как Либеру пришлось убедиться в противоположном...

На Дворцовом мосту автомобиль был задержан патрулем (устарел пропуск), и под конвоем всех доставили в штаб округа. На площади — толпа самого «отборного» состава — казаки, юнкера, инвалиды, офицеры и т. д. (вроде тех, кто в то время частенько избивал на Невском рабочих-агитаторов, большевиков). Настроение — самое погромное.

Провоцируют на расправу. Заглядывают в окна автомобиля. Либер пошел в штаб, чтобы получить новый пропуск, и там задержался. Толпа все больше и больше возбуждалась, готовился самосуд. Но вскоре большевистских делегатов увели в здание штаба и объявили якобы «для успокоения толпы» арестованными (а ведь это были парламентарии...). И вот, через несколько часов ожида-

ния вдруг в кабинет Скобелева, где сидела делегация, является группа солдат с броневых машин, стоявших во дворе штаба, и требует объяснений от командования штаба, на каком основании арестованы большевистские представители. Нажим солдат был так силен и грозен, что по их требованию задержанным немедленно выдали пропуск и их отпустили.

И это — в самом центре вооруженных сил Временного правительства, в штабе округа, откуда исходило все руководство подавлением демонстрации!

В результате переговоров было достигнуто соглашение:

ВЦИК и Временное правительство обязались: 1) не допускать каких бы то ни было погромов и репрессий в отношении партии большевиков, 2) выпустить всех арестованных во время демонстрации, за исключением совершивших уголовное деяние, 3) мосты, разведенные штабом еще 3 июля, немедленно свести вновь.

ЦК партии большевиков обязался: 1) увести матросов в Кронштадт, 2) снять роту пулеметчиков, поставленную для усиления гарнизона в Петропавловской крепости, 3) снять с постов броневики и караулы.

Это соглашение не обольщало большевиков. Мы хорошо понимали, что значение всякого соглашения определяется соотношением сил. Силы же противной стороны должны были, естественно, увеличиваться по мере того, как рабочие и солдаты станут успокаиваться, а в Петроград будут прибывать вызванные правительством войска. Мы понимали, что к моменту окончательного успокоения нужно ждать от озлобленных врагов сильнейших репрессий и попыток полного разгрома партии, ибо лучшего случая для этого, разумеется, трудно было дожидаться. Но принимать битву при существующей политической ситуации мы считали безумием и потому хотели использовать даже такое временное и непрочное соглашение.

Действительность оправдала худшие предположения.

Штаб округа лихорадочно собирал и формировал в отряды офицеров и солдат — выходцев из буржуазной и мелкобуржуазной среды. Выдергивались из полков отдельные «надежные» роты, стягивалось буржуазное студенчество, чиновничество. Отряды старались превзойти друг друга в погромах, обысках, арестах, убийствах, что-

бы разбить, разгромить, задушить революцию, залить улицы кровью питерского пролетариата, разгромить главный штаб большевизма — дворец Кшесинской.

Поднялась мутная волна самой дикой лжи и клеветы. Говорилось, что июльская демонстрация устроена на немецкие миллионы и что во дворце Кшесинской происходит заговор против революции, что там находятся немецкие организаторы, оружие и золото.

В рабочие районы торжествующие погромщики, однако, боялись проникнуть, там дышалось легче, и это обстоятельство было учтено, когда стал вопрос о том, чтобы найти убежище для Владимира Ильича, который сразу же после кровавого подавления демонстрации был объявлен буржуазной печатью немецким шпионом. Буржуазная печать публиковала самые грязные инсинуации о Ленине. Временное правительство издало приказ об аресте Владимира Ильича. Весь розыскной аппарат был поставлен на ноги: всюду искали Ленина.

Положение создалось крайне серьезное: над партией нависла угроза потерять своего вождя. Стал вопрос о подыскании надежного укрытия для Ленина. Многие товарищи, живущие в различных районах Петрограда, предлагали свои квартиры, но Ильич упорно отказывался:

— Нет, нет. Не годится. Давайте в Выборгский район. Там рабочие. Они не выдадут.

И мне вспомнился другой случай. Ровно десять лет назад я был свидетелем такой же глубокой веры Ильича в рабочий класс.

В 1907 году, когда революция была разгромлена, когда Ленина всюду искали, однажды поздно вечером я с товарищами возвращался с одного собрания. Глядим: по Горячему Полю прохаживается знакомая фигура. Подходим ближе: да, это он, Владимир Ильич! А Горячее Поле — то, что в Московском районе, недалеко от Московской заставы, было действительно «горячим». Оно пользовалось самой плохой репутацией. На нем чуть не ежедневно убивали, грабили. И вот, извольте видеть — Владимир Ильич вечером, как ни в чем не бывало, гуляет по этому полю. Мы спрашиваем, что он здесь делает. Он отвечает — «гуляю». Мы тогда говорим: «Разве вы не знаете, какое это место! Вас каждую минуту могут убить!» А он прищурил один глаз

и добродушно спрашивает: «А зачем меня убивать? Что можно у меня взять? Кому я нужен?» Мы говорим: «Вот вы здесь ходите, а вас каждую минуту может взять шпион». — «А какой это район?» — спрашивает Владимир Ильич. — «Московский» — отвечаем мы. «Кто живет в этом районе?» — «Рабочие». «Так чего же мне здесь бояться? Идите себе и не говорите глупостей. Как же я буду бояться рабочих?»

Об этом я невольно вспомнил, когда Владимира Ильича повели устраиваться в Выборгский район...

К вечеру 5 июля, когда стали поступать сообщения, что вызванные с фронта для поддержки правительства войска приблизились к Петрограду, поведение заправил соглашательского ВЦИК круто изменилось: они стали держать себя вызывающе.

Когда представитель ЦК нашей партии, встревоженный событиями дня, напомнив членам президиума ВЦИК о заключенном дне соглашения, указал на происходящие кругом погромы, Либбер цинично заметил: «Теперь соотношение сил изменилось».

Контрреволюция торжествовала.

В 5 часов 30 минут вечера наши дозорные сообщили, что Петроградская сторона, где во дворце Кшесинской помещались Петроградский комитет большевиков и редакция «Солдатской правды», Военная организация и другие учреждения партии, окружается со всех сторон войсками — броневиками, казаками и прибывшими ночью с фронта пехотой и артиллерией.

Мы выслали разведку и узнали, что к 6 часам утра правительственные войска заняли позиции по набережной Троицкого моста, Каменно-Островскому и Кронверкскому проспекту и находятся уже у Народного дома. Мы расставили вокруг дворца караулы и пулеметы. 6-го утром помощник командующего Петроградским военным округом Козьминский передал ультимативный приказ очистить дворец Кшесинской и сдать оружие и угрожал штурмовать дворец при невыполнении приказа. Он заявил, что на это есть санкция Центрального Исполнительного Комитета. На телефонный вызов Козьминского подошел я и, не называя себя, сказал, что ответственных лиц организации сейчас нет, что оружие, имеющееся у караула и матросов, принадлежит им по закону и предложил ему дать мне возможность оповестить о его приказе Цент-

ральный и Петроградский комитеты и Военную организацию. Козьминский дает $\frac{3}{4}$ часа, потом еще $\frac{1}{2}$ часа...

Во дворце в это время было 120 матросов, оставленных для охраны находившихся там большевистских учреждений и литературы от погромщиков, и караул в 60 стрелков, вызванных из Гренадерского полка.

Как только о положении вещей стало известно матросам и солдатам, охранявшим дворец, все схватились за оружие и приготовились к защите. И безусловно — реши Военная организация защищаться, штурмующим удалось бы достигнуть своей цели только перешагнув через трупы защитников дворца, которые клялись умереть, но не допустить врага до цитадели большевизма.

Но эту жертву руководители Военной организации признали бесполезной. Матросам и солдатам было предложено перейти в Петропавловскую крепость, чтобы разговаривать с правительством под прикрытием пушек. Как в бою, перебежками, ползком, под укрытиями солдаты перобрались в Петропавловскую крепость.

В крепость же наскоро были свезены все важнейшие документы, какие только удалось собрать, и едва лишь это было сделано, как цепи окружавших сомкнулись, и враг с диким криком ворвался во дворец, в котором, кроме коменданта т. Захарова и некоторых служащих, уже не осталось никого.

Захватывая дворец Кшесинской, предводители правительственных банд были так растеряны, что, арестовав меня (я замешкался во дворце, отдавая последние распоряжения коменданту), дали мне возможность ускользнуть из их рук...

Им чудились бомбы, взрывы, пулеметы, пушки, и они, обезумев от ожидаемых в штабе большевиков ужасов, ничего не соображали, ничего не видели и носились по двору, саду и кабинетам с ружьями наперевес, с револьверами на взводе, обнаженными шашками, готовые все разрушить и... удрать при возникновении действительной опасности.

Бандитами были захвачены и документы наших партийных учреждений. Большая часть их была сожжена и уничтожена, среди них погибло до 10 000 солдатских писем, полученных «Солдатской правдой» с позиций.

Выяснив, что во дворце Кшесинской нет ничего страшного — ни пушек, ни пулеметов, ни бомб, что нет

даже немецкого золота, которым их прельщали, заняв и оцепив всю Петроградскую сторону, вожаки контрреволюции стянули на Троицкую площадь и расположили против Петропавловской крепости батареи, броневики, рассыпали в цепь пехоту, превратив таким образом местность в укрепленный лагерь.

Вскоре в Петропавловскую крепость прибыл член ЦК и ВЦИК Сталин вместе с членом ВЦИК Богдановым — правым эсером.

Начались переговоры ВЦИКа с Петропавловской крепостью. Богданов предъявил требование, чтобы матросы, гренадеры и пулеметчики, направленные Военной организацией в крепость, сдали оружие. Те не шли на это условие. Переговоры тянулись долго.

Наконец, после того как Сталин от имени ЦК разъяснил, что мы не должны поддаваться на провокацию контрреволюции, которой выгодно вызвать нас сейчас на бой, делегаты матросов и солдат согласились отдать оружие, но с тем, чтобы оно было направлено в морской Балтийский экипаж и в полки по принадлежности. Оружие было отдано, матросы, солдаты и пулеметчики вышли из крепости.

Петроград принял вид оккупированного города. Улицы наполнились патрулями юнкеров.

Черная реакция водворилась в первом городе революции...

В это время под охраной пролетариата Выборгской стороны происходило узкое совещание ЦК партии и ВО. Оно ярко запечатлелось в моей памяти. Совещание было непродолжительным. Ленин коротко, сильно обрисовал тягчайшее положение, в которое июльские дни поставили партию пролетариата, и пророчески указал на будущее. Он сказал, что мирный период развития революции закончился. Июльский кризис явится мучительнейшим для революции, а для партии пролетариата он — горнило испытания ее жизнеспособности. Июльским поражением партия загоняется в подполье, работа ее временно нарушается, враги пролетариата будут душить ее на каждом шагу и всеми мерами стараться ее убить. Будущее революции зависит от организационной работы партии в тягчайших условиях. От нанесенного удара партия может оправиться, только приложив героические усилия.

Победив пролетариат, говорил Ленин, буржуазия будет стараться отделаться и от соглашательских партий. Победу над пролетариатом она будет стремиться развить до окончательного торжества своего господства. Следующие кризисы власти наступят быстро и дадут возможность убедиться массам, что только пролетариат и наша партия являются истинными носителями революционных стремлений, только они ведут к ниспровержению власти капитала. Следующие кризисы власти будут мучительны и для мелкой буржуазии. Они помогут ей признать пролетариат гегемоном революции, а нашу партию вождем ее, и тем дадут пролетариату возможность взять власть в свои руки и своей диктатурой утвердить рабоче-крестьянскую республику.

Совещание высказалось за то, чтобы не объявлять партию на нелегальном положении и перейти в подполье только при полной невозможности легальной деятельности, но принять все меры предосторожности на случай необходимости уйти в подполье.

Стихийное выступление рабочих и солдат было потоплено в крови. Враги могли торжествовать победу. Но буржуазия, конечно, и не думала на этом останавливаться. Демонстрация под большевистскими лозунгами была для нее поводом расправиться с большевиками. Упустить такой случай буржуазия, разумеется, не могла. Против большевиков начался новый поход с такими же стремительными атаками, как и после первых выступлений Ленина по его приезде из-за границы, но гораздо более форсированный. Печать, уличные митинги, собрания, съезды — все было пущено в ход. Особенно изощрялась печать. Фальсифицировались документы, печатались «свидетельства очевидцев», вся буржуазная и «социалистическая» пресса с диким воем и улюлюканием занималась травлей большевиков. Вот некоторые образчики газетных статей и «документов» того времени, сфабрикованных специально для возбуждения общественного мнения:

«При обыске в редакции «Правды» было найдено письмо какого-то барона из Гапаранды на немецком языке. В письме этот барон приветствует действия большевиков, выражает надежду, что они получают преобладающее влияние в Петрограде и что он ясно представляет

себе, какую радость это произведет в Берлине» («Русские ведомости» № 158).

«Пусть все честные люди и вся страна сольются в одном властном требовании: «Долой заговорщиков из дома Кшесинской. Долой кронштадтскую смуту. Долой анархию...» Центральный Исполнительный Комитет заключил соглашение с большевиками, в силу которого никто за происшествие в Петрограде никакой ответственности не несет. И это решение выносится в тот самый момент, когда появились определенные указания на связь лидеров большевизма с Германией и на роль немецких денег в подготовке петроградских событий, в тот момент, когда на улицах еще носятся автомобили с пулеметами, в тот момент, когда еще льется невинная кровь... Обещать за все это безнаказанность — нечто недопустимое. Все прочие выступления оказывались безнаказанными, и это вселяло только мужество в сердца большевиков. Какая же может быть гарантия в том, что подобные попытки не повторятся, что через несколько недель большевики, собравшись с силами, вновь не выступят с оружием в руках на улицу и не произведут нового, еще большего кровопролития... Постановление ЦИК парализует деятельность правительства, лишает его возможности должным образом бороться с грубыми нарушениями государственного порядка и безопасности» («Русские ведомости» № 153).

Реакция распоясалась вовсю, не боясь противодействия, ибо те, против кого был направлен этот поход, посажены в тюрьмы, упрятаны в подполье. Этой травле как нельзя более способствовало настроение мелкой буржуазии, в частности служилой интеллигенции и верхушечных слоев крестьянства. Эти общественные группы, неспособные разобраться в противоречиях между тем, что они слышали в речах митинговых ораторов, и тем, что видели в действительности, искали выхода из этих противоречий. Перед глазами у них был ряд неудач: неудачи на фронте, растущая дороговизна в тылу и отсутствие в ближайшем будущем реальных перспектив на то, что все это станет на свое место, войдет в русло. Революция как будто не дала ничего хорошего, ничего, кроме разочарования и неудобств. И мысль неискушенного в политике обывателя искала виновников всего происходящего, всего того, что с обывательской точки зрения являлось беспорядком и

что должно быть как можно скорей устранено. Этим поискам виновных способствовала травля большевиков контрреволюционной буржуазией, и обыватель, взвинченный видом крови на улицах, оглушенный выстрелами, помог в свою очередь этой травле. Вместе с правительственными «официальными» ораторами он вопил: «Долой большевиков! Отправить их всех в Германию снова!»

И не только вопил, но и выражал полную готовность к погромам большевистских организаций, к избиению большевиков.

Большевики в глазах обывателя, в глазах отсталых слоев рабочих и солдат представляли собой корень зла, они заслонили настоящие причины всех неурядиц, явившись своего рода отдушиной, в которую полилось подогреваемое реакцией негодование и возмущение. И поскольку это отводило недовольство от подлинных его виновников, все, кто только мог, ухватились за возможность сделать из большевиков козла отпущения и за свои и за чужие грехи. Исключения не составляли в этом отношении и меньшевики с эсерами, неспособные понять даже того, что разгром большевизма есть в то же время удар не только по всему пролетариату, но и по всей демократии, что это первый этап контрреволюции, за которым последует разгром и соглашательских организаций. Не понимая этого, они спешили также приложить и свою разрешительную печать к гонению на большевиков, устраняя тем самым всякие помехи репрессиям, а нередко и подстрекая к ним.

Вот выдержки из «социалистических» газет, подтверждающие это:

«Разве поведение «Правды»...— все эти вооруженные демонстрации 10 июня, все эти выклики и призывы к свержению Временного правительства — не участие в подготовке движения 4 июля? Разве приветствия, открыто посылаемые большевистской организацией Кронштадтской республике, — не подготовка к событиям 4 июля? Разве телеграмма... пулеметчикам не указывает на тесную связь этих пулеметчиков с агентами большевизма? Разве прибывшие в полном вооружении для участия в бунте кронштадтцы не пошли сразу же за благословением в дом Кшесинской? Да что, вообще, значит вся агитация большевиков о взятии советами всей власти, как не подготовка к событиям 4 июля? Большевистская организа-

ция, а вовсе не ее отдельные члены, все время участвовала в подготовке восстания, в агитации против Временного правительства и против наступающей армии. И большевики же виноваты в происшедшем кровопролитии» («Дело народа», июль 1917 г.).

«На ленинскую организацию ложится великая ответственность, ибо члены ее написали на знаменах восставших свои лозунги. Они убедили темные массы, что те делают дело революции» («Вперед», июль 1917 г.).

«Чего добились демонстранты 3 и 4 июля и их признанные официальные руководители — большевики? Они добились гибели 400 рабочих, солдат, матросов, женщин и детей. Они добились разгрома и ограбления ряда частных квартир и магазинов. Они добились ослабления нашего фронта, ибо фронт должен был оторвать от себя часть сил для посылки в Петроград. Они добились попыток захвата контрразведывательного отделения, где хранятся все сведения о германском шпионаже» («Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», июль 1917 г.).

Репрессии продолжались. Шли разгромы и аресты. За расклейку и разброску большевистских прокламаций арестовывали и избивали. Ленин принужден был скрываться. Ряд активных работников партии и Военной организации, в том числе Луначарский, Крыленко, Рошаль, Механошин, Тер-Арутюнянц, Дашкевич и многие другие, сидели в «республиканских» тюрьмах. На заводах, на квартирах производились обыски. Разыскивались оружие, документы, беспощадно уничтожалась, сжигалась большевистская литература. Наглая клевета о немецком шпионаже, о немецких миллионах широкой волной вновь полилась на партию, расчищая путь для безнаказанных соглашательских комбинаций, для продолжения империалистической войны, для торжества контрреволюции. То же, что в столице, творилось и в провинции. Большевистские газеты были всюду закрыты, связь центра с местами была поэтому потеряна, расстроена или до последней степени усложнилась. Большевизм, казалось, был раздавлен, реакция торжествовала.

Но такова была лишь поверхность событий. Революция развивалась безостановочно. Можно было убить отдельных лиц, уничтожить отдельные группы, можно было заглушить, наконец, живое слово, но нельзя было пода-

вить стремлений и движения народных масс, уничтожить то, что уже было заронено в сознание масс, укрепилось там, разгоралось ярким пламенем. Лозунги о мире, о хлебе, о свободе, о власти Советов, которые были брошены в массы и восприняты ими, не могли быть забыты, тем более, что Лениным указан был и конкретный путь к их воплощению.

Он писал тогда: «Надо говорить народу всю правду: власть в руках военной клики... Эту власть надо свергнуть».

Это означало постановку вопроса о вооруженном восстании.

ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ

После июльского разгрома Военная организация большевиков оказалась в подполье. Газета «Солдатская правда» была закрыта. Типография разгромлена. Обществу солдат с Военной организацией и даже с солдатами других казарм положена физическая преграда: им был воспрещен выход из казарм. Каждое письмо солдата к солдату проверялось офицерами. Красногвардейцы вынуждены были скрываться.

Но передовые рабочие и солдаты быстро оправились от полученного удара. Центром их устремлений стал Выборгский район — наиболее революционный и именно благодаря своему упорному сопротивлению оказавшийся особенно потрепанным в июльские дни. Из всех районов потянулись сюда разрозненные, разогнанные, но не деморализованные партийные работники. Сразу же после разгрома здесь были подведены итоги всему происшедшему, подсчитаны силы и намечена приблизительная программа будущих работ.

И тут оказалось, что противодействие репрессиям было более сильным, чем сами репрессии. Характерно, что нигде большевики не арестовывались самими солдатами. Даже в Семеновском полку офицерам только при пособничестве юнкеров и казаков удалось арестовать наших товарищей. В 180-м полку солдаты упрекали Военную организацию за то, что она не дала бой, но согласились, что без широкого охвата большевистским влиянием провинции и фронта вооруженное восстание было бы обречено на неудачу.

В Финляндском полку 7 июля арестовали многих солдат. Это вызвало большое недовольство, и наше влияние там увеличилось. Против 6-го запасного саперного батальона употреблены были драконовские меры, но солдаты не считали себя побежденными и восприняли эти меры как насилие над ними. Егерский полк и 6-й запасный заявили требование, чтобы выходила «Солдатская правда».

Измайловский полк раскаивался, что принял участие во взятии дворца Кшесинской, объясняя это тем, что солдаты были обмануты: им сказали, что здесь они нападут на тех лиц, которые получили из Германии 2 миллиона. Солдаты Петроградского полка тоже сожалели, что пошли против своих. Преображенский полк, не участвовавший в выступлении, но поддерживавший его морально, тоже не поддался антибольшевистской агитации. В среде двух полков, прибывших в Петроград для усмирения, началось раздумье.

Самокатчики разделились на большевиков и меньшевиков, и среди них начались яростные схватки; пускалось в ход даже оружие. В Мстиславском полку, прибывшем на усмирение, недоумевали: их вызвали воевать с контрреволюцией и германскими заговорщиками, а они всюду сталкиваются с солдатами и рабочими.

Конечно, работать в полках стало очень трудно. Они были наводнены шпиками, казаками и юнкерами. Но только в трех полках, откуда взяли много активных работников, наше влияние заметно упало. В остальных оно по-прежнему было велико. Отсеялась только часть колеблющихся, ненадежных элементов.

Революционный гнев рабочих и солдатских масс не только не ослабел, но продолжал нарастать. Нужна была лишь крепкая организующая рука центра, чтобы свести воедино и сплотить временно расстроенные ряды.

Большевистская партийная организация занялась восстановлением связей. Быстро была налажена нелегальная типография, сохраненная с царского подполья. Но выпуск газеты эта маленькая типография обеспечить не могла.

Без малейшего уныния, с прежней бодростью принялись мы за привычную работу тайного выпуска прокламаций, обращений к рабочему классу от имени большевистской партии, объявленной вне закона. В прокламациях партия дала анализ причин июльских поражений,

определила особенности момента и вытекающие из него задачи.

Трудно было с военной работой. Оставшиеся на свободе руководители Военной организации находились на полулегальном положении. Были выписаны ордера на наш арест. Об устной агитационной работе не приходилось и думать: невозможно было проникнуть в казармы. Они были взяты на замок. Усилены были все посты у входов. По гарнизону и частям изданы приказы, воспрещающие солдатам выход из казарм. Во многих полках солдаты боялись думать о каких-либо связях с Военной организацией. Почти все товарищи, руководившие ячейками Военной организации и всей революционной жизнью полков, находились в тюрьмах. Военная организация на первых порах не находила путей влияния на солдатскую массу.

Было решено найти способ полулегального выпуска новой газеты взамен закрытой вместе с «Правдой» «Солдатской правды». Ее называли «Рабочий и солдат». Типографии отказывались ее печатать, как только чуяли в заголовке или в материале что-то большевистское. Несколько раз уже готовый набор ссыпался типографией после того, как она, взявшись печатать газету, по содержанию статей с ужасом обнаруживала связь газеты с только что подавленным выступлением. С невероятным трудом удалось в различных типографиях, комбинируя: набор — в одной, а печатание — в другой, издать отдельные номера вновь организованной газеты, без указания, что она имеет отношение к большевикам. Я. М. Свердлов рассказывал мне потом, что, когда он доставил первый номер этой газеты, вышедший 23 июля, Ленину, скрывавшемуся в подполье, Владимир Ильич «плясал от радости», видя в выпуске газеты первую крупную победу над силами контрреволюции, и сказал, что заложен первый камень для подготовки вооруженного восстания. «Рабочему и солдату» в ту пору приходилось играть роль Центрального органа партии. После разгрома партия других газет в Петрограде не имела.

«Рабочий и солдат» не сразу проник в казармы. Газета сперва нелегальным порядком, тайно распространялась по фабрикам и заводам. Затем она начала через рабочих, рыбаков и конспиративные шлюпки посылаться к матросам Кронштадта. Через матросов попадала к

солдатским частям, расквартированным в Кронштадте, а через них неведомыми для правительства и его ищеек путями стала просачиваться и в казармы.

Итак, несмотря на все трудности распространения, «Рабочий и солдат» через рабочих проникал в казарму. Там газету расхватывали и запоем читали. Читали тайно, прячась от офицеров. Газета всколыхнула рабочую и солдатскую массу. Потянулись в редакцию письма и корреспонденции, а вслед за тем — и сами рабочие; иногда прорывались из своих бастионов и солдаты. «Рабочий и солдат» стал играть также роль живого организующего центра, собирающего и возбуждающего своих читателей к борьбе. Бюро военных организаций завязало связь с заключенными в тюрьме членами своей организации и поручило им работу по обслуживанию газеты. Из тюрьмы стали поступать в редакцию «Рабочего и солдата» статьи, очерки. Статьи, памфлеты, документы с комментариями, разоблачающие реставраторскую деятельность буржуазии, печатались не только в газете, но и издавались в виде листовок-книжек. Этим вплотную занялось летучее издательство, организованное Военной организацией при редакции «Рабочего и солдата». Листки эти, издававшиеся по горячим следам событий, сыграли громадную роль в уяснении солдатами сущности июльских событий и замыслов буржуазии. Они снова начали приближать рабочую и солдатскую массу к большевистской партии.

26 июля собрался VI съезд партии, взявший курс на вооруженное восстание. В. И. Ленин в подполье выковал большевистскую идеологию восстания, дал те лозунги, которые сплотили глубоким перспективным сознанием фронт пролетарской борьбы за власть.

Среди других докладов на съезде был поставлен доклад о работе Военной организации партии, который Центральный Комитет партии поручил сделать мне.

Так как я был в числе тех, кого правительство Керенского разыскивало для ареста, мне пришлось свое присутствие на съезде обставить необходимой конспирацией: в отчете о съезде я значусь «т. Николай».

Военная организация, выросшая в грозную силу из скромного объявления в марте 1917 года на страницах «Правды», объявления, созывавшего солдат-большевиков во дворец Кшесинской, эта Военная организация отчитывалась перед партией.

Съезд внимательно слушал отчет о том, как от этапа к этапу Военная организация набирала силы.

Март месяц. Учредительное собрание солдат и офицеров создает свой аппарат — Военную организацию...

Апрель. Выпуск газеты «Солдатская правда»...

Организация солдатского клуба «Правда». В начале мая в нем уже числилось 3000 человек...

Май. Военная организация помогает питерским рабочим в организации Красной гвардии.

Июньская конференция фронтовых и тыловых военных организаций. 26 000 членов партии, работающих в войсках.

Затем я перехожу к событиям 3—5 июля, на которых приходится остановиться подробно — съезд их тщательно анализирует.

В заключение привожу ряд доказательств того, что после июльских событий влияние нашей партии в солдатских массах не ослабло. Это обстоятельство съезд встречает с особенным удовлетворением — делегаты прекрасно понимают, с какими огромными трудностями связана сейчас партийная работа в войсках...

Сама жизнь учила массы различать, на чьей стороне правда. Каждым своим поворотом к реставрации буржуазия убеждала пролетариат и солдат в правоте большевистской агитации и в неизбежности вооруженной борьбы за власть. Пролетариат, освобождаясь от иллюзий революционных фраз меньшевиков и эсеров, в подполье создавал и крепил красногвардейские отряды. Лишившись инструкторов из казарм, красногвардейские отряды выбирали их из своей среды, укрепляли внутреннюю дисциплину, проводили занятия без винтовок, которые были надежно спрятаны, но не выпущены из рук.

Наступил август. События развивались так, как это предвидел Ленин. Буржуазия, считавшая рабочий класс побежденным, повела наступление дальше — на соглашательские партии.

Керенский, меньшевики и эсеры сдавали позицию за позицией и в середине августа были притянуты буржуазией на Московское государственное совещание, несмотря на то, что весь пролетариат протестовал против него: Государственное совещание было ширмой для организации всероссийского контрреволюционного заговора.

В Москве и в ряде других городов состоялись много-

людные собрания рабочих, на которых выносились резолюции протеста против созыва «всероссийского совещания врагов революции», как было названо рабочими это Государственное совещание. Было вынесено решение в день открытия Государственного совещания объявить в виде протеста однодневную забастовку. Забастовка эта охватила все заводы и фабрики Москвы, весь транспорт, все столовые, рестораны, гостиницы.

Приехавших на совещание в Москву «государственных людей» пролетариат заставил идти пешком от вокзала, остановив в этот день все движение. Может быть, это обстоятельство особенно оттенило зловещую фигуру Корнилова, назначенного после июльских дней командующим русской армией. Будущий герой контрреволюционного заговора инсценировал въезд в Москву на традиционном белом коне. От Александровского вокзала он заехал к Иверской, дабы сотворить здесь перед «чудодейственной» иконой торжественное коленопреклонение, а оттуда, сопровождаемый свитой, наводящей своим видом страх и ужас, направился к зданию, где собиралось Государственное совещание. Здесь помещики-монархисты и наиболее реакционная буржуазия сорвали порфиру с Керенского и венчали своим доверием нового избранника — Корнилова, взяв с него у Иверской иконы клятву верности контрреволюции.

Центральный Комитет партии внимательно следил за событиями в Москве. Выполняя решения ЦК, все большевистские организации, в том числе и «военка», развернули широкую печатную и устную агитацию среди солдатских масс с целью сплочения их с пролетариатом для отпора надвигающейся контрреволюции. В своих газетах и особых брошюрах, выпущенных под названием «Листочки», Военная организация использовала каждую речь, каждую фразу, произнесенную на Государственном совещании, как доказательство приготовления буржуазии к реставрации, как яркое свидетельство трусости и цинизма соглашателей, державшихся за хвост буржуазии и организующих торжество контрреволюции.

Значение большевистской агитации в массах, ее печатных изданий, в частности этих «Листочков», было необычайно велико, так как они подготовили массы к тому, чтобы дать отпор надвигающейся монархической военной диктатуре.

Когда пронеслось первое известие, что Корнилов движется на Петроград, Центральный и Петербургский комитеты партии призвали пролетариат к защите революции. Военная организация уже стояла на своих боевых позициях. Она уже действовала. Подняв все полки и батальоны Красной гвардии, которые формировались, обучались, укреплялись и в подполье, приведя их в боевое состояние, Военная организация вывела их на охрану подступов к Петрограду.

Члены Военной организации на фронте делали ту же работу, не давая Корнилову двинуть на Петроград большие силы.

В Смольном, в комнате большевистской фракции, в дни корниловского выступления шло непрерывное совещание. Соглашатели — меньшевики, эсеры — члены ВЦИК вынуждены были просить большевиков о помощи, при этом всячески старались обратить Военную организацию в свое орудие, призывая объединиться под их руководством против общего врага революции — Корнилова. С этой целью Военный отдел ВЦИК предложил большевистской «военке» делегировать в состав этого отдела нескольких товарищей для совместной работы.

Предложение было принято, и в качестве делегатов Военной организации при ЦК партии я вместе с В. И. Невским явились во ВЦИК.

Делегирование именно нас немало смутило меньшевистско-эсеровский президиум, справедливо считавший и Невского и меня злейшими врагами соглашателей и опасавшийся близко подпускать нас к военным делам из боязни захвата вооруженной силы в руки большевистской партии. Когда мы явились на заседание Военного отдела, нам «разъяснили», что мы — разыскиваемые государственные преступники, подлежащие суду за июльское выступление, и что поэтому участие наше в работе Военного отдела «неудобно».

Нас это несколько не огорчило.

С военной точки зрения участие наше в работе Военного отдела ВЦИК не имело особого значения, потому что, по существу дела, Военная организация большевиков обладала значительно большим, чем было у ВЦИК, влиянием среди войск. Участие в Военном отделе для нас было важно лишь постольку, поскольку тогда Военная организация через своих делегатов знала бы все шаги

Временного правительства и соглашательские махинации господствующих партий.

А соглашателям хотелось, чтобы большевики были представлены в Военном отделе Каменевым — как членом президиума ВЦИК от большевистской партии. С ним они настолько «сработались», что порой было трудно понять, чьи интересы он отстаивает.

Так было и в дни корниловского мятежа. Помню такой случай. Сестрорецкие рабочие для борьбы с Корниловым прислали рабочим Выборгского района баржу динамита и ручных гранат. Каменев принял на себя поручение меньшевистско-эсеровского президиума ВЦИК сдать баржу Временному правительству и мотивировал это... опасностью держать в районе взрывчатые вещества. Нечего и говорить, что выборгские рабочие не стали его слушать.

В дни корниловского мятежа выборгские представители, как и представители других рабочих районов, шли за руководством не во ВЦИК, а в Военную организацию большевиков. Туда же стекались донесения от воинских частей о том, что такой-то или такой-то полк выступает против Корнилова, выступает под большевистскими лозунгами защиты революции.

Вся солдатская масса, за исключением обманутой «дикой дивизии» и деклассированных элементов, наводнивших «ударные батальоны», решительно выступила против «бунта генералов». Рабочий класс в борьбе за свободу и на этот раз встретил поддержку революционной армии — вооруженного трудового народа. К корниловскому мятежу примкнули только генералы и реакционно настроенное офицерство. Начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Лукомский, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал Деникин, командующий Особой армией генерал Эрдели, выразившие поддержку Корнилову, оказались генералами без армий. Войска корниловского корпуса, продвинувшиеся к Пскову, Великим Лукам, были частью рассеяны революционными войсками, частью перешли на их сторону, не устояв перед большевистскими агитаторами. Командовавший этими войсками генерал Крымов застрелился.

Борьба с Корниловым дала в руки пролетариата много оружия, вывела Красную гвардию из подполья;

снова связала Военную организацию с военными частями не только в Петрограде, но и на фронтах и в важнейших тыловых гарнизонах, обеспечила возможность подсчета боевых сил революции.

Ликвидация контрреволюционного восстания Корнилова, та исключительная роль, которую сыграли в подавлении этого восстания находящиеся под безраздельным влиянием большевиков рабочие и солдаты Питера, значительное расширение легальных средств борьбы партии, ряды которой снова пополнились за счет освобожденных из тюрем большевиков,— все это открывало новые возможности в деле организации рабочих и солдатских масс, нацеленных партией на вооруженное восстание.

Было ясно, что буржуазия на этом не успокоится, что, потерпев поражение на Корнилове, она будет искать более удачную кандидатуру для роли военного диктатора-вешателя.

Новая ситуация все более настоятельно выдвигала перед «военкой» задачу организации вооруженных сил пролетариата, задачу боевой подготовки масс к восстанию.

Необходимо было удержать в руках рабочих то оружие, с которым они в дни корниловщины защищали подступы к Петрограду. Но не только удержать. Надо было создать из рабочих обученные красные батальоны, ту вооруженную силу, опираясь на которую можно было бы завоевать для рабочего и крестьянина государственную власть.

При Военной организации был немедленно воссоздан институт инструкторов по организации Красной гвардии. Направив их на фабрики и заводы (в первую очередь Выборгского и Невского районов), Военная организация сразу же начала создание системы вооруженных рабочих сил, с каждым днем углубляя это дело, расширяя его и совершенствуя. В этой своей работе Военная организация стремилась к тому, чтобы инструкторы, которые большей частью являлись солдатами и младшими офицерами — членами Военной организации, сразу овладевали бы симпатиями, вниманием рабочих, входили бы в общерабочую семью и, таким образом, становились настоящими вожаками Красной гвардии. Рабочие с большим уважением и с благодарностью относились к посылаемым Военной организацией инструкторам. Едва

прошло несколько дней, как нас засыпали требованиями с десятков фабрик и заводов о присылке инструкторов.

В целях координирования их работы Военная организация назначила ответственных организаторов Красной гвардии в каждом районе. Затем был установлен такой порядок, чтобы инструкторы Военной организации производили обучение не только каждый на своей фабрике, но чтобы они точно так же обследовали положение дела и на соседних предприятиях, создавая густую планомерно построенную, целесообразно связанную военную силу.

Рост и значение работы Военной организации скоро были учтены Военным отделом ВЦИК. Наблюдая, как рабочие массы быстро превращаются в вооруженный оплот большевистской партии, соглашательские элементы ВЦИК справедливо усмотрели в этом большую для себя опасность. Они начали вставлять палки в колеса, и, не решаясь пойти на открытый конфликт с рабочими после того, как те с оружием в руках защищали революцию от Корнилова, ВЦИК постановил, чтобы вся работа по Красной гвардии велась через инструкторский подотдел их Военного отдела. Это постановление имело в виду произвести желательный отбор инструкторов и ограничить количество вооруженных рабочих до 8000 на весь Петроград, сведя обязанности красногвардейцев к функциям республиканской полиции. Военная организация решила не уступать и продолжала свою работу самостоятельно, всячески обходя те препоны и затруднения, которые ей ставил ВЦИК в области снабжения рабочей гвардии оружием и патронами. Имея свои крепкие ячейки почти во всех полках, «военка» преодолела эти препоны, получая помощь непосредственно от солдат.

Вооружение рабочих происходило через фабрично-заводские комитеты арсенала и тех оружейных складов, которые находились под влиянием большевиков.

Дальнейшая работа по организации вооруженных сил пролетариата и рост движения побудили Военную организацию к устройству курсов для инструкторов. Эти курсы являлись, с одной стороны, источниками военных познаний командного состава Красной гвардии из рабочих, а с другой, и самое главное, подготовляли солдат к инструкторской работе в новых, соответствующих моменту, условиях и обстановке. Особое внимание было обращено на то, чтобы на эти курсы попали лучшие

идейные революционеры, как рабочие, так и солдаты, и чтобы их политическое воспитание было поставлено не ниже специального военного обучения.

При открытии курсов Военная организация получила много требований о принятии рабочих и солдат из других городов и с фронта. После этого, приблизительно в двадцатых числах сентября, Военная организация объявила, что курсы расширяются и становятся всероссийскими. На них съехались солдаты с Северного фронта, из Гельсингфорса, из всех расположенных в Финляндии частей, с Юго-Западного фронта, из Особой армии, Балтийского и Черноморского флотов, из Тулы, Брянска, Киева, Одессы и ряда других городов.

Лекции читались с раннего утра до поздней ночи, и в течение 10 дней, которыми были ограничены курсы, многие слушатели получали настолько хорошую подготовку, что явились в дальнейшем самой основательной опорой в агитационной, организационной и боевой работе Военной организации.

Курсы эти по существу были школой подготовки вожakov восстания. Получив достаточные знания и навыки самостоятельной работы, инструкторы по определенному плану были распределены по всей территории России и отправлены на места, в первую очередь в северные и северо-восточные губернии, а затем и в южные. Все они оставались крепко связанными с центром, благодаря чему Военная организация имела возможность руководить созданием Красной гвардии на местах.

Влияние партии и ее Военной организации непрерывно росло, развивались формы и методы ее работы, в том числе и такие, как упомянутые уже раньше землячества. Рабочие, матросы, солдаты стали фактически превращать землячества в органы подготовки крестьянства к вооруженной борьбе. В Военную организацию потянулись ходоки за советами, как развернуть борьбу против карательных экспедиций и войск, посылаемых Временным правительством охранять помещичье имущество.

Вскоре после июльских событий в одном из полковых манежей было устроено общее собрание землячеств. На нем присутствовало до 12 000 человек. В истории землячеств это собрание знаменовало собой решительный и полный поворот их на путь большевизма. Правые эсеры

(Авксентьев и др.) и пришедшие к ним на помощь меньшевики упорно пытались быть выслушанными; им не давали говорить. Это собрание положило конец попыткам соглашателей оказать свое влияние на работу землячеств.

Расширение работы землячеств в деревне привело Военную организацию к мысли о необходимости создать для деревни школу агитаторов и организаторов из среды рабочих, солдат, матросов.

Школа эта, как и курсы инструкторов, по существу своему была школой восстания. В ней с утра до ночи читались лекции, велись беседы о том, как организовать силы рабочих и крестьян для победы над буржуазией.

Окончив эту школу, рабочий, солдат, матрос получал от Военной организации мандат на ведение агитации в деревне, а кроме мандатов они получали тайный наказ готовить крестьян к восстанию, когда будет дан сигнал для него.

Наказ этот предусматривал, между прочим, и пункты о том, чтобы крестьяне, захватывая землю, когда подымется восстание, не жгли помещичьих усадеб, не уводили племенного скота, не уничтожали семенных запасов; чтобы отнятые земли передавались крестьянским комитетам.

Многим из этих агитаторов и организаторов Октябрьская революция обязана сохранением того громаднейшего имущества, которое трудящиеся отобрали у помещиков, развернув впоследствии на этой базе совхозы и все те агрономические и культурно-хозяйственные мероприятия, с помощью которых, преодолев разруху, крестьянство нашло новый путь улучшения своей жизни.

Владимир Ильич внимательно следил за работой Военной организации, о которой через связных ему докладывал, как и о всей работе партии, Яков Михайлович Свердлов — секретарь Центрального Комитета партии.

Каждый новый успех нашего дела радовал Владимира Ильича, и связные всегда отмечали неизменно бодрое, приподнятое настроение Ленина, его постоянную уверенность в победе.

Связной Центрального Комитета Шотман, которого месяца через два после июльского поражения Яков Михайлович послал к Ленину, «проживавшему» в то время в шалаше возле Сестрорецка, рассказывал, что после того, как он исчерпал все, что ему было поручено

Свердловым передать Ленину, Владимир Ильич спросил, что нового в Петрограде, каково настроение рабочих.

Отвечая, Шотман старался представить это настроение в наиболее оптимистических тонах. Для курьеза он даже сказал:

— Есть и такие, Владимир Ильич, которые уверяют, что месяца через два вы будете президентом республики.

— Нет ничего удивительного,— спокойно заметил Владимир Ильич.

Это было в первых числах сентября. На дорогах еще курились костры красногвардейцев, только что отразивших попытку корниловского контрреволюционного переворота, но Ленин уже видел завтрашний день страны...

К этому времени силы большевистской партии не только были восстановлены, они возросли во много раз, охватывая глубоким фронтом всю Россию. Петроградские фабрики и заводы к концу сентября уже имели в своих стенах по несколько взводов, рот и даже батальонов обученных рабочих. Инструкторы в докладах отмечали, что рабочие не в пример сознательнее и внимательнее солдат относятся к обучению, внося в него свою инициативу, проявляя здесь свою классовую способность к усовершенствованию изучаемого дела.

В такой обстановке инструкторы чувствовали себя не только учителями, но и благодарными учениками, ибо рабочие заставляли их самих подучиваться в отношении методов занятий.

В эти дни Военная организация работала не для отдаленных целей, но для создания того аппарата, с помощью которого в ближайшие недели, в ближайшие дни власть будет вырвана из рук тех, кто одурачивает и отравляет народное сознание, и перейдет в руки рабочего класса и крестьянской бедноты. Конкретность задачи, которая стояла, как неумолимое и неотвратимое требование революции перед каждым членом партии, давала могучий импульс для непрерывной лихорадочной работы.

Рядом с военной работой партия высоко подняла дело политического просвещения масс, добиваясь ясного понимания задач момента. Ежедневно Петроградский, Московский, Иваново-Вознесенский и другие комитеты партии и их военные организации устраивали по несколько митингов в полках и на заводах, где лучшие ораторы доказывали, что одна Красная гвардия, одни

солдаты не могут победить в восстании, что только вся рабочая масса, взявшись за оружие, может низвергнуть старый строй, чтобы построить новый, и что Красная гвардия — это лишь основной костяк, вокруг которого при восстании должен сорганизоваться весь рабочий класс, сплотившись в могучую рабочую революционную армию.

После Московского совещания, в конце августа, пере выборы в Петроградский Совет дали большинство большевикам. Такой же результат дали пере выборы и в других городах. В сентябре переизбрание Московского Совета точно так же поставило во главе московского пролетариата большевиков.

Таковы же приблизительно были результаты пере выборов и в местные Советы в провинции.

Эта победа нашей партии явилась ярким выражением нарастающего доверия масс к большевикам. Она указала на возможность захвата трудящимися власти в огромной многомиллионной стране. Владимир Ильич расценил эту победу как момент благоприятный для того, чтобы поднять революцию на высшую ступень. Уже 12—14 сентября в письме Центральному, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП он пишет: большевики должны взять власть именно теперь. Эту задачу нужно сделать ясной для всей партии, вооруженное восстание в Питере и Москве поставить на очередь дня, вспомнить, продумать слова Маркса «восстание есть искусство...»

На очередь встал вопрос о созыве II съезда Советов, который отразил бы происшедшие изменения в политическом сознании масс.

Петроградский и Московский Советы, борясь с помехами соглашательского ВЦИК, фактически взяли на себя инициативу созыва II съезда, которому суждено было сыграть величайшую историческую роль.

Были разосланы представители Петроградского и Московского Советов и большевистской партии по всей России, довершая уже начавшийся в пользу большевизма перелом в настроении масс и углубляя этот перелом.

Революция вступала в новую фазу...

РЕШАЮЩИЕ ДНИ

После разгрома корниловского мятежа вопрос о восстании стал в порядок дня, требуя немедленного разрешения.

Ленин из подполья непрерывно и настойчиво торопил с подготовкой восстания, всемерно доказывал его своевременность и необходимость. 7 октября Ильич уже в Петрограде. Свердлов и Сталин информировали его о положении дел. Находясь еще на нелегальном положении, Ленин проверял подготовленность к восстанию Красной гвардии и воинских частей. Перед решающим шагом прощупывал пульс страны, измерял силу влияния большевиков. И вот, после острейшего анализа политической и военной ситуации, он с непревзойденным искусством определяет — момент назрел.

Две даты всегда будут сиять во всем величии у всех народов. Это — 10 октября и 16 октября 1917 года. В эти дни Центральный Комитет нашей партии вынес постановление о вооруженном восстании.

10 октября состоялось заседание ЦК. Тщательно конспирируясь, на заседание пришел Ленин. Заседание началось докладом Я. М. Свердлова о положении на Северном и Западном фронтах. Свердлов сообщил о том, что Минск технически к восстанию уже готов и может оказать Питеру помощь, выслав революционный корпус.

Затем выступил Ленин. Он сделал доклад о текущем моменте. Подчеркнув необходимость немедленного выступления, Ленин указал на то, что восстание должно начаться в самое ближайшее время. Нельзя больше ждать,

настаивал Ленин, иначе мы сами даем возможность буржуазии организовать для отпора нам.

В исторической резолюции, принятой Центральным Комитетом вопреки сопротивлению Зиновьева и Каменева, Владимир Ильич четко и ясно изложил свои выводы: «...признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы».

Фактически в тот момент, когда мысль о восстании была высказана вслух, восстание не только родилось, но и по существу уже началось. Классовая борьба в стране после корниловщины получила стремительный толчок, события начали развиваться с невероятной быстротой. В начале октября они вылились в резкое столкновение Совета с правительством и соглашательским ВЦИК.

Конфликт начался с попытки Керенского вывести революционный гарнизон из Петрограда, чтобы затем вызванными с фронта верными Временному правительству войсками разгромить лишенный военной силы и оружия революционный питерский пролетариат и его орган — Совет рабочих и солдатских депутатов.

Выступая на заседании ЦК 10 октября, Ленин говорил, что попытка Керенского вывести Петроградский гарнизон якобы для защиты столицы от немцев есть не что иное, как часть большого заговора против революционного пролетариата Питера и сговор русской и зарубежной буржуазии с целью открыть ворота столицы немцам.

По вопросу об обороне Петрограда Петроградский Совет принял 9 октября резолюцию, предложенную большевиками. В ней говорилось о необходимости создания особого военно-революционного штаба — в противовес штабу Петроградского военного округа. Последнему пролетариат столицы имел все основания не доверять.

12 октября состоялось закрытое заседание Петроградского Совета, которое было посвящено вопросам практического и технического выполнения принятого 9 октября решения о создании своего революционного штаба в противовес лишенному доверия рабочих и солдат штабу Петроградского военного округа. Невзирая на протесты меньшевиков, было принято положение о нем и название: «Военно-революционный комитет», а 16 октября, не-

смотря на яростную агитацию тех же меньшевиков, назвавших Военно-революционный комитет «штабом для захвата власти», положение о нем и его организация были утверждены пленумом Петроградского Совета.

Революционный штаб пролетарских вооруженных сил — Военно-революционный комитет — был, таким образом, создан. Основной его задачей ставилось — взять фактическое управление гарнизоном в свои руки.

16 октября состоялось расширенное заседание ЦК с ответственными работниками районов, Петроградского комитета, Военной организации ЦК.

На заседании решительный отпор встретило капитулянтство Зиновьева и Каменева, продолжавших выступать против вооруженного восстания. Центральный Комитет принял предложенную Лениным резолюцию, призывавшую «все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленной подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра...»

ЦК стал главным центром восстания. По предложению Владимира Ильича из него было выделено ядро для практического руководства восстанием в составе Свердлова, Сталина, Бубнова, Урицкого и Дзержинского.

Задачи момента: быстрыми действиями завершить подготовку к восстанию, разбив этим возможности контрподготовки. Сделать четкими, ясными, понятными всему руководящему составу партии и Военной организации все вопросы восстания. Провести через них это пониманис в самую гущу массы, сцепив таким образом шестеренками весь фронт восстания от Ленина до идущих на восстание колонн, сделать его легко подвижным, по одному заводу действующей организацией.

С этого дня события стали развиваться, подобно нарастающему грозному шквалу.

...Навсегда остался в памяти вечер 17 октября.

После митинга в одном из полков спешу в Смольный.

В комнате много народу. Это — ответственное совещание представителей всех районов Петроградской организации большевиков и Военной организации при ЦК партии. Обсуждается вопрос о вооруженном восстании. Председательствует товарищ Свердлов. Посредине комнаты — небольшой стол, совсем простой, ничем не покрытый.

Напряжение в этот час вечера было сильное, а речи короткие. Район за районом устами своих организаторов докладывал о том, что пролетариату их района уже нечего говорить. Ему сейчас надо только действовать. Это был основной голос всех районов. Такой же голос был и у руководителей военных организаций в отношении бывших царских полков, гвардейских полков, в отношении матросов и, самое главное, технических войск, которые составляли большую силу и высокую форму организации в гарнизоне Петроградского военного округа.

Проходит один доклад за другим о готовности рабочих и солдат Петрограда к восстанию. Работники районов цифрами и фактами подтверждают: момент назрел...

В качестве председателя Военной организации большевистской партии я докладываю совещанию о Красной гвардии, войсковых частях и флоте.

Работа Военной организации по подготовке масс к восстанию велась с могучим размахом. Создание Красной гвардии как силы, которая должна сбросить Временное правительство вооруженной рукой, требовало большого напряжения. Партия и Военная организация устраивали митинги ежедневно и по нескольку раз. На них говорилось, что одна Красная гвардия и солдаты не могут победить в восстании. Низвергнуть полугнилые учреждения старого строя может только вся рабочая масса, взявшись за оружие. На Красную гвардию надо смотреть как на подготовительный и основной кадр, который вступит в бой. Вокруг него должен сорганизоваться в бою и для боя весь рабочий класс.

Прежде всего говорю о состоянии Красной гвардии Выборгского района. Она связана крепкими нитями с заводскими и районными партийными организациями большевиков и с фабзавкомом. Называю имена организаторов Красной гвардии. Отмечаю секретарей партячеек и председателей фабзавкомов, которые умеют вовлекать рабочих в дело развертывания Красной гвардии. Эти организаторы Красной гвардии хорошо поработали над претворением в жизнь боевых лозунгов большевистской партии.

Большую помощь Красной гвардии Выборгского района оказывает бывший лейб-гвардии Московский полк, расквартированный в этом районе.

Рассказываю о Красной гвардии Петроградского района, развернувшейся в серьезную силу. Боевое крещение она получила еще в дни апрельской демонстрации, когда группа царских офицеров бросилась на красногвардейцев, чтобы отнять и разорвать красное знамя. Бросилась — и получила жестокий вооруженный отпор.

Говорю о Московско-Нарвском районе, во главе которого — Путиловский завод-гигант, с 40-тысячной армией рабочих. Демонстрацией и стачкой путиловцев началась Февральская революция. Уже 5 марта 1917 года путиловцы вынесли решение: не выпускать из рук оружия до полной победы пролетарской революции. Путиловцы создали хорошо дисциплинированную Красную гвардию.

Рапортую о солдатах Питерского гарнизона. О славном броневом дивизионе, в котором много бывших петроградских, московских, коломенских рабочих. Старшие из них помнят бои с царским правительством в 1905 году. Это они, не страшась военного суда, вывели две броневые машины к Финляндскому вокзалу в памятный апрельский день приезда Ленина. 17 броневиков, которыми располагает дивизион,— немалая сила. Захватив эту силу в свои руки, офицеры Временного правительства с ее помощью осуществляют охрану вокзалов, телефонной станции, телеграфа, почтамта, Зимнего и Мариинского дворцов, штаба.

Перехожу к другим частям. Большевики автомобильной роты держат в своих руках все грузовые и военные автомобили. У большевиков автобронемастерских готовы 6 машин; в нужную минуту они отдадут и машины и себя в распоряжение штаба вооруженного восстания.

Огнехимический и саперный батальоны, 1-й пулеметный полк и другие разоружены. Но солдаты этих частей рвутся смыть кровью оскорбления, нанесенные им разоружением после того, как они в июльские дни потребовали передачи власти Советам.

Коротко рапортую о десяти гвардейских полках. Впереди наиболее распропагандированные Павловский и Гренадерский егерские полки, а также Петроградский, Литовский, Волынский, Финляндский и Измайловский полки. В этих гвардейских полках большевики вели огромную пропаганду еще до июльских дней. У измайловцев был К. Е. Ворошилов, поднявший их в февральские дни на восстание.

180-й полк, осадная артиллерия Петропавловской крепости идут за большевиками. Артиллеристы считают делом чести всего гарнизона Петропавловской крепости вычеркнуть из рядов защитников буржуазии Кольтовский пулеметный и Самокатный батальоны, на верность которых рассчитывает Временное правительство.

Перечисляю войска, которые заградят путь к Петрограду от Пскова, Минска, Могилева, если бы Ставка попыталась прийти на помощь Временному правительству. Гарнизоны, стоящие по Варшавской, Балтийской, Витебской железным дорогам, в Царском Селе, Гатчине, Луге, и другие — все они переизбирают ротные, батальонные комитеты, ставят во главе их большевиков. Ячейки Военной организации большевиков являются единственной руководящей силой этих частей. И все эти части идут только за большевиками, чтобы сбросить власть буржуазии и создать рабоче-крестьянскую власть.

Моряки Кронштадта, Гельсингфорса, артиллеристы и пехота Выборга, латышские стрелки, солдаты армии Северного фронта, закаленные в борьбе с буржуазией в июльские, августовские и сентябрьские дни, в своих газетах «Солдат», «Волна», «Окопная правда» оповестили страну о своей верности знамени Ленина. Моряки и выборгские солдаты отрезали себе путь к отступлению уже тогда, когда в мартовские дни сбрасывали в море и топили генералов и офицеров. Они уверены в успехе восстания, уверены, что их силой будет сломлена буржуазия.

Присутствующие слушают с напряженным вниманием, стараясь не пропустить ни слова.

Кончаю доклад и отхожу в сторону. В этот момент ко мне подходит Яков Михайлович Свердлов и шепотом говорит:

— Теперь пойдешь к Ильичу. Он вызывает тебя с отчетом о подготовке.

Свердлов сводит меня с Антоновым-Овсеенко. Ему тоже идти. Кроме нас, Ильич вызывает еще Невского. Все трое мы будем отчитываться перед ним о том, как Военная организация партии подготовила массы к восстанию. По соображениям осторожности решаем идти порознь, каждый со своим сопровождающим.

Ночь. Меня сопровождает коренной питерский рабочий т. Павлов. Строго соблюдая требования конспирации, идем, замечая след, — это намного дальше, но вернее.

Последнее время охота за Ильичем заметно усилилась, по городу бродят десятки шпиков, всюду расставлены замаскированные пикеты. «Временные» чувствуют, что господству их приходит конец, они понимают, какова роль Ленина в том, что массы все настойчивее и настойчивее требуют свержения власти буржуазии. Шпики с ног сбились, разыскивая Ленина.

Избегая встреч с патрулирующими юнкерами, идем по малохоженным улицам.

Вот Троицкий мост. Пройдя его, движемся по Петроградской стороне; делаем вид, что и не думаем направляться в Выборгский район.

Убедившись в том, что за нами никто не следит, переходим на Выборгскую сторону. Вот на этой улице находится дом, в котором скрывается Ленин. Обходим его, осматриваем каждый уголок, нет ли подозрительных людей. На улице пусто. Входим в ворота. Меня охватывает естественное волнение.

Поднимаемся на второй этаж. Осматриваемся. Стучим, как условлено. Дверь открывается — перед нами незнакомый человек. Владимир Ильич был так загримирован, что я узнал его только по голосу, когда услышал: «Здравствуйте, товарищ Подвойский».

Когда я шел сюда, то тщательно обдумывал, о чем, в какой последовательности буду делать «доклад».

Но на самом деле получился не доклад, а простая душевная беседа.

Усадив нас, Владимир Ильич начал с Антонова-Овсеенко, предложив ему высказать свои соображения по поводу восстания. Антонов-Овсеенко сказал, что он не берется уверенно судить о положении в Петроградском гарнизоне, но что ему хорошо известно состояние Гельсингфорсского и отчасти Кронштадтского флота. Моряки готовы к выступлению. Они могут переброситься в Петроград по железной дороге, а в крайнем случае и подойти к городу с моря. Войска, стоящие в Финляндии, все пропагандированы и всячески поддержат восстание. Что касается Петроградского гарнизона, то он полагает, что после проделанной Военной организацией работы успех восстания обеспечен. Многочисленные митинги, которые в сентябре и октябре провела наша партия, резолюции, единодушно вынесенные на этих митингах, убеждают в этом.

Невский, специально ездивший по поручению Военной организации в Гельсингфорс для выяснения возможности участия флота в восстании непосредственно в водах Петрограда, высказался в том смысле, что флот восстанет — Антонов-Овсеенко прав, но продвижение флота к Петрограду встретило бы огромнейшие затруднения. После ареста офицеров, который окажется неизбежным в первый же час восстания, на их место станут люди малоопытные, мало знакомые с картой минных полей, вряд ли они смогут провести суда среди минных заграждений. Управление кораблями во время боя, если бы пришлось таковой развернуть под Петроградом, тоже натолкнулось бы на то, что во главе этих кораблей стояли бы матросы, не умеющие управлять боем. Невский склонялся к тому, чтобы корабли не трогать, а матросов доставить в Петроград по железной дороге.

Подошел мой черед. Я сказал, что подготовка восстания проводится Военной организацией самым интенсивным образом, что на одном из последних заседаний Бюро военных организаций принято решение направить ответственных товарищей на фронт: в 12-ю, 5-ю, 2-ю армии, на Юго-Западный фронт, в Минск, в Брянск и другие места для подготовки наших организаций и на фронте, и в провинциальных гарнизонах к восстанию и для выяснения той степени поддержки, которая будет оказана Петрограду войсками других мест. Нам очень важно было указать товарищам, особенно Северного фронта, на то значение, которое должны сыграть 12-я и 5-я армии, как заградительная завеса, перерезающая доступ к Пскову со стороны расположенных и подтянутых к подступам этого города (около Мариенбурга) казачьих частей и горской дивизии.

Я указал, что принятому нами решению о связи с действующей армией Военная организация придает серьезное значение, а выполнение его потребует известного срока. Поэтому целесообразно было бы восстание несколько отложить, дней так на десять. Тем более, что время явно работает на нас: каждый новый день прибавляет нам сил, и, наоборот, с каждым днем из-под ног Временного правительства все более и более ускользает почва. Эти дни мы использовали бы и для ликвидации недоделок в Петроградском гарнизоне. Полки, выступившие в июле (Павловский, Гренадерский, Московский,

1-й запасный и др.), частью раскассированы, частью деморализованы и выступают только поверив в выступления других частей; а готовность к восстанию частей, бывших ранее реакционными (Преображенский, Семеновский), нуждалась в проверке. Я обратил внимание Владимира Ильича также на то обстоятельство, что Керенский может опереться на особые сводные отряды и другие реакционные части с фронта, могущие воспрепятствовать успеху восстания.

Внимание, с каким Ленин слушал мое сообщение о готовности к восстанию, сменилось крайним нетерпением, когда я заговорил об отсрочке.

— Вот именно! — перебивает он меня. — Как раз поэтому-то и нельзя откладывать! Всякое промедление с нашей стороны даст возможность правительственным партиям, обладающим мощным государственным аппаратом, подготовиться более решительно к разгрому нас с помощью вызванных для этого надежных войск с фронта. Ведь они, несомненно, осведомлены о предстоящем восстании... Готовятся к нему. А за время отсрочки подготовятся еще более. Вот ведь как! Восстание должно произойти до съезда Советов, особенно важно, чтобы съезд, поставленный перед свершившимся фактом взятия рабочим классом власти, сразу же закрепил бы декретом и организацией аппарата власти новый режим...

Предложив мне продолжать, Ленин снова приготовился слушать.

Я перешел к характеристике положения в Петроградском гарнизоне и в Красной гвардии. Подробно изложил все то, о чем докладывал сегодня на совещании партийного актива Петрограда и Военной организации. Рассказав о положении в воинских частях, я перешел к Красной гвардии. Указал, что рабочие с каждым днем всё настойчивее требуют оружия. Усилился приток в Красную гвардию молодежи.

Особенно обрадовало Ильича то, что военные занятия, проводившиеся ранее тайно, в скрытых местах, вдали от заводов и рабочих кварталов, перенесены теперь на территории предприятий и в манежи соседних войсковых частей. Но потом на лице его выразилось какое-то беспокойство. Владимир Ильич встал со своего места, подошел ко мне, взял меня за руку, подвел к дивану, стоявшему в углу комнаты, и, усадив рядом с собой, спросил:

— Полностью ли вы отвечаете за все сведения, сообщенные мне? Проверены ли они вами?

Я ответил: руководящие члены Военной организации, в том числе и я, ежедневно бывают в отрядах Красной гвардии и в войсковых частях. Солдаты и офицеры, члены Военной организации, ведущие обучение Красной гвардии, а также руководители большевистских ячеек в войсках сообщают в Бюро военных организаций при ЦК партии каждый день сведения о ходе военных занятий и о росте большевистского влияния в среде солдатских масс.

И вот мне кажется, Владимир Ильич удовлетворен моим докладом. Я и сам доволен, получилось очень хорошо, картина полная, по всем вопросам даны исчерпывающие сведения — помогло, видать, то, что перед этим была «репетиция».

Но вот Ильич начинает донимать меня уточнением этих сведений. Кто сообщил? Когда сообщил? При каких обстоятельствах? Откуда следует, что на этот завод можно целиком положиться? Кто там секретарь парторганизации? Из кого состоит фабком? Когда были перевыборы ротного или батальонного комитета? Кто от завода или полка послан при перевыборах в Петроградский Совет?

Я понимаю, что все эти вопросы «законные», но от неожиданности их меня начинает бросать то в жар, то в холод. А Ильич продолжает «уточнять». Из кого состоит районная Дума? А районный Совет? Какая связь со штабом Красной гвардии у такого-то завода? Как связаны между собой заводы, войсковые части? А райком? Он как связан с войсковыми частями своего района? Откуда думает Военная организация получить оружие? Кто и как обучает рабочих стрельбе?

Теперь вопросы Ленина относятся уже к руководителям красногвардейских отрядов и батальонов. Но и от них я себя чувствую не лучше, чем неопытный боксер на ринге...

— Вот вы сказали, что на таком-то заводе хорошая боевая организация, в Красной гвардии 300 человек, есть винтовки, есть патроны и даже пулеметы, говорите, есть. А кто там командир, вы знаете его?

— Да, знаю.

И я рассказываю, что мне о нем известно.

— Замечательный, говорите, человек? Голову положит за революцию? А какова его военная квалификация?

Сам-то он умеет бить без промаха, хотя бы из револьвера? К пушке подойти сможет, если потребуется? А на автомобиле перевезет что-нибудь необходимое, если придется? Умеет он управлять автомобилем? Ну, а тактику уличных боев знают ваши командиры Красной гвардии?

Оказалось, что ни одного командира с этой стороны я не знаю. Владимир Ильич поднялся, заложил пальцы в жилетные карманы и укоризненно покачал головой:

— Ай-я-яй, вот так председатель Военной организации! Как же вы будете руководить восстанием, если вы не знаете, что представляют собой ваши командиры? Это недостаточно, что они хорошие агитаторы, хорошие пропагандисты, что они хорошо делают доклады, прекрасные организаторы масс. Восстание — это не собрание для выслушивания докладов, восстание — это действие оружием. Там надо действовать, и действовать не только самоотверженно, но и умело, иначе самый малейший промах может стоить жизни красногвардейцам, революционным матросам и солдатам. Промач может поставить на карту весь исход восстания!

Я увидел, какую громадную ошибку мы допустили. Стало ясно, что петроградская организация большевиков, повернувшая к восстанию гигантские массы рабочих и солдат, очень мало до сих пор уделяла внимания чисто военным вопросам, а это уж являлось прямой обязанностью Военной организации. Мне в этот момент хотелось только одного: поскорее пойти обратно и, засучив рукава, начать навестывать упущенное...

Заметив мое смущение, Владимир Ильич старался вывести меня из того неловкого положения, в котором я находился.

— Батенька мой,— сказал он,— восстание — это самый острейший вид войны. Это — великое искусство. Конечно, смелые командиры своим примером, дерзновением и храбростью делают чудеса. Но какой же это командир для вооруженного восстания, если он не умеет стрелять? Следует сейчас же заменить таких командиров другими. Руководители, не знающие тактики уличного боя, погубят восстание. И учтите, пожалуйста, что солдаты солдатами, но больше всего мы в своей борьбе должны рассчитывать на рабочих.

С этого момента я стал смотреть на восстание глазами Владимира Ильича. Теперь мне было ясно, что именно

следовало сделать в те несколько дней, которые оставались до восстания. Надо было добиться того, чтобы Красная гвардия стала не только ведущей политической силой, но и ведущей военной силой, определяющей успех восстания.

— А уверены ли вы,— продолжал Владимир Ильич,— что командиры войсковых частей не подведут? Это ведь царские офицеры?

Я сообщил товарищу Ленину, что за четыре месяца вынужденного пребывания в подполье влияние большевиков в войсках выросло необычайно. В войсковых частях остались на своих местах только те командиры, которые признают контроль со стороны солдатских комитетов. Солдатские же комитеты, как я уже сообщал, находятся в большинстве воинских частей под влиянием большевиков. Даже в таком полку, как Семеновский, нам удастся проводить свои решения без особых усилий. Правда, Преображенский полк еще не наш, но мы уверены в том, что и его завоюем. Тут я перечислил тех командиров — главным образом пулеметных полков и некоторой части гвардейских полков,— которые безоговорочно примкнули к нам в последние дни.

— Какая сила у революции! — с особым удовлетворением сказал Владимир Ильич. — Теперь самое главное — это управлять ею так, чтобы победить, а без применения военной науки победить нельзя.

— Важнейшее дело сейчас,— продолжал Ленин,— подобрать ядра самоотверженных рабочих, особенно молодежи, способных пойти на гибель, но не отступить, не сдать позиций. Необходимо заранее составить из них специальные отряды, которые займут телефонную станцию, телеграф и, главное, мосты.

Мосты... Рабочие районы Петрограда были связаны между собой и с центром восемью мостами: Литейным, Троицким, Дворцовым, Николаевским, Охтенским, Большим и Малым Сампсоньевскими, Тучковым. Удержать в своих руках эти мосты было делом насущно необходимым.

После этого Ленин перешел к вопросам вооружения.

— Вы говорите, что рабочие все настойчивее и настойчивее требуют оружие. А где вы его собираетесь раздобыть?

Нашей гордостью, гордостью Военной организации было то, что мы могли в любом полку вычерпать почти

все оружие из цейхгаузов, потому что большевистские военные ячейки в каждом полку, на кораблях, в артиллерии представляли собой силу. Только казаков мы еще не сумели распропагандировать. А во всех остальных частях округа и в ближайшей прифронтовой полосе у нас было такое положение, что оружие мы могли достать в любом количестве.

Но когда я об этом сказал Владимиру Ильичу, лицо его почему-то выразило не радость, не удовлетворение, а какое-то недоумение: что, мол, это он говорит?

— Позвольте... Чем больше мы выкачаем оружия у солдат, тем меньше им останется. Так ведь? — замечает Владимир Ильич.

...Да, над этим я как-то не подумал.

— Не годится! Надо теснее связаться с арсеналами и складами боеприпасов,— продолжал В. И. Ленин.— Там ведь тоже рабочие и солдаты. Разработайте такой план и обеспечьте так дело, чтобы мы могли взять оружие из самых складов непосредственно перед тем, как оно потребуется. Сестрорецкий завод — это хорошо, но этого мало. Уверен, что, если вы поможете большевикам Петропавловского арсенала, Нового арсенала на Литейном и Старого — на Выборгской стороне развернуться по-настоящему, они в нужный момент откроют склады для раздачи оружия рабочим. Так ведь?

Я никогда раньше, несмотря на свой опыт 1905 года, не представлял себе, насколько вооруженное восстание органически связано с вооружением самых широких слоев рабочего класса. Не представлял себе также, что высочайший революционный подъем масс далеко еще не обеспечивает победы. Она может быть достигнута только искусным руководством. Лишь изумительный хозяйский подход Владимира Ильича к вооруженному восстанию, к массам, руководителям, оружию обеспечивал всеобщее участие в восстании рабочих и солдат и гарантировал необходимый успех его.

Стали говорить о Военно-революционном комитете, как об органе, который должен руководить восстанием. Военная организация при ЦК партии большевиков благодаря своему большому влиянию на массы уже начала играть исключительную роль в только что созданном Петроградском Советом органе вооруженного восстания. Она мало считалась с представителями других организаций, кото-

рые входили в Военно-революционный комитет. А их было много, и нам такая структура оперативного органа представлялась громоздкой.

Товарищ Ленин спросил меня, как я мыслю себе работу Военно-революционного комитета.

Я ответил:

— Военно-революционный комитет по существу является расширенным Бюро военных организаций при Центральном Комитете нашей партии.

— Вот это и неправильно! — сказал Владимир Ильич. — Ни в коем случае не Бюро, а такой полномочнейший, но беспартийный орган восстания, который связан с самыми широкими слоями рабочих и солдат. Этот комитет должен обеспечить участие в вооружении и в восстании неограниченным пролетарским и солдатским массам. Чем больше будет проявлять инициативы и активности каждый член Военно-революционного комитета, тем сильнее и действительнее будет влияние всего комитета на массы. Ни под каким видом не следует допускать ни малейшей тени диктаторства Военной организации в Военно-революционном комитете. Главная задача Военной организации в том, чтобы комитет не уклонился от правильной большевистской позиции. Основное — победа восстания. Этой — и только этой — цели должен служить Военно-революционный комитет.

При этом Ленин указал и на ту форму, которая должна была придать работе Военно-революционного комитета массовый характер:

— Ежедневно созывайте гарнизонные совещания из представителей всех частей Петрограда. Действуйте через них.

В конце беседы я обратился к Владимиру Ильичу с вопросом:

— Не целесообразно ли предварительно заготовить в миллионах экземпляров декреты о земле, о мире, о рабочем контроле над производством и об организации Советской Республики?

Владимир Ильич взглянул на меня и захохотал.

— Вот вы куда хватили! Сперва надо победить, а потом уже печатать декреты.

Простились мы трогательно. Было уже далеко за полночь. Словно на крыльях, неся я обратно. В голове, как молотом, стучали ленинские слова: «Массы налицо».

Наладить военное руководство ими. Дать им в руки возможно больше оружия — вот что надо».

В эту же ночь был поставлен на ноги весь актив Военной организации. Все, как один, немедленно приступили к проведению в жизнь указаний товарища Ленина.

Мы начали с боевой готовности флота.

В Кронштадт и Гельсингфорс были направлены комиссары Военно-революционного комитета. В это время моряки Балтфлота переживали громадный революционный подъем после съезда Советов Северной области. Они только что вернулись со съезда, где вместе с делегатами петроградских рабочих и солдат и делегатами Северного фронта приняли решение о переходе власти в руки Советов.

Балтийцы торжественно поклялись в том, что придут на помощь восставшему Петрограду в любой момент, и определили, какие корабли будут направлены в Петроград из Кронштадта и Гельсингфорса. Застрельщиками восстания должны были явиться те военные суда, которые уже находились в Петрограде: «Аврора» и «Заря свободы».

Чтобы обеспечить вооружение широчайших масс, потребовалось произвести переизбрание солдатских комитетов при арсеналах и складах боеприпасов. В состав этих комитетов были введены солдаты, готовые пожертвовать всем для революции. Они должны открыть склады, когда рабочие явятся за оружием. Для этой же цели в отрядах Красной гвардии были отобраны самые преданные рабочие. То же было проведено в фабзавкомках заводов, заготовляющих оружие и боеприпасы.

Но прежде всего внимание было сосредоточено на арсенале Петропавловской крепости. Там находилось более 100 000 винтовок. Дни и ночи проводилась работа Военной организации в том направлении, чтобы этот арсенал первым открыл свои двери для вооружения рабочих Выборгского, Петроградского, Василеостровского районов.

Всю эту работу надо было проводить особенно секретно, вовлекая в это дело одного за другим таких членов фабзавкомов и комитетов, без которых нельзя было осуществить это в высшей степени конспиративное мероприятие.

Еще труднее было осуществить указания товарища Ленина о квалифицированном военном руководстве восстанием.

Как был прав Владимир Ильич, указывая на необходимость успешного решения этого вопроса для победы восстания! Оказалось в действительности, что значительная часть руководителей Красной гвардии не знала тактики уличного боя, а некоторые даже не умели по-настоящему стрелять.

Члены Военной организации — офицеры провели ряд серьезных занятий в той и другой области. К некоторым руководителям Красной гвардии были прикомандированы компетентные офицеры. В отдельные же отряды были посланы группы наиболее сознательных и опытных в военном деле унтер-офицеров. Неподходящие командиры были заменены новыми.

18 октября в Смольном было созвано гарнизонное совещание, на которое собрались представители не только 118 войсковых единиц Петроградского гарнизона, но и из Кронштадтского, Ораниенбаумского, Петергофского, Красносельского, Стрельнинского, Лужского и Выборгского гарнизонов. Было доложено об образовании Петроградским Советом Военно-революционного комитета и зачитан устав его, состоящий из 19 пунктов. Первейшей задачей Военно-революционного комитета признавалось — не допустить вывод войск из Петрограда, установить контроль за деятельностью штаба Петроградского военного округа.

Таким образом, Военно-революционный комитет становился инструментом, с помощью которого Петроградский Совет брал в свои руки власть над Петроградским гарнизоном. В силу принятого устава ни одна воинская часть не могла быть выведена из Петрограда, даже из казармы, без санкции Военно-революционного комитета.

Штаб Петроградского военного округа лишался в отношении гарнизона всех оперативных прав.

С момента организации Военно-революционного комитета и особенно после гарнизонного совещания, принявшего наши лозунги, подготовка к вооруженному восстанию значительно расширилась и ускорилась.

На заводах и фабриках стали расти, вооружаться и обучаться отряды Красной гвардии. В воинских частях большевики провели большую работу по подготовке солдатских масс к революционным боям. Они привлекали колеблющиеся слои солдат на сторону революции.

Во всех районах Петрограда возникали военно-революционные штабы. Первый такой штаб создан в Выборгском районе. Вслед за ним появились штабы в Нарвском, Петергофском, Московском и других районах. Их создали районные комитеты партии совместно с Советами.

Но не дремал и враг. Особенно после того, как своим выступлением в газете «Новая жизнь» 18 октября Камнев и Зиновьев раскрыли карты и выдали врагу тайну подготовляемого большевиками восстания. Керенский срочно был вызван из Ставки. Командование Петроградского военного округа стало готовить решительные меры против большевиков. Гарнизон Зимнего дворца был увеличен. В штаб Северного фронта полетели телеграммы с требованием немедленно выслать верные правительству войска в Петроград.

21 октября было созвано второе гарнизонное совещание, которое превратилось в практический смотр боевых сил революции. Выступали представители всех воинских частей гарнизона. Выступления были предельно скупы, телеграфным языком рапортовали о настроении частей, их боевой готовности.

Все представители частей заверили Военно-революционный комитет, что без его разрешения войска не будут выполнять ни одного приказа своего командования или штаба военного округа.

Солдатский Петроград на этом гарнизонном совещании реагировал на организацию Военно-революционного комитета немногословной, но вполне ясной резолюцией:

«Приветствуя образование Военно-революционного комитета при Петроградском Совете Р. и С. депутатов, гарнизон Петрограда и его окрестностей обещает Военно-революционному комитету полную поддержку во всех его шагах, направленных к тому, чтобы тесно связать фронт с тылом в интересах революции».

Таким образом, воля солдатских масс была выражена ясно: они полностью отдали себя в распоряжение Военно-революционного комитета.

Вечером 21 октября состоялось заседание Военно-революционного комитета. Обсуждался вопрос о том, чтобы поставить действия штаба округа под контроль Военно-революционного комитета. Точка зрения большевиков встретила здесь возражения со стороны левых эсеров, в значительном количестве представленных в комитете.

Соглашаясь с посылкой в штаб военного округа уполномоченных Военно-революционного комитета, левые эсеры настаивали на том, чтобы эти уполномоченные шли туда с целью постепенного «внедрения» в работу штаба, без права отмены его распоряжений.

После дискуссии удалось, однако, единодушно провести большевистское решение: уполномоченные Военно-революционного комитета идут в штаб. Без их визы ни одно распоряжение штаба не было действительным. Тут же состоялись выборы уполномоченных. В связи с тем, что в качестве уполномоченного выбрали и Лазимира, взамен его председателем Военно-революционного комитета был избран я.

Уполномоченные немедленно отправились в штаб. Чтобы дать им фактическую возможность выполнить свою роль, мы здесь же решили в каждую воинскую часть Петрограда послать наших военных комиссаров, которые бы, опираясь на большевистские ячейки в воинских частях, сместили комиссаров Временного правительства и подчинили власть себе.

Комиссарам предстояло решить важнейшую, по сути дела решающую задачу: стать во главе воинских частей, обеспечить фактический переход власти в Петроградском гарнизоне в руки Военно-революционного комитета. Серьезностью этой задачи определялся и подбор военных комиссаров.

Военная организация большевиков сыграла в этом деле огромнейшую роль. Осуществляя ленинское указание о привлечении к активному участию в восстании самых широких беспартийных масс, она создала вместе с тем в лице института комиссаров, брошенных 21 и 22 октября в казармы, крепкий, цементирующий большевистский костяк, руководящее ядро новой военной власти.

Военная организация дала восстанию свой готовый военный аппарат и свои лучшие кадры — боевых товарищей, испытанных уже в июньской демонстрации, в июльском движении, в корниловские дни...

Комиссары имели наказ, обязывающий их выполнять приказы и распоряжения только Военно-революционного комитета или штаба округа, если приказ штаба скреплен подписью наших уполномоченных — представителей Военно-революционного комитета. В наказе говорилось, кроме того, что Петроградский Совет, в составе которого

большинство депутатов стоит за передачу власти в руки рабочих и крестьян, решил — первый в стране — осуществить эту власть и что переход этот может быть совершен только при помощи Петроградского гарнизона.

21 октября ночью и 22 октября комиссары Военно-революционного комитета были уже во всех полках Петроградского гарнизона и на важнейших предприятиях столицы.

Это дало возможность Военно-революционному комитету днем позже, 23 октября, опубликовать следующее воззвание:

«К населению Петрограда.

К сведению рабочих, солдат и всех граждан Петрограда объявляем:

В интересах защиты революции и ее завоеваний от покушений со стороны контрреволюции нами назначены комиссары при воинских частях и особо важных пунктах столицы и ее окрестностей. Приказы и распоряжения, распространяющиеся на эти пункты, подлежат исполнению лишь по утверждению их уполномоченными нами комиссарами. Комиссары, как представители Совета, неприкосновенны. Противдействие комиссарам есть противдействие Совету Рабочих и Солдатских Депутатов. Советом приняты все меры к охранению революционного порядка от контрреволюционных и погромных покушений. Все граждане приглашаются оказывать всемерную поддержку нашим комиссарам. В случае возникновения беспорядков, им надлежит обращаться к комиссарам Военно-революционного комитета в близлежащую воинскую часть.

Военно-революционный комитет
при Петроградском Совете Рабочих
и Солдатских Депутатов».

Положение продолжало обостряться...

Но командующий войсками округа Полковников, когда ему было предъявлено постановление Военно-революционного комитета, категорически отказался выполнять его и даже не пожелал вступить с уполномоченными в переговоры. Тем ничего не оставалось, как заявить, что ответственность за все дальнейшее ляжет на штаб округа, и уйти. На лестнице их, однако, догнали и вернули для переговоров, причем заявили, что штаб примет только уполномоченных солдатской секции Петро-

градского Совета, и то с тем, что эти уполномоченные будут скреплять распоряжения штаба, без права отменять их, а лишь с правом в крайнем случае только обжаловать. Условия эти были неприемлемы, и уполномоченные отправились обратно, что заставило Петроградский Совет выпустить следующее воззвание, принятое на экстренном собрании представителей полковых комитетов гарнизона в ночь на 22 октября:

«На собрании 21-го октября революционный гарнизон Петрограда сплотился вокруг Военно-революционного комитета Петроградского С.Р. и С.Д., как своего руководящего органа.

Несмотря на это, штаб Петроградского военного округа в ночь на 22-е октября не признал Военно-революционного комитета, отказавшись вести работу совместно с представителями солдатской секции Совета.

Этим самым штаб порывает с революционным гарнизоном и с Петроградским Советом Р. и С. Депутатов.

Порвав с организованным гарнизоном столицы, штаб становится прямым орудием контрреволюционных сил.

Военно-революционный комитет снимает с себя всякую ответственность за действия штаба Петроградского военного округа.

Солдаты Петрограда!

Охрана революционного порядка от контрреволюционных покушений ложится на вас, под руководством Военно-революционного комитета. 1) Никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Военно-революционным комитетом, не действительны. 2) Все распоряжения Петроградского Совета на сегодняшний день, день Петроградского Совета Р. и С. Д., остаются в полной своей силе. 4) Всякому солдату гарнизона вменяется в обязанность бдительность, выдержка и неуклонная дисциплина. 5) Революция в опасности! Да здравствует революционный гарнизон!»

Гарнизон Петрограда встретил комиссаров Военно-революционного комитета с огромным подъемом. Всюду полковые комитеты, в большинстве своем недавно переизбранные, выносили решения о полной поддержке большевистских комиссаров. В наказах, которые эти комитеты получали от своих избирателей, содержались директивы о полном подчинении Совету рабочих и солдатских

депутатов и его Военно-революционному комитету и об установлении самого тесного контакта с Военной организацией большевиков.

Даже в тех частях, которые до сих пор колебались, положение резко изменилось.

21 октября на заседании полкового комитета Преображенского лейб-гвардии полка выступал с докладом Г. Чудновский, назначенный в полк комиссаром Военно-революционного комитета. Несмотря на то, что полк этот долгое время являлся опорой Временного правительства и значительно позже других стал на сторону Совета, он приветствовал появление комиссара Военно-революционного комитета.

В протоколе заседания записано:

«Полковой комитет аплодисментами ответил на речь комиссара, после чего он просил разрешения сегодня же заявить Военно-революционному комитету о преобразованиях, на готовность которых Совет может рассчитывать».

22 октября состоялось заседание полкового комитета 1-го гвардейского стрелкового резервного полка совместно с представителями ротных и командных комитетов. Заслушав доклад представителя Военно-революционного комитета, собрание постановило:

«Мы, представители гвардии 1-го стрелкового резервного полка, заявляем, что всецело стоим на поддержке Петроградского Совета и Военно-революционного комитета и, если понадобится, поддержим их вооруженной силой. Все приказания штаба с настоящего момента без санкции Военно-революционного комитета не будут вводиться в жизнь».

Так было в подавляющем большинстве частей Петроградского гарнизона.

Ярким показателем революционной готовности петроградских рабочих и солдат является проведенный 22 октября по призыву Петроградского комитета большевиков «День Петроградского Совета». Целью его являлась проверка готовности масс к выступлению. Не было буквально ни одной фабрики, ни одного завода, ни одной воинской части, где в этот день не прошли бы митинги, собрания, и никогда еще эти собрания и митинги не видели такого огромного количества людей. На митинге в Народном доме собралось до 30 000 человек!

По свидетельству участников митингов, 22 октября энтузиазм рабочих и солдат был настолько велик, что достаточно было бы прямого призыва и вся эта людская громада пошла бы с голыми руками на баррикады, на смерть...

Рабочие-металлисты завода «Старый Парвияйнен» пишут в своей резолюции:

«Нас не пугает предстоящая близкая борьба, и мы твердо верим, что из нее мы выйдем победителями.

Да здравствует власть в руках Совета рабочих и солдатских депутатов!»

Сорокатысячный коллектив рабочих Путиловского завода вынес резолюцию столь же краткую, сколь и выразительную:

«Требуем от Всероссийского Совета Депутатов, чтобы власть была только Советам. Требуем вооружения рабочих».

«День Петроградского Совета» стал днем всеобщей мобилизации и смотра революционных сил петроградского пролетариата и гарнизона накануне вооруженного восстания. Смотр этот показал, что армия революции рвется в бой и к бою готова.

В этот же день в помещении Военной организации большевиков, на Литейном проспекте в доме № 2, была созвана конференция Красной гвардии всего Петрограда. На конференции присутствовали Свердлов и Дзержинский.

— Оружия! — таково было основное требование, с которым выступало подавляющее большинство делегатов.

На вопрос о количестве необходимого оружия почти все делегаты заводов и фабрик отвечали:

— Сколько дадите оружия, столько рабочих и станет под ружье!

Выяснилось, что Красная гвардия в несколько дней может развернуться до 50 000 бойцов. Если будет выдано оружия больше — ряды Красной гвардии смогут в короткий срок принять огромное пополнение вооруженных рабочих.

Тут же на конференции было созвано совещание актива, которое приняло два постановления:

немедленно организовать в полках наиболее революционных солдат, преданных большевикам, и направить

Братскій союзъ рабочихъ и солдатъ.
Осмѣнь знаменъ Путиловцевъ и Павловцевъ 1-Х 1917г.
Представители Путиловцы у своего знамени.

их в районы для максимального развертывания рабочей Красной гвардии не только на заводах и фабриках, но и в трамвайных парках, в железнодорожных депо и т. д.;

потребовать от завкомов оружейных и патронных заводов и от солдатских комитетов на военных складах выдачи оружия.

Члены Военной организации тут же приступили к выполнению этих решений.

Военно-революционный комитет вскоре получил от них извещение о решениях завкома Сестрорецкого завода, Старого арсенала на Выборгской стороне и Нового на Литейном проспекте — о беспрекословном выполнении ими требований Военно-революционного комитета, об отпуске оружия для Красной гвардии.

Раньше всего оружие было доставлено рабочими Сестрорецкого завода, но его оказалось мало. Было решено открыть для вооружения рабочих арсенал Петропавловской крепости.

23 октября комендант Петропавловской крепости от Военно-революционного комитета Благодеров и назначенный еще раньше комиссаром арсенала крепости Тер-Арутюнянц созвали солдатский митинг. Представители частей гарнизона крепости в пламенных речах заявили, что гарнизон будет безоговорочно выполнять приказы Военно-революционного комитета. Пала еще одна важнейшая цитадель Временного правительства...

После митинга в арсенале крепости рабочие начали на грузовиках вывозить оружие в рабочие кварталы. В течение этого и следующего дня в руки комиссаров, посланных Военно-революционным комитетом, перешла власть на крупнейших оборонных предприятиях. Одним из последних на службу восстанию был поставлен патронный завод (Выборгская сторона), куда к вечеру 24 октября прибыл сопровождаемый 10 красногвардейцами новый комиссар завода т. Погодин.

В эти дни Ленин весь был охвачен заботой об организации восстания. Я сужу об этом по тем запискам, которые постоянно получал от него. В этих записках он требует непрерывных сообщений о том, что делается в Петрограде, в Москве; как готовятся к восстанию на заводах, в казармах, во флотских экипажах и на военных кораблях.

К 19 октября в Петроград стали собираться делегаты на II съезд Советов. С величайшим напряжением и вниманием следил Ленин за партийной группировкой приезжающих делегатов. Он требовал, чтобы дважды в день ему присылали по данным мандатной комиссии съезда бюллетени о партийности приезжающих делегатов. В своей конспиративной квартире на Выборгской стороне по коротеньким «бюллетеням» — запискам Свердлова и Сталина Ленин ведет точнейший учет: сколько зарегистрировано большевиков и примыкающих к ним, сколько в противоположном лагере; Ленин определяет, как сложится соотношение сил на съезде, когда ему будет передана вся полнота власти... Я помню, что 19 числа в этом бюллетене значилось 319 большевиков, около 180 соглашательских делегатов и около 100 левозсеровских.

Несомненно, между прочим, то обстоятельство, что перевес наших сил, обнаружившийся с первых же дней сбора делегатов, играл для Ленина в решении вопроса о подготовке и проведении восстания большую роль.

Приезд делегатов в момент подготовительных шагов к восстанию был как нельзя кстати. Мы пользовались делегатами для выступлений на митингах, на гарнизонном совещании, и голос провинции, который говорил о таких же настроениях, какими жил петроградский пролетариат и гарнизон, — о решительном и бесповоротном стремлении рабочих, крестьян и солдат всей России к захвату власти — сильно способствовал укреплению среди петроградского пролетариата и солдат принятого ими решения именно теперь, именно в эти дни, путем восстания взять власть в свои руки. Особенную роль играли делегаты фронта. Рабочий класс и тыловые солдаты за все время революции приучили себя весьма считаться с мнением и настроением фронта. Братская солидарность фронта и тыла, выяснявшаяся на собраниях и митингах, где выступали фронтовые делегаты съезда, представляла собой огромную психологическую силу. Совпадение во взглядах питерцев и фронтовиков, обещаемая поддержка друг другу всегда наэлектризовывали рабочих и солдат, возбуждали у них стремление к решительным шагам и непреклонным действиям.

Исчерпав силы нашей питерской Военной организации, мы шли к делегатам съезда — большевикам и из их числа посылали комиссаров на военные заводы Петрограда

и прилегающих местностей, в различные части на фронт, в тыловые гарнизоны. Делегаты съезда назначались комиссарами, эмиссарами в наименее надежные города и губернии, где требовались исключительные полномочия и прерогативы, во все учреждения, которые мы считали необходимым захватить. Делегаты эти сыграли большую роль в подготовке и проведении Октябрьского восстания.

Отказ командующего Петроградским военным округом подчиниться воле Петроградского Совета вызвал опубликование приказа Военно-революционного комитета о том, что отныне вся власть в Петрограде переходит в руки Военно-революционного комитета. По этому приказу, изданному 22 октября, войска исполняют только распоряжения и приказы Военно-революционного комитета, передаваемые им через полковых комиссаров, а все иные распоряжения, откуда бы они ни исходили, признаются контрреволюционными, точно так же как и всякие выходы из казарм, учиняемые помимо Военно-революционного комитета.

Этот приказ означал прямое столкновение сил. Конфликт между Временным правительством и Военно-революционным комитетом принимал открытую форму.

В ответ на приказ Военно-революционного комитета начальником штаба Петроградского военного округа генералом Багратуни, только что принявшим это назначение, было предъявлено Военно-революционному комитету ультимативное требование об отмене этого приказа. Затем начальником Петроградского военного округа были изданы два приказа, аннулирующие приказания Военно-революционного комитета.

В первом из них говорилось:

«1) Приказываю всем частям и командам оставаться в занимаемых казармах впредь до получения приказов из штаба округа. Всякие самостоятельные выступления запрещаются. Все выступающие вопреки приказу с оружием на улицу будут преданы суду за вооруженный мятеж.

2) В случае каких-либо самовольных вооруженных выступлений или выходов отдельных частей или групп солдат на улицу помимо приказов, отданных штабом округа,— приказываю офицерам оставаться в казармах. Все офицеры, выступившие помимо приказа своих начальников, будут преданы суду за вооруженный мятеж.

3) Категорически запрещаю исполнение войсками каких-либо «приказов», исходящих от различных организаций.

Главный начальник округа, ген. штаба
полк. *Полковников*».

В другом приказе было сказано:

«Ввиду ряда незаконных действий представителей Петроградского Совета, командированных в качестве комиссаров названного совета, частям, учреждениям и заведениям военного ведомства приказываю:

1) всех комиссаров Петроградского Совета... отстранить.

2) О всех незаконных действиях произвести расследование для предания военному суду.

3) О всех бывших незаконных действиях немедленно донести мне с указанием фамилий комиссаров.

Главнокомандующий *Полковников*».

Вооруженное восстание становилось неизбежным...

ШТУРМ ЗИМНЕГО

В ночь на 23 октября по чугунным плитам громадных коридоров Смольного застучали сапоги красногвардейцев.

Отряды Выборгского, Петроградского и Второго Городского районов заняли первый и второй этажи. Втащили пулеметы. По лестницам понесли большие ящики с винтовками и патронами, по ступенькам застучали колеса тяжелых максимов.

Тут и там образовались очереди: это рабочие заводов стали за оружием. Шесть броневых машин, находящихся в руках верных большевикам солдат броневого дивизиона, вошли в ворота и развернулись в боевом порядке.

Вот прошел красногвардейский батальон, которому поручена охрана штаба революции — Смольного. Выставив наружные посты, оборудовав пулеметные гнезда и установив между колоннами легкие орудия, красногвардейцы, матросы Балтики и солдаты Литовского полка располагаются в помещениях Совета. Здесь же и представители от крупнейших заводов и всех воинских частей, вызванные для поддержки живой связи с Военно-революционным комитетом. Их тоже не мало: около 800 человек.

В последний раз в эту ночь видели в стенах Смольного бегавших без толку с искаженными от растерянности и испуга лицами Чхендзе и Дана — меньшевистских лидеров ВЦИК. На них никто уже не обращал внимания, как на выброшенную ветошь.

Бесперывно заседавший в 85-й комнате Военно-революционный комитет выпускал воззвания, отдавал приказы и распоряжения — заканчивались последние приготовления к решительной схватке... Кроме всего того, что относилось непосредственно к восстанию, нужно было разрешить ряд других весьма важных дел, которые так или иначе были связаны с восстанием и обеспечивали ему успех, — необходимо было позаботиться о продовольствии в дни восстания для Петрограда, о транспорте и о многих других нуждах.

Бесперывная цепь людей являлась за приказаниями, инструкциями и советами. Сюда же был вызван и штаб Красной гвардии. Ему было поручено проведение в жизнь приказа Военно-революционного комитета о всеобщем вооружении рабочего класса Петрограда. То и дело приходили комиссары, посланные нами в оружейные и артиллерийские склады и управления. К этому времени все эти склады были уже прибраны к рукам ячейками Военной организации и сплотившимися вокруг них революционно настроенными солдатами.

Немалую заботу Военно-революционного комитета в этот день составила охрана крупных предприятий, таких, как Обуховский, Путиловский, патронный, трубочный заводы, водоканал, электрические станции, газовый завод и другие, от возможных взрывов контрреволюционерами.

Были вызваны представители этих предприятий — председатели ревкомов, руководители наших партийных ячеек и командиры отрядов Красной гвардии. Военно-революционный комитет призвал их к бдительности, обратив внимание на то, какие тяжелые последствия для восстания имели бы подобные взрывы, особенно таких заводов, как пороховой, оружейный, или соответствующих складов и т. д., на которых взрыв неминуемо вызвал бы огромные жертвы среди окружающего населения.

Большая работа легла на плечи Военно-революционного комитета в связи с тем, что им было издано распоряжение, запрещающее выезд из Петрограда и въезд в него без разрешения Военно-революционного комитета. Для фактического осуществления этого постановления были сразу же назначены комиссары на все

вокзалы. Приняты были также меры против мобилизации правительственных сил под видом митингов, собраний и т. п. Военно-революционный комитет издал постановление о недопущении каких бы то ни было митингов, собраний, совещаний без его разрешения. Чтобы обеспечить это постановление, потребовалось опять же назначить комиссаров во все места, где устраивались митинги: зал армии и флота, помещение городской думы и многие другие, еще не находящиеся в наших руках.

Кропотливая организация всех этих сторон жизни столицы отнимала очень много времени у Военно-революционного комитета. Но больше всего, конечно, его внимание было сосредоточено на военной стороне дела, тем более что шаги, предпринятые Временным правительством, обязывали к этому.

23 октября и в ночь на 24-е Временное правительство привело в боевое состояние все военные училища Петрограда и стало стягивать к столице юнкеров из Петергофа, Гатчины, Ораниенбаума, Павловска и даже из Киева. Прибывшие из Петергофа юнкера были размещены в Зимнем дворце, ставшем резиденцией Временного правительства. Охрана Зимнего была усилена также юнкерскими отрядами Михайловского, Павловского и других военных училищ. Матросы «Авроры» и 2-го Балтийского флотского экипажа, охранявшие Зимний, отказались нести дальше охрану и за ненадежностью были заменены юнкерами. В Зимний дворец ввели взвод артиллерии из Михайловского артиллерийского училища. На площадь были стянуты английские броневики с английской же прислугой.

Временное правительство потребовало от Ставки верховного главнокомандующего скорейшего продвижения корпуса, который еще ранее предназначен был для разгрома революционного Петрограда после того, как будет осуществлен намеченный было вывод революционных войск из столицы.

А на следующий день правительство Керенского явно пыталось уже взять в свои руки наступательную инициативу.

Рано утром 24 октября в Военно-революционный комитет прибежали рабочие типографии большевистских газет «Рабочий путь» и «Солдат» и сообщили, что отряд юнкеров захватил типографию, прекратил печатание

газет. Типографии угрожает разгром. Правительство, как стало известно, объявило, что против редакторов этих газет и авторов помещенных в них статей, призывающих к восстанию, возбуждается уголовное преследование. Прокурору судебной палаты в то же время было приказано немедленно подвергнуть аресту всех большевиков — участников июльского движения, выпущенных под залог.

Военно-революционный комитет отдал приказание Литовскому полку выгнать юнкеров из типографии и обеспечить выход газет. Для подкрепления на место был выслан броневик. Типография была очищена от юнкеров, печатание газет продолжалось, и они вскоре появились среди рабочих и солдат.

Как только поступило сообщение о захвате типографии, комиссарам и полковым комитетам был передан следующий приказ Военно-революционного комитета:

«Петроградскому Совету грозит опасность. Из окрестностей ночью контрреволюционные заговорщики пытались вызвать юнкеров и «ударные» батальоны. Закрыты газеты «Солдат» и «Рабочий путь».

Предписываем вам привести полк в боевую готовность и ждать дальнейших распоряжений. Всякое промедление или неисполнение приказа будет считаться изменой революции».

Военно-революционный комитет тут же обратился к рабочим, солдатам и всем трудящимся со следующим воззванием:

«Солдаты! Рабочие! Граждане!

Враги народа перешли ночью в наступление. Штабные корниловцы пытаются стянуть из окрестностей юнкеров и ударные батальоны. Ораниенбаумские юнкера и ударники в Царском Селе отказались выступить. Замышляется предательский удар против Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Газеты «Рабочий путь» и «Солдат» закрыты, типографии опечатаны. Поход контрреволюционных заговорщиков направлен против Всероссийского съезда Советов накануне его открытия, против Учредительного собрания, против народа. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов стоит на защите революции. Военно-революционный комитет руководит отпором натиску заговорщиков. Весь гарнизон и весь пролетариат Петро-

града готовы нанести врагам народа сокрушительный удар».

Наряду с мобилизацией масс необходимо было принять и организационные меры охраны революционного Петрограда от покушений на него извне. Днем 24 октября Военно-революционный комитет через радиостанцию «Авроры» передал свой приказ:

«1. Гарнизон, охраняющий подступы к Петрограду, должен быть в полной боевой готовности.

2. На вокзалах должна быть усилена охрана.

3. Не допускать в Петроград ни одной войсковой части, о которой не было бы известно, какое положение она приняла по отношению к нынешним событиям. Навстречу каждой части надо высылать несколько десятков агитаторов, которые должны разъяснить им, направляющимся в Петроград, что их желают натравить на народ.

Корниловские эшелоны, если таковые не подчинятся увещаниям, должны быть задержаны силой. Надо действовать строго и осторожно и, где окажется нужным, применить силу.

О всех передвижениях войск немедленно сообщить в Смольный институт в Петрограде Военно-революционному комитету и присылать туда представителей из местных Советов и полковых комитетов для установления связи. Советам необходимо непрерывно заседать».

Радио сослужило первую службу большевикам, сплотивши солдат и рабочих-железнодорожников для того, чтобы не допустить переброску войск с фронта на Петроград.

Соглашательский ВЦИК перед лицом надвигающихся событий настолько растерялся, что сразу выпустил из своих рук все нити руководства, управления и контроля над происходящим.

В последний момент он решил, правда, сделать уступки требованиям масс. На экстренном заседании ВЦИК в ночь с 24 на 25 октября Дан говорил:

«Оказалось (?!), что народные массы слишком измучены, доведены до последнего предела отчаяния и уже не в состоянии дождаться возможности осуществления такого мира. С этого момента придется идти другим путем, более ускоренным, в борьбе за мир. В своем

наказе нашему делегату на союзническую конференцию мы выставили требование, чтобы союзники начали немедленно переговоры о мире. В Совете Республики мы сегодня провели резолюцию голосами всех левых фракций, в которой от правительства требуется издание декрета о переходе частновладельческих земель в руки земельных комитетов и о том, чтобы было потребовано от союзников начать немедленно переговоры о мире».

Но было поздно... Эти посулы уже никого не увлекали и не прельщали: массы во всей полноте осуществляли переход власти в руки пролетариата. Соглашательский ВЦИК в ту же ночь перешел в штаб военного округа: атмосфера Смольного была уже явно не по нему.

Временное правительство, потрясая воздух угрозами уничтожить большевиков и пытаясь мобилизовать для этого необходимые силы, не могло, однако, как ни старалось, внушить соглашательским представителям «демократии» уверенность в том, что оно этими силами располагает.

Речь Керенского 24 октября на заседании Совета Республики о «немедленной, решительной и окончательной ликвидации действий отколовшейся части демократии», т. е. большевиков, желающих «сорвать Учредительное собрание и раскрыть фронт перед Вильгельмом», была довольно вяло поддержана меньшевиком Даном, который, хотя и заявил, что «нужно вырвать почву из-под ног большевизма» и обещал от имени «демократии» защищать Временное правительство до последней капли крови, но в то же время уверял, что «мы не желаем быть пешкой в руках контрреволюции, которая хочет сыграть на подавлении восстания», и лепетал о необходимости «уступочек» со стороны правительства в деле мира, земли и демократизации армии. В силу этого и резолюция, принятая Советом Республики, носила такой характер, из которого Временное правительство никак не могло усмотреть поддержки в своих репрессивных намерениях и действиях.

Вот этот документ:

«1) Подготавливающееся в последние дни вооруженное выступление, имеющее целью захват власти, грозит вызвать гражданскую войну, создать благоприятные

условия для погромного движения и мобилизации черносотенных контрреволюционных сил и неминуемо влечет за собой срыв Учредительного собрания, новые военные катастрофы и гибель революции в обстановке паралича хозяйственной жизни и полного развала страны.

2) Почва для успеха указанной агитации создана, помимо объективных условий войны и разрухи, промедлением проведения неотложных мер и потому прежде всего необходимы немедленный декрет о передаче земель в ведение земельных комитетов и решительное выступление во внешней политике с предложением союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры.

3) Для борьбы с активным проявлением анархии и погромного движения необходимо немедленное принятие мер их ликвидации и создание для этой цели в Петрограде комитета общественного спасения из представителей городского самоуправления и органов революционной демократии, действующего в контакте с Временным правительством».

Военная власть и правительство, оставшиеся без реальной поддержки со стороны ВЦИК, потеряли, таким образом, последнюю моральную и общественную опору. Все же ослепление их было таково, что ставшее уже почти фактом восстание пролетариата представлялось правительству только вспышкой отдельных групп, которая будет подавлена войсковыми частями, вызванными на помощь правительству.

Вечером 24 октября Военно-революционный комитет принял решение окружить Зимний и произвести арест членов Временного правительства. Но так как решение это не опиралось на общую организационную подготовку восстания, а исходило только из того, что отводило огромную роль подъему и энтузиазму масс, осуществить его не удалось, в результате чего Керенский получил возможность удрасть... Военно-революционный комитет признал это своей большой ошибкой и тут же предпринял шаги для исправления ее. Решено было для оперативного руководства восстанием выделить тройку. В состав ее были избраны Антонов-Овсеенко, Чудновский и я. Удалившись с заседания Военно-революционного комитета, мы сразу же приступили к выработке окон-

чательного стратегического и тактического плана. План этот был предложен мною, исходя из ленинских указаний, которые были даны в его последних письмах и которые отвечали буквально на все возникавшие вопросы. Он сводился к тому, чтобы одновременно захватить все важнейшие уличные артерии, площади и мосты Петрограда, все вокзалы и линии, ведущие к ним, телефон, телеграф, главный и генеральный штабы, адмиралтейство, Зимний и Мариинский дворцы, в которых помещалось Временное правительство. Восставшими должны были быть захвачены все переправы через Неву. Все входы и выходы в рабочие районы, равно как и все входы в Петроград и выходы из него, предполагалось поставить под контроль ВРК.

С выполнением этого плана Петроград со всеми учреждениями связи и движения сразу попадал в руки восставших. Надлежало при этом захватить средства передвижения (железные дороги, автомобили), все средства связи (телеграф, телефон, радиостанции), а также аэродромы. Водопроводы, электрические станции также должны были оказаться в руках восставших. Этот план, предоставляя восставшим возможность быстрого овладения всем Петроградом, должен был также обеспечить спокойствие операций путем недопущения переброски враждебных сил к Петрограду. Эту задачу предстояло выполнить ряду гарнизонов, расположенных вокруг Петрограда (Царское Село, Гатчина, Петергоф, Луга, Новгородские гарнизоны, гарнизон в районе Бологое, Ярославские гарнизоны и Москва).

Оцепление важнейших стратегических точек план предоставлял Красной гвардии и матросам. Главные силы Красной гвардии, наиболее революционно-устойчивые соединения матросов и солдат предполагалось стянуть к решающему району восстания — району Зимнего и Мариинского дворцов, телефонной станции, главного и генерального штабов и адмиралтейства.

По этому плану партийные ячейки, фабзавкомы на заводах и комиссары Военно-революционного комитета в воинских частях должны были вывести и доставить на место все вооруженные силы в эту же ночь — в ночь на 25 октября — с таким расчетом, чтобы утром проснувшееся население Петрограда было поставлено уже пе-

ред совершившимся фактом овладения восставшими всеми улицами и площадями. Для гибкости руководства операциями план предусматривал образование двух вспомогательных штабов (в Петропавловской крепости и на «Авроре»), опирающихся в своих действиях на главный штаб восстания в Смольном и получающих от него окончательные распоряжения.

После занятия улиц, площадей и вокзалов, телефонной станции, телеграфа и общественно необходимых учреждений и зданий кольцо восставших сил должно было сжать Зимний и Мариинский дворцы, штабы и адмиралтейство и вынудить Временное правительство и командование сухопутных и морских сил сдать власть. План обеспечивал такое сосредоточение сил восставших и такую расстановку их, чтобы для защитников Временного правительства не было никакой возможности прорваться сквозь цепи и через кольцо наступавших повстанцев, а несколько оборонительных поясов вокруг Петрограда и Москвы с последним поясом, тянувшимся по Северному, Западному и Юго-западному фронтам, лишали бы Ставку и генералитет всякой возможности перебросить силы на помощь правительству с фронта или из глубокого тыла.

Овладев улицами, площадями и сдавив центральные учреждения правительства и командования кольцом в центре, ВРК отнимал у правительства возможность действовать в каком бы то ни было направлении. Материально обезоружив и поставив его в совершенно безвыходное положение, восставшие должны были морально давить на защитников Временного правительства, принуждая их к сдаче.

Учитывая огромный перевес, который имелся на нашей стороне, план всеми силами стремился обеспечить бескровный переворот, или хотя бы свести количество жертв до минимума. Отсюда ряд железных колец, охватывающих и сжимающих Зимний, делающих бессмысленным всякое сопротивление.

Но на тот случай, если защитники Временного правительства вздумали бы сопротивляться, план предусматривал штурм Зимнего, сигналом к которому должен был послужить красный фонарь на Петропавловской крепости и артиллерийский залп с «Авроры» — особенно имея в виду возможность тумана.

Военно-революционный комитет утвердил этот план, поручив нашей тройке руководство операциями, причем Чудновский был направлен непосредственно к цепям, Антонов-Овсеенко — на «Аврору», где создавался один из филиалов главного штаба, а на меня, кроме общего руководства, было возложено направление сил, действующих против Зимнего дворца.

Выяснив, что сил у нас более, чем достаточно, мы решили вести на штурм в первую очередь самые стойкие части. Центр наступления составлял Петроградский полк, а фланги — левый: Кексгольмский гвардейский полк и 2-й Балтийский флотский экипаж, имея за собою Егерский и Измайловский полки, а правый: Павловский полк вместе с Красной гвардией. На Финляндский и 180-й полк возложена была задача занять Васильевский остров, держать в своих руках все переправы через Неву. На Петроградской стороне это было поручено Гренадерскому полку и Огнетно-химическому батальону, на которых возложено было занятие там всех стратегических пунктов и Троицкого моста, а также всех переправ на Петроградскую сторону через Неву и ликвидация здесь контрреволюционных выступлений, если они будут. На Московский полк и на Красную гвардию Выборгской стороны возлагалась оборона Литейного моста и всех переправ на Выборгскую сторону, а также занятие Финляндского вокзала. Им же, как и Гренадерскому полку, было поручено выдвинуться авангардом к Белоострову, дабы не дать правительству возможности продвинуть со стороны Финляндии какие-нибудь воинские части с неясной для Военно-революционного комитета политической физиономией. На Центральном участке были части Литовского, Волынского, Павловского и Преображенского полков. Остальная же масса Литовского, Волынского, 1-го запасного и гвардейского полков и 6-го саперного батальона получили задачу обороны всех подступов к Смольному на случай, если бы правительственные войска прорвали цепь, окружающую Зимний дворец, или на случай прибытия войск откуда-нибудь из окрестностей. Части Измайловского и Петроградского полков были выдвинуты на охрану подступов к Петрограду со стороны Варшавской и Балтийской железных дорог и Нарвского шоссе.

Усиленные наряды патрулей охватили город. Занявшие окраины конные разъезды сжали его в кольцо. Военские части оцепили районы своих расположений. В течение каких-нибудь 4—5 часов Петроград превратился в военный лагерь.

Красная гвардия, приведенная ранее полков в боевое положение, заняла все важнейшие опорные точки, в районах ею были взяты под охрану заводы и все общественные учреждения.

Вызваны были из Кронштадта и Гельсингфорса балтийские моряки; стоявшие около Петрограда суда: крейсера «Аврора», «Заря свободы» включены в цепь операции. Моряки «Авроры», которые охраняли Зимний дворец, подготовлены к особому заданию. Они прекрасно знают все ходы и выходы из дворца. Наиболее опытным агитаторам из них поручено, переодевшись сторожами и служащими, пробраться в подвалы и вести агитационную обработку защитников Зимнего, доказывая им бессмысленность сопротивления. Небольшими отрядами в несколько человек посланцы проникли через лазаретное помещение в так называемую Галерею 1812 года, другая группа пробралась во дворец со стороны набережной через детский подъезд. Агитаторы блестяще справились со своей задачей: штурм Зимнего был значительно облегчен тем разложением, которое они внесли в ряды его защитников.

Вечером 24 октября Владимир Ильич направился в Смольный для непосредственного руководства восстанием. Было уже совсем темно, когда заgrimированный Ленин вместе с товарищем Рахья шел по застывшим в ожидании чего-то улицам Питера. Ленин был поражен тем, что почти всюду его останавливали наши патрули — красногвардейцы, моряки, революционные солдаты. Лишь изредка встречались патрули юнкеров.

— Я не думал, что у них (т. е. у Временного правительства) все так гнило,— сказал он своему спутнику.

Подшли к Смольному. Но и Смольный не узнать. Во всех окнах огни, во дворе броневики, у входа на постах часовые. Тут же поодаль горят костры, около них греются солдаты, матросы, красногвардейцы, сменные с постов. Везде вооруженные люди. Все в движении, словно в огромном муравейнике. В ворота въезжают грузовые машины, доверху нагруженные вин-

товками, патронами, пулеметами. Их тут же разбирают районы, заводы для вооружения рабочих.

В маленькой клетушке, у висящего на стене плана города Петрограда,— Антонов-Овсеенко, Чудновский и я. Мы ставим последние кресты на план города, знаки тех ударов, которые в первую, вторую и третью очередь должны быть нанесены по силам контрреволюции. Мы были так поглощены расстановкой флажков, что не заметили, как в нашу комнату вошел Владимир Ильич. Трудно передать наше волнение и радость, когда мы увидели Ленина. У меня было огромное желание познакомиться с тем, что мы тут наметили, и спросить, как он оценивает наш план, но Владимир Ильич кого-то, видимо, искал. Он только многозначительно взглянул на нас, как бы желая сказать: ну, вот и наступил этот час... последний час буржуазии...

Через связных мы сейчас же дали знать во все полки, на все заводы, что восстанием непосредственно руководит Ленин, что он уже в Смольном и взял в свои руки бразды правления. И со всех сторон Петрограда к Ленину потянулись руководители красногвардейских отрядов, восставших частей — всем хотелось убедиться в том, что Ленин с нами, услышать указание от него самого.

За несколько часов до этого — 24 октября в 2 часа 30 минут дня Военно-революционному комитету был доставлен приказ Временного правительства юнкерам о разведении мостов. Мы уже знали о том действии, которое приказ этот возымел в правительственных и частных учреждениях. Он вызвал чрезвычайную тревогу в городе и поднял панику среди обывателей. Служащие частных и правительственных учреждений были немедленно распущены по домам. Прекратились занятия в министерствах, государственных и частных банках. Стали закрываться магазины на Невском. Управление городским трамваем распорядилось развести трамвайные вагоны по паркам. Дежурные посты милиции на улицах были усилены и подкреплены нарядами штаба округа. Около арки главного штаба выставили усиленную охрану.

Временное правительство оцепило караулами все важнейшие учреждения; юнкерским патрулям было предписано останавливать на улицах все автомобили

и пустые препровождать в штаб округа; телефоны Смольного выключили. Стянув для своей защиты в Зимний дворец юнкеров, женский ударный батальон, ударный батальон георгиевских кавалеров, оставшуюся верной ему часть казаков, правительство Керенского попыталось развести мосты, отрезав таким образом районы от центра города.

Юнкера бросились выполнять этот приказ. Но они смогли штыками заставить рабочих, обычно разводящих мосты, развести только один мост — Николаевский. Рабочие сразу же сообщили об этом красногвардейцам, те — Военно-революционному комитету. Комитет приказал морякам «Авроры» и красногвардейцам навести мост. Приказ был немедленно выполнен. Отрезать район от Смольного и преградить большевикам путь к Зимнему не удалось.

К Литейному и Троицкому мостам путь юнкерам был прегражден. С Выборгской, Петроградской, Василеостровской сторон их не пропускала Красная гвардия. С площади Жертв революции мост уже два дня охранялся Павловским гвардейским полком. Не удалось юнкерам развести мост и около Зимнего дворца, так как в их руках находился только подступ к мосту со стороны Зимнего дворца. На противоположной стороне мост был в руках красногвардейцев Василеостровского района. Со стороны Адмиралтейства подступ к мосту охранялся Красной гвардией и матросами гвардейского экипажа Балтийского флота.

К вечеру около мостов начались вооруженные столкновения.

Командиры 17 броневиков, которые до этого дня выполняли распоряжения Временного правительства по охране Варшавского, Балтийского, Николаевского вокзалов, телеграфа, почты, телефонной связи и Зимнего, под влиянием солдат-большевиков броневое дивизиона один за другим отказались служить Керенскому. Броневики ушли, оставив обнаженными те посты, на которые они были поставлены.

25 октября. Ночь. Но весь Петроград в огнях. Всюду — на заводах и фабриках, в полках, дивизионах, экипажах идут непрерывные собрания, выносятся резолюции о поддержке Советов. 3 часа 30 минут утра. Крейсер «Аврора» отдает якорь у Николаевского моста. Приказываю выключить телефоны Зимнего дворца и штаба округа: телефонная станция уже в наших руках.

Из Гельсингфорса прибывают миноносцы — пробились все-таки! — и медленно, осторожно входят в Неву. По улицам громяют броневики.

Вот замедлился поток донесений из секторов. В комнату, где работает наша тройка, входит Ленин. Спокойно, но настойчиво он требует выяснить, почему ослабло продвижение цепей. Тут же доискивается причин. Посылает людей на секторы подогнать окружение Зимнего и Марининского дворцов. С его приходом в Смольный восстание приобретает особенно энергичный темп. Каждую минуту в комнату Военно-революционного комитета входит то один, то другой товарищ со словами: «В помощь... Владимир Ильич прислал в ваше распоряжение... для того-то и того-то».

Утром 25 октября на Николаевском вокзале поймали и привели в Смольный юнкеров, которые окружным путем на грузовике сумели пробраться из Зимнего на вокзал, куда они направились за продовольствием и снаряжением. Некоторые товарищи из находившихся в то время в Смольном предлагали расправиться с ними тут же, чтобы дать острастку остальным. Большинство же, в том числе и я, считало, что юнкера являются только орудием в руках авантюристов и что по отношению к ним мягкость даст большие результаты, ибо покажет, что новая власть достаточно сильна и не боится, если в стане врагов прибавится несколько человек. По моему предложению им объявили, что их отпустят, если они дадут обещание не выступать более против Советской власти и выделят делегацию в Зимний, чтобы рассказать об этом защитникам дворца. Юнкера, ожидавшие над собой кровавой расправы, были несказанно удивлены, когда их отпустили обратно в училище, они шумно выражали свою радость и всю

дорогу рассказывали конвоирам, что с них взято начальством обещание защищать правительство до последней капли крови, но что у последнего сил в сущности очень мало и в конечном результате эти силы будут истреблены.

Первое продвижение войск к Зимнему дворцу удалось начать только в 6—7 часов утра 25 октября. Цепь сжималась, но операции значительно замедлялись тем, что управление наступающими войсками находилось в различных частях. Приказания приходилось передавать через самых ответственных работников, которые метались во все стороны на автомобилях. Поэтому решено было сосредоточить руководство в Петропавловской крепости. Одновременно штабу правого крыла было дано распоряжение разместиться в казармах Павловского полка. Штабу левого сектора поместиться в Балтийском экипаже. Штабу центра приказано было находиться в непосредственной близости наступающих цепей.

К утру исход восстания был уже решен. Все ключевые пункты были в руках восставшего пролетариата. Временное правительство было блокировано в Зимнем дворце, лишено власти, осталось почти без сил.

В 10 часов утра 25 октября Военно-революционный комитет обратился с воззванием, написанным Лениным.

«К гражданам России!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

Около часу дня красногвардейцы, солдаты Измайловского полка, моряки гвардейского экипажа и крейсера «Полярная звезда», подкрепленные броневиком, окружили Мариинский дворец, где заседал Временный совет Российской республики — Предпарламент.

В 2 часа, когда сосредоточение войск было закончено, Предпарламенту и всем присутствовавшим в Маринском дворце предложили освободить помещение. Временный совет республики прекратил свое существование.

К этому же времени матросами был занят военный порт с его радиостанцией, захвачено адмиралтейство и арестован морской штаб.

В 2 часа 35 минут в Белом зале Смольного открылось заседание Петроградского Совета, на котором было объявлено, что Временного правительства больше не существует, Предпарламент распущен...

Когда на трибуне после четырехмесячного перерыва впервые открыто появился Ленин и депутаты снова увидели своего любимого вождя, зал разразился бурными аплодисментами, которые Ильичу не удавалось остановить. Стены содрогались от приветственных возгласов и оглушительных рукоплесканий. Все встали с мест. Никогда Ленин не был таким торжественным и взволнованным, как в тот момент, когда он, дождавшись тишины, сказал:

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась...

Затаив дыхание, слушали Владимира Ильича рабочие, солдаты, матросы. Ленин говорит о том, что составляло самые сокровенные мечты каждого из них — о мире, о земле, об уничтожении кабалы на фабриках и заводах,— и вот это уже не мечты, а действительность, Ленин говорит об этом, как о непосредственной задаче сегодняшнего дня.

Каждое его слово расходится широкими кругами в душе слушателей, открывая перед ними новые изумительные горизонты.

А в это время войска революции все туже и туже затягивали кольцом Зимний, где еще «заседало» Временное правительство. Шли последние приготовления к штурму дворца.

К 3 часам дня в Петропавловской крепости подготовка к штурму была закончена. Жерла орудий смотрели на Зимний дворец. Снаряды поднесены. Положение и судьба его теперь окончательно зависели от нас. С минуты на минуту солдаты ждали решительных

распоряжений. Задерживала только «Аврора», ожидавшая подхода кронштадтских моряков.

Оттяжка в удовлетворении накипевшего желания скорее ворваться в Зимний и арестовать Временное правительство раздражала солдат. Красногвардейцы были терпеливее. Они сосредоточенно стояли на заставах, двигались в цепях уверенно и с большим достоинством, весьма настороженно несли дозорную службу. Бдительность красногвардейцев, замыкавших расположение наших головных колонн, особенно бросалась в глаза. Их дозоры тщательно наблюдали, чтобы контрреволюционеры нигде не могли соприкоснуться с солдатами и пытаться оказывать разлагающее влияние на них.

Цепи с каждым часом все теснее подступали к площади Зимнего дворца и становились все гуще и гуще. К 6 часам вечера Зимний был словно опутан солдатскими цепями. Солдаты и матросы все ближе и ближе подползали к нему, оставляя за собой резервные узлы. Перебежкой они последовательно занимали все исходные для штурма Зимнего углы улиц и прикрытия — по Адмиралтейской и Дворцовой набережным, по Морской улице, Невскому проспекту, Конногвардейскому бульвару.

Юнкера, забаррикадившись штабелями дров у ворот дворца, зорко следили за движениями наших головных цепей и всякое перемещение их встречали ружейным и пулеметным огнем.

На Миллионной, на набережных, открытых огню, наши солдаты занимали каждую впадину и казались влитыми в гранитные стены.

Везде было напряжение и ожидание великой минуты штурма.

В резервах солдаты собирались вокруг зажженных костров, которые задымились с наступлением темноты. Нетерпение солдат росло. Они ругались. Требовали продвижения вперед немедленно, язвили: «И большевики начали дипломатию разводить!»

Руководителям восстания приходилось десятки раз бывать на позициях и в каждой цепи объяснять причину задержки. Причины эти сменяли одна другую и были различны, но все сводились к одному: революция хотела избежать лишней крови.

В 6 часов вечера, когда все уже было готово к штурму, на последнем совещании тройки в Петропавловской крепости мы решили послать самокатчиков в штаб Петроградского военного округа с ультиматумом о сдаче в течение 20 минут. В противном случае штаб будет обстрелян из пушек Петропавловской крепости и с «Авроры».

Штаб тотчас же сдался Военно-революционному комитету.

В тот же час был послан ультиматум в Зимний: очистить дворец и сложить оружие, а самим сдаться на милость Военно-революционного комитета.

Ультиматум передали во дворец.

Было условлено, что, если в течение 20 минут, которые мы дали Временному правительству на размышление, не последует ответа, «Аврора» первая откроет огонь, моряки высадятся на набережную, а красногвардейские отряды по орудийному сигналу штурмом бросятся на Зимний дворец.

Что происходит в Зимнем, мы тогда еще не знали, а между тем события там развивались своим чередом...

Рано утром Керенский прибыл в штаб округа и распорядился как главковерх отправить приказание 1-му, 4-му и 14-му Донским казачьим полкам выступить «на помощь Временному правительству и для спасения гибнущей России», но казаками это исполнено не было под тем предлогом, что без пехоты «лезть на пулеметы» страшно. Испугавшись соседнего Гренадерского полка, отказалось от выступления и Павловское военное училище. Части из Петергофа тоже не прибыли в Зимний. Выяснив, таким образом, что в распоряжении Временного правительства войск очень немного и выслушав доклад, что войсками Военно-революционного комитета заняты телефонные станции, а телефоны Временного правительства и штаба выключены, главковерх Керенский в автомобиле американского посольства уехал из города якобы навстречу вызванным им войскам. За ним разъехался по квартирам и весь штаб со всеми управлениями, так что в руках Временного правительства оставался только Зимний дворец, где остатки Временного правительства под председательством Коновалова открыли заседание,

приняв ряд «решений», которые в данной обстановке, на взгляд любого здравомыслящего человека, должны были казаться чем-то вроде кукольной комедии. Так, например, был издан указ о назначении Кишкина чрезвычайным уполномоченным «по водворению порядка в столице и защите Петрограда от всех анархических выступлений... с подчинением ему военных и гражданских властей», да и не одного Кишкина, а еще и помощников его Рутенберга и Пальчинского; отправлены телеграммы всем городским, губернским и областным комитетам об организации решительного сопротивления большевикам, «угрожающим своими анархическими выступлениями погубить дело революции и свободы», сделано обращение к фронту с предложением сплотиться вокруг Временного правительства и «дать отпор изменнической агитации».

Расписывая так, Временное правительство не знало даже, чьи войска виднеются за Дворцовой площадью, и, принужденное к 11 часам вечера перейти в другую половину дворца, все же продолжало писать во все места, что «положение признается благоприятным», что противник слаб и что вечером ожидается для поддержки правительства из Ставки самокатный батальон, а утром прочие войска. И только около двух часов ночи, когда дворец полностью и со всем правительством оказался в руках Военно-революционного комитета, а члены Временного правительства были арестованы, только тогда прекратился этот балаган.

Впрочем, кроме краснобайства, велась и боевая подготовка Зимнего к предстоящей схватке. Силы, бывшие в распоряжении правительства, часть которых находилась в генеральном штабе и на Дворцовой площади, были стянуты за баррикады во двор Зимнего дворца.

С раннего утра юнкера и георгиевцы перетаскивали от генерального штаба сложенные там плахи дров и устроили глубокий сектор баррикад, закрывающих все входы и ворота Зимнего дворца. В баррикадах были искусно размещены пулеметы; все подступы вливающих на Зимнюю площадь улиц находились в сфере их огня.

Наши части: Кексгольмский полк, 2-й Балтийский и гвардейский экипаж моряков под нажимом самих

матросов и солдат продвинулись к ограде сада дворца, в голову Александровского сада, на улицу Благородного собрания за Полицейским мостом; их прикрывал взвод зенитной артиллерии; с Морской улицы вход на площадь Зимнего занимали броневики под прикрытием павловцев и Красной гвардии Петроградского и Выборгского районов. Главный отряд Павловского и Преображенского полков продвинулся до Зимней канавки и замыкал выходы с Зимней площади. Все это опиралось с левого фланга и в центре на резервы Егерского, Семеновского и Волынского полков.

Отдельные группы буржуазии, в том числе и члены разогнанного Предпарламента, пытались устроить в тылу наших цепей демонстрацию, собрав у редакции газеты «Вечернее время», против Гостиного двора, кучки своих сторонников и распинаясь о том, чтобы не допустить «пролития братской крови». Но твердое боевое настроение революционных войск отбило у них охоту к каким-нибудь выступлениям. Матросы, солдаты, красногвардейцы производили проверку документов, обыски, конфисковывали автомобили. Патрулируя, арестовывали генералов, высших чиновников, графскую и княжескую знать, причем, когда попадались всем известные представители низвергаемого строя, массы приходили в ярость и требовали их немедленной казни. Но руководители отрядов и полков останавливали готовые свершиться самосуды.

Совсем стемнело. Ответа на ультиматум не было. Войска нервничали, не слыша орудийного сигнала. Они требовали вести их немедленно к решительной битве. Сжатым кольцом судьба дворца уже была решена бесповоротно. Но внутри Зимнего все еще на что-то надеялись. Во дворец была послана еще делегация во главе с товарищем Чудновским с последним предложением сдаться.

В штабах восстания считали минуты: парламентарии не возвращались. Солдаты в цепи волновались, недоумевая, почему их не ведут на штурм. Усилилась перестрелка. В это время с «Авроры» сообщили, что парламентарии задержаны в Зимнем дворце. Открывать огонь из орудий, когда заложниками у врагов наши товарищи, было рискованно — заложники могли быть расстреляны.

Чудновский вернулся из дворца без всякого ответа уже в разгар перестрелки, причем оказалось, что там его званием парламентаря пренебрегли. Сам он о своем пребывании во дворце рассказал следующее: «Караульный начальник, прапорщик, к которому меня доставил юнкер, потребовал, чтобы мы отправились с ним во дворец, заявив, впрочем, что моей безопасности ничто не угрожает. Положение было не из приятных, но делать было нечего, я вынужден был последовать за нашим проводником.

В коридорах дворца его поведение резко изменилось, он обрушился на юнкера с бранью и упреками за то, что он осмелился дать мне слово и гарантировать мою безопасность. В конце концов я вместе с юнкером Киселевым оказался у коменданта юнкеров под стражей. Наслушавшись погромного характера и антисемитского содержания речей какого-то полупьяного верзилы из антуража коменданта, я был уведен для представления «генерал-губернатору» Пальчинскому. Мне пришлось прождать минут двадцать, пока тот освободился.

Он стоял на темном дворе среди толпы юнкеров и повторял им то, что за десять минут до этого говорил защитникам Зимнего дворца во 2-м и 3-м этаже. Он уверял юнкеров, что на стороне большевиков ничтожная кучка солдат в различных частях войск, что ни одна из них целиком не восстала против Временного правительства и что они, юнкера, обязаны исполнять свой долг до конца. На его вопрос: «Исполните ли вы этот долг?» — лишь отдельные голоса отвечали: «Исполним». И тут же посыпались недоуменные и возмущенные вопросы о причинах малочисленности гарнизона дворца. «Где же Владимирское, где же Павловское училища?» — и Пальчинский лгал в ответ, уверяя, что в Зимнем дворце (где более 1000 комнат) недостаточно места (!), чтобы вместить всех преданных Временному правительству защитников Кишкина и Терещенко.

Увидев меня, Пальчинский замахал руками: «Арестовать, арестовать!» — и своей грубостью заставил меня обратить его внимание на необходимость быть вежливей и приличней даже с арестованными. Это не помешало Пальчинскому три часа спустя, когда

я был принужден арестовать его, почему-то неизменно называть меня «товарищем Чудновским».

Под стражей в одном из коридоров дворца я был сейчас же окружен толпой юнкеров, которые явно выражали свое недоверие к сведениям Пальчинского, спрашивались о действительном положении вещей, выражали свое нежелание оставаться в качестве пушечного мяса в Зимнем дворце и уходили совещаться со своими товарищами. Увлекаемый толпой юнкеров я подошел к залу заседания Временного правительства, от которого введенная в негодную сделку и обманутая молодежь хотела потребовать отчета. Шествие было остановлено тем же Пальчинским. Ненадежный ораниенбаумский караул был заменен другим, а с бунтующими Пальчинский вступил в переговоры. Юнкера потребовали немедленного моего освобождения, ибо, по их словам, моим задержанием наносился ущерб их честному слову. Они потребовали, во-вторых, чтобы их немедленно выпустили из дворца, так как они не желают участвовать в безнадежной игре, в кровопролитии.

Пальчинский долго пытался образумить мятежных защитников «законного порядка вещей». Но стук прикладов о паркет был внушителен, и лица юнкеров не предвещали ничего доброго. «Хорошо, я освобожу его», — говорил Пальчинский. Но юнкера не сдавались: «Он должен уйти во главе нашей школы». Пальчинский подошел ко мне и сказал: «Вы свободны и можете идти». Но я не мог доверять ему и ответил: «В вашу честь я не верю. Вы арестовали меня, несмотря на честное слово, данное мне юнкером и офицером. Теперь вы прикажете всадить мне пулю в спину из-за угла. Без конвоя юнкеров я не уйду». Прапорщик Миллер, офицер ударного батальона, со смертными нашивками на рукавах, внушивший мне доверие своим открытым взглядом, предложил мне вывести меня на улицу. У меня не было времени ждать, пока соберутся юнкера-ораниенбаумцы. Я попрощался с ними и дал им и юнкерам других школ, бывшим тут же, слово, что все те из осажденных, которые уйдут из дворца до занятия его нами, получают немедленный свободный пропуск и конвой для отправки на станцию и домой.

Я был выведен прапорщиком Миллером из дворца через баррикаду, с которой солдаты неизвестной мне ча-

сти вели энергичную перестрелку с нашими солдатами и матросами и красногвардейцами, занимавшими прилегающие площади и улицы. Я перешел площадь и очутился в среде друзей. Час спустя Зимний дворец покинули юнкера школы Северного фронта, браниенбаумцы, михайловцы, ученики инженерного училища и казаки, как кажется, 14-го полка, всего всех вместе около тысячи человек».

Весь вечер к нам в штаб округа, а затем в Петропавловскую крепость, куда перебралась тройка, поступали записки от Владимира Ильича, требовавшего скорейшего взятия Зимнего. Создалось действительно нетерпимое положение. II Всероссийский съезд Советов, который должен решать вопрос о власти, собрался, а Зимний по-прежнему не взят. Ленинский план — поставить съезд перед фактом уже совершившегося переворота — оставался незавершенным.

Еще утром матросы, солдаты, красногвардейцы, все жители Петрограда узнали из газет, что Временное правительство низложено, а оно и сейчас — спустя полсутки — продолжает заседать. Задержка со взятием Зимнего волновала до чрезвычайности весь Смольный.

Солдаты, матросы, не видя дальнейшего движения восстания, нервничали, с этим тоже нельзя было не считаться. Да и наконец, хотя наше положение было исключительно прочным, всегда можно было ожидать удара в спину со стороны той или иной вызванной с фронта части.

Записки Ленина, которые он посылал то мне, то Антонову-Овсеенко, то Чудновскому, указывали на это, они становились все более жесткими, Ленин грозил предать нас партийному суду, расстрелять. От плана бескровного переворота, казавшегося таким реальным и заманчивым, приходилось отказаться: Зимний не желал сдаваться, его нужно было брать штурмом.

Я решил встретиться с Антоновым-Овсеенко, условиться о штурме Зимнего и после отдачи соответствующего приказа вместе с ним отправиться непосредственно в цепи. В штабе действовавших отрядов, где я ожидал его встретить, Антонова-Овсеенко не оказалось. Комната была битком набита людьми. Рядом с солдатами в поношенных шинелях, широкоплечими крепышами в матросских бушлатах и красногвардейцами в штатских

пальто, перехваченных военными ремнями, стояли озлобленные, с перекошенными лицами генералы, высшие чиновники министерств, титулованная знать, разряженные дамы света, снятые с автомобилей и собственных выездов. В воздухе плавали сизые облака табачного дыма. Аромат гаванских сигар тонул в едком запахе самосада.

Здесь мне сказали, что Антонов-Овсеенко уже на позиции.

Было около 8 часов вечера, когда мы с членом Бюро Военной организации Еремеевым отправились по всей передовой линии готовить цепи к атаке. Нам удалось проехать по левому флангу вплоть до Балтийского экипажа. Вошли в казармы экипажа, чтобы получить последние сведения с Петропавловской крепости и «Авроры». Комендант крепости Благоднаров сообщил нам: «Антонов-Овсеенко находится в Зимнем дворце, все условия, предложенные им, приняты, наши войска подошли к воротам Зимнего, перестрелка прекращена».

Как раз в этот момент в казарму экипажа привели начальника штаба Петроградского военного округа князя Багратуни и еще какого-то генерала. Их сняли с кареты вместе с помощником военного министра князем Тумановым. Багратуни пытался не называться, кто он, но Еремеев узнал его. Матросы хотели было их тут же расстрелять, но мы приказали доставить их в Петропавловскую крепость, а сами направились по набережной к Дворцовому мосту. На всем пути нас останавливали наши дозоры. На углу Зимнего дворца мы спросили у дозорных, возможно ли проехать по площади к воротам дворца. Одни уверенно отвечали, что можно — сейчас уже на площади наши войска, юнкера сдались и вышли со двора Зимнего, только что сдался женский батальон и георгиевцы, все они обезоружены несколько минут назад и отправлены в Петропавловскую крепость. Другие говорили, что хотя действительно площадь в наших руках и враг сдался, но неизвестно, можно ли проехать по площади, как бы не было, пожалуй, обстрела.

Потом оказалось, что сведения о прекращении Зимним сопротивления не верны. Они возникли благодаря таким обстоятельствам.

Еще в сумерки агитаторы Военной организации, потайными ходами проникшие в подвалы Зимнего, развер-

нули там работу, убеждая защитников Временного правительства сдаться. Изрядно разложенные этой агитацией казаки, солдаты ударных батальонов — георгиевского и женского, а также часть юнкеров стали колебаться. Вяло слушали они речи министра торговли и промышленности Пальчинского — руководителя обороны Зимнего.

Собравшись отдельно, казаки помитинговали, помитинговали и, приняв решение оставаться «нейтральными», ушли из Зимнего. Батарея Константиновского военного училища воспользовалась полученным из училища приказом об оставлении Зимнего дворца, вышла из повиновения начальника обороны Зимнего, снялась с позиции и ушла. (Приказ о вывозе в училище батареи был дан начальником училища под нашим давлением и в силу учета им безнадёжности положения защитников Зимнего.) К этому-то времени в Зимнем дворце и появился Чудновский. Он обратился к юнкерам и ударникам с призывом сдать оружие. Среди георгиевцев произошло замешательство. Часть георгиевцев заколебалась, сложила оружие и попыталась выйти из Зимнего. Их стали увещевать офицеры, удерживать юнкера. Пример георгиевцев разлагающе подействовал на женский батальон. Офицеры и юнкера почувствовали опасность в дальнейшем задерживании ударников; их выпустили из дворца.

Женскому батальону офицеры сказали, что в случае сдачи им грозит насилие и расстрел от большевиков.

Несколько минут «ударницы» колебались, наконец, женский батальон тоже принял решение сдаться.

Их уже не стали удерживать и пропустили из дворца...

Появление на площади сдавшихся на момент привело наши цепи в замешательство. «Сдались!» — услышали они от появившихся. Громкое «ура!» радостно прокатилось через площадь. Сдавшихся увели.

Эти-то крики, как и зрелище уводимых в Петропавловскую крепость ударников, и ввели в заблуждение солдат да и командование не столь близко к Зимнему расположенных частей, заставив их подумать, что все уже кончено. Между тем во дворце оставалась главная сила Временного правительства — юнкера, в чем нам очень скоро и пришлось убедиться.

Мы уже направились на Зимнюю площадь, когда услышали окрик нашей заставы по углу Зимнего сада от Александровского сада: «Поворачивайте назад сейчас же, иначе вас обстреляют». Мы повернули к Дворцовому мосту. По левую сторону от нас горел костер. Усевшись вокруг него на корточках, грелись иззябшие солдаты. А в нескольких десятках саженей с правой стороны стояла... застава юнкеров, и от нее тянулись по набережной цепи с пулеметами. Ничего не понимаю! Если наши требования приняты, то почему же вокруг Зимнего дворца оборона юнкеров?

Решили с Еремеевым поехать в Петропавловскую крепость выяснить положение. После переезда через мост, мы были остановлены василеостровскими красногвардейцами и солдатами Финляндского полка. Когда мы сказали, кто мы, они сердито выругались: «Черт бы вас забрал! Ездите на автомобилях, а мы тут замерзаем, стоя без дела! Вместо катаний лучше дайте нам приказ расстрелять эту сволочь, которая там прогуливается по набережной».

Мы им ответили, что стрелять теперь не придется, незачем, враг побежден, через несколько часов все будет кончено. Временное правительство сдалось, вся власть в руках Петроградского Совета. Солдаты облегченно вздохнули и сказали: «Ну, слава богу».

Перед самой Петропавловской крепостью мы встретили направляемые в крепость обезоруженный женский батальон и батальон георгиевцев. Вошли в крепость. Вот и комендант ее — Благонравов. Но у него нам не удалось получить никаких точных сведений о том, что делалось во дворце и около дворца. Захватив с собой Благонравова, мы решили отправиться к Зимнему с Миллионной площади, с тем чтобы на месте выяснить положение и оттуда же вести оперативное руководство штурмом Зимнего.

В полной уверенности, что мы свободно пройдем в Зимний дворец, утвердившись в этом также со слов павловцев, стоявших заставами по всей Миллионной улице, мы без всякой предосторожности полным ходом направили автомобиль на площадь Зимнего дворца. Едва мы въехали на мост Зимней канавки, как по нашей машине был открыт с баррикад ураганный пулеметный огонь. Пули затрещали по домам и по мосту.

Еремеев сразу соскочил с автомобиля и, пригибаясь, бросился на панель. Шофер не растерялся, дал сразу быстрый задний ход и под градом пуль помчался назад. Я, как и Благодравов, опустился на дно автомобиля, но, видя, что шофер только склонил голову и изредка поглядывал назад, чтобы держать правильное направление машины, мы тоже приподнялись — неудобно как-то!.. Через несколько мгновений, выйдя за изгиб Миллионной, мы были уже вне сферы огня. Пулемет еще долго трещал, пули решетили стены казарм Преображенского полка и соседних домов.

Около Павловских казарм к автомобилю подбежал Еремеев.

Со стороны Зимнего слышался треск пулеметов. Вероятно, это юнкера обстреливали наседающие на них наши части. Я приказал Благодравову ехать в Петропавловскую крепость и открыть по Зимнему орудийный огонь, дав предварительно, как было условлено, три холостых выстрела — сигнал начала штурма, а сам с Еремеевым направился к цепям Зимнего.

Дорогой меня остановила группа меньшевиков — членов Думы. Они жаловались на то, что их не пропускают к генеральному штабу, откуда они хотели позвонить в Зимний дворец и упросить правительство «предотвратить кровавые события».

Я им сказал, что предотвращать события поздно — они уже развернулись полным ходом, так что звонить не к чему, да и невозможно: телефоны Зимнего выключены. Пробраться через площадь тоже не удастся: перестреляют, уже ночь, темно. «Идите-ка лучше домой», — посоветовал я им. Представители «демократии» смотрели мне вслед растерянно и раздраженно.

В морозном воздухе завыл снаряд. Первый, второй, третий... Выстрелы из орудий Петропавловской крепости наполнили ночь гулом. Это были три холостых выстрела — наши части двинулись вперед, открыли ураганный пулеметный и винтовочный огонь. Баррикады встретили их решительным отпором. Стрельба из винтовок и пулеметов с той и другой стороны смешалась в одной общей трескотне. Пули шлепали на противоположном от Штаба углу Невского. Звенели стекла, летела штукатурка. На углу Дворцового сада длинной линией сверкали ружейные огоньки и густой лентой — пулеметные.

Я взял взвод павловцев. Мы стали продвигаться — на этот раз уже с предосторожностями — по панелям к дворцу. Как только мы подошли к Эрмитажу, снова коротко затрещал пулемет и раздались отдельные ружейные выстрелы. Но потом они смолкли, как будто их кто-то оборвал. Когда затихли пулеметы и ружья, мы, ничем не обнаруживая себя, продолжали продвигаться к Зимнему дворцу. Фонари нигде не горели, и под покровом ночи мы, растянувшись в цепь, достигли первого подъезда Зимнего дворца, который расположен к Эрмитажу. Отсюда видны были баррикады. Потом еще затрещало несколько выстрелов, трудно было определить, с чьей стороны. Вдруг над головами у нас поплыл тупой гул, за ним второй... Мы с Еремеевым переглянулись: это Аврора из шестидюймовок посылала свои тяжелые снаряды. Очевидно, эти снаряды внесли большое смятение в ряды защитников Зимнего. Стрельба прекратилась, замолчали пулеметы и винтовки, умолкли пушки. Наступила какая-то совершенно неправдоподобная тишина. И вдруг, разрывая ее в клочья, по площади понеслось из края в край громовое победное «ура!».

Воспользовавшись замешательством противника, матросы, красногвардейцы и солдаты ринулись вперед.

Это был героический момент революции, грозный, кровавый, но прекрасный и незабываемый. Во тьме ночи, озаряемые мечущимися молниями выстрелов, со всех прилегающих улиц и из-за ближайших углов, как грозные тени, неслись цепи красногвардейцев, матросов, солдат, спотыкаясь, падая и снова поднимаясь, но ни на секунду не прерывая своего стремительного, подобного урагану потока.

Лязг оружия, визг и треск тархтящего по мостовой максима, стук железных подков на тысячах тяжелых солдатских сапог, скрипы броневиков — все смешалось на Дворцовой площади в какую-то неопишемую какофонию.

Когда смолкли дикие завывания и грохот орудий в воздухе, заглушая сухую непрерывную дробь снова заговоривших пулеметов и винтовок, разлилось стремительное «ура!» вперемежку с другими, не поддающимися ни передаче, ни восприятию звуками, понеслось дальше... Одно мгновение... — и победный крик уже по ту сторону баррикад!

Председатель Петроградской комиссии
по борьбе с контрреволюцией М. С. Урицкий
с Наркомвоенном Н. И. Подвойским.

В это время внимание мое привлекли несколько юнкеров, почти бегом направлявшихся в нашу сторону. Слабое освещение в окнах ближнего крыла дворца дало все же мне возможность рассмотреть их лица. Это были — так зафиксировалось в моем представлении — почти пьяные от крови, совершенно не отдававшие отчета в своих действиях люди. У них, вероятно, было состояние, как у человека, которого бесконечными ударами вот-вот лишат жизни: он уже не чувствует боли, в нем все убито, и он шатается от одного удара к другому. Они тоже шатались, почти в истерике кричали: «Сдаемся, идите, берите оружие, мы его там сложили, ну, идите скорее, все кончено». Часть солдат уже поднималась к баррикадам, и вся масса устремилась за ними. Едва мы перелезли через баррикаду, как натолкнулись на пулеметное гнездо. Вытирая рукавом лоб, за пулеметом стоял юнкер. Запомнилось его лицо: оно было закопчено порохом, почти окурено сажей, вероятно, он беспрерывно палил из пулемета. В полурасстегнутой шинели, без шапки, он уже не был похож на тех чистеньких, стройных, подтянутых юнкеров, каких мы привыкли видеть. Один из солдат, почти не останавливаясь, поднял его на штык и побежал дальше. Мы перелезли через следующую баррикаду. Здесь оружие свалено было в кучи, пулеметы поставлены один на другой, а юнкера с остервенением выбрасывали из карманов пачки патронов, лица их дышали злобой, ненавистью, горестью.

А людской поток продолжал заливать крыльцо, входы, лестницы дворца. По сторонам громоздились разваленные баррикады и стояли толпы людей без шапок, без ремней с бледными лицами, трясущимися челюстями, с поднятыми кверху, как призыв к пощаде, руками.

Матросы, красногвардейцы, солдаты под пулеметную перекрещивающуюся трескотню волна за волной перехлестывали через баррикады. Вот они смяли первую линию защитников Зимнего и ворвались в ворота. Двор занят. Летят на лестницы. На ступенях схватываются с юнкерами. Опрокидывают их. Бросаются на второй этаж, ломая сопротивление защитников правительства. Рассыпаются. Как ураган, несутся на третий этаж, везде по дороге сметая юнкеров. На узкой извилистой боковой лестнице трудно атаковать. Юнкера отражают первый наш натиск. Но вот и эти защитники Зимнего бросают ору-

жие... Солдаты, красногвардейцы, матросы широкой лавиной устремляются дальше и рассыпаются по всем комнатам дворца.

Заметив чернеющие во дворе пушки, я спустился вниз. Пушки были брошены. Прислуги около них не было. Валялись снаряды. Я направился к подвалам и, оставив несколько товарищей у входов, поспешил во дворец. Нас было несколько человек, мы поднялись с боковой лестницы на второй этаж. Везде группы солдат обшаривали комнаты, подозревая, что враги попрятались в потайных местах. Появились и темные личности, которых Зимний дворец интересовал по-своему. Тут же энергичная группа моряков организует охрану дворца. Мы разыскиваем членов правительства. Вскоре мы подбежали к одной из комнат — это был Малахитовый зал, у двери которой на посту продолжал стоять бледный, как полотно, юнкер.

— Здесь правительство,— сказал он, нерешительно преграждая путь.

— А здесь революция,— ответил один из сопровождавших меня матросов. Мы открыли дверь и увидели растерянные фигуры членов Временного правительства. Их было пятнадцать человек. Перед ними с револьвером в руке стоял Антонов-Овсеенко. Он уже объявил членов правительства арестованными. Их вывели на площадь к солдатам. Толпа загудела. Казалось, сейчас набросятся на них и разорвут.

— Смерть! Смерть им! Расстрелять! — неслось со всех сторон. Но тут чей-то голос перекрыл эти крики:

— Товарищи! Враг в наших руках! Революция больше не хочет крови!

Удалось удержать солдат от самосуда. Они успокоились, когда мы объявили, что им самим будет поручено отвести арестованных в Петропавловскую крепость. Все же кое-кому из коалиционных министров было отвешено солдатами по нескольку подзатыльников. Вокруг членов правительства был образован конвой, а войска, построившись по полкам, оставив караулы и дозоры, отправились в казармы. На площади осталось большое количество легковых и грузовых автомобилей.

Все министры — члены Временного правительства, за исключением удравшего Керенского и Прокоповича, арестованного еще до взятия дворца, были доставлены в Петропавловскую крепость вполне благополучно и без

эксцессов, если не считать трагикомического случая с Терещенко. Когда его вели под конвоем по Дворцовому мосту, показался броневик, непрерывно стрелявший из пулемета. При виде его конвойные повалили бывшего министра на мостовую и сами спрятались за него, полагая, что он, как человек очень толстый, защитит их от пули. Эпизод этот, крайне возмущивший бывшего министра, окончился, однако, для него без всякого вреда.

В Зимнем дворце все было кончено. Я взглянул на часы: четверть третьего.

Распорядившись усилить караулы в генеральном штабе, штабе округа, министерстве иностранных дел, на почтамте и на телефонной станции, я отправился в Смольный с докладом к Ленину. И тут только я заметил, что у меня две винтовки: одна на плече, с которой я все время объезжал передовые линии, а в руке — другая, отнятая у юнкера...

По дороге в Смольный, обдумывая, как буду докладывать Владимиру Ильичу об огромном количестве невероятно важных событий дня, я предвкушал, с каким восторгом будет слушать меня Ленин.

Но когда я почти вбежал в комнату, где находился Владимир Ильич, то застал его чрезвычайно сосредоточенным. Он сидел за столом, на котором лежали листки бумаги, и писал. Ленин был настолько углублен в работу, что не заметил моего появления. Он готовил декрет о земле. Выслушав мой рассказ, который я закончил словами: «Теперь, Владимир Ильич, все уже кончено», Ленин продолжал работать. Осторожно обняв Владимира Ильича и крепко пожав ему руку, я тихо вышел из комнаты. И тут только подумал, какой односторонней была фраза «Все кончено». Работа Ленина над декретом говорила о том, что для пролетариата и крестьянства, для партии большевиков только начинается невиданная в мире созидательная работа.

В то время как в Зимнем дворце закончилось владычество буржуазии, низвергнутой вооруженным народом, в Смольном Ленин открывал первую страницу нарождающегося нового мира.

РЕВОЛЮЦИЯ ЗАЩИЩАЕТСЯ

«Ночь. Тихо. Зыбкий морской ветер, временами прорывающий тишину, забирается под куртку, прохватывает до костей, леденит кровь.

На всем протяжении позиций, занятых красногвардейским отрядом рабочих телефонно-телеграфного завода Лоренца — от гренадерских казарм до Петропавловской крепости, — всюду горят маленькие костры. Красногвардейцы греют над огнем оковевшие руки и ведут оживленный обмен воспоминаниями о событиях последних дней. Оживают десятки и сотни ярких, сверкающих подробностей того, как был взят Зимний. День этот навсегда теперь отложится в их памяти глубоким рубцом.

Город спит, но разговор ведется шепотом: есть в этой тишине что-то пастораживающее.

И верно.

Около двух часов ночи ко дворцу Кшесинской, который после большевиков занял Союз инвалидов с двумя батальонами «смертников» Керенского, бесшумно подошел автомобиль. Какие-то люди понесли во дворец тюки. «Смертникам» тюки — подозрительно. Решено было не выпускать машину из виду. Ждать пришлось недолго. От дворца автомобиль тронулся по направлению к Дворянской улице. Заметив красногвардейскую цепь, он попытался стремительным рывком пролететь мимо нее.

Не удалось. Автомобиль остановлен и направлен к нам. Вторая попытка прорваться и с Невы проскочить на Троицкий мост заканчивается так же безуспешно: под окрики «стой» и лязг затворов машина останавливается.

Вместе с товарищем Сапушонок подхожу к автомобилю и требую документы. Шофер предъявляет пропуск. Что-то неладное... Люди, сидящие в машине, имеют дело с «ударниками», а пропуск — Смольного. Стоим перед дилеммой — отпустить или не отпустить. Но оснований для задержания нет.

Возвращаю шоферу пропуск, а он пристально смотрит мне в глаза, словно старается их просверлить. Меня опять начинает мучить недоверие. Снова проверяю пропуск и снова убеждаюсь — все в порядке. Смольный, как есть настоящий Смольный.

А шофер смотрит, смотрит на меня не отрываясь, и в глазах его я ясно вижу мучительную тревогу. Посоветовавшись с подошедшими товарищами, решаемся посмотреть в закрытую карету автомобиля. Открываем дверцу. Там двое. Один в форме «смертника» с «черепом» на рукаве, вооружен наганом. Другой — штатский, в маленькой круглой шляпе «тирольке». Обыскиваем внутри машину — ничего нет. Задаю вопрос:

— Кто такие?

— Эмиссар нового Временного правительства,— получаю ответ.

— Фамилия?

— Не ваше дело,— раздается из кареты.— Если сейчас же не отпустите нас, то завтра будете расстреляны.

Этот грозный эмиссарский окрик решил сразу все: наши люди с красногвардейцами так не разговаривают. Посоветовавшись с товарищами, я объявляю обоих арестованными и передаю их товарищам Петрову и Васильеву. Те ведут арестованных в Петропавловскую крепость к коменданту.

Едва их отвели шагов за сорок, как шофер схватил мою руку, сильно сжал и стал крепко трясти. Взволнованным голосом он рассказал, что арестованные мною люди остановили его машину на Семеновском мосту и так же, как мы, потребовали пропуск. Увидев подпись Смольного, они приставили ему к виску наган, сели в машину и заставили его ездить по их указанию, предупредив, что при малейшемслушании он получит пулю в затылок. Машина успела побывать в кадетском морском училище, Павловском и Владимирском военных училищах и, наконец, у «смертников»... Так вот что это за «эмиссар»!

Напряженно вслушиваюсь в ночную тишину. Никогда еще, наверное, за все время своего существования Петроград не спал таким спокойным, безмятежным сном, как в эту ночь. Или это затишье перед бурей?

Что-то будет...

И не успел я так подумать, как в разных местах, словно по сигналу, ударили в колокола. И тотчас же где-то за Невой раздалась пулеметная и винтовочная трескотня. С молниеносной быстротой передалось по цепи известие о выступлении Павловского училища. Рабочие пикеты на Зелениной и Спасской улицах уничтожены...

Вернулся Сапушонок. От него мы узнали, что арестованный нами тип — Гоц, известный лидер эсеров. Он пытался, изорвав, бросить в Кронверку боевые приказы о выступлении Константиновского артиллерийского училища.

Подошел наш броневик. Обступаем его с расспросами.

— Контрреволюционное восстание. Белогвардейцы захватили броневые машины,— говорят солдаты броневика и, усаживаясь удобнее, уходят на разведку. Минут через сорок возвращаются:

— За нами погоня.

И действительно. В тишине ночи слышится сопение броневиков. На середине Троицкого моста вырисовываются контуры четырех бронемашин. Натолкнувшись на тесно сомкнутые ряды красногвардейцев Петроградской стороны, броневики, тяжело засопев, повернули обратно.

На небе вырисовывались серые силуэты зданий. Наступал день. День ожесточенной борьбы с контрреволюцией, разбитой, но, как оказалось, не раздавленной».

Так вспоминает первые минуты юнкерского восстания 29 октября один из руководителей красногвардейского отряда завода Лоренца — И. Клочков.

...Ночь с 28 на 29 октября я провел в штабе округа. Рано утром — было еще темно — в штаб привели задержанного юнкера. У него был обнаружен приказ о том, чтобы все юнкерские училища находились в боевой готовности и в точности выполнили ту задачу, которая будет на них возложена. Юнкер показал, что он шел на совещание в Инженерное училище, на котором должны были

присутствовать Полковников, Пуришкевич, Филоненко, Савинков и другие заговорщики против Советской власти. Совещание это было решающим, вслед за ним предполагалось начать восстание.

Подтверждения этих слов не пришлось долго ждать. В момент, когда производился допрос задержанного, слышалась сухая дробь пулеметов и беспорядочная винтовочная стрельба.

Стали поступать донесения.

Юнкера с офицерами и группой солдат напали на Михайловский манеж, обезоружили стражу и захватили несколько броневиков...

Почтамт и телеграф заняты мятежниками...

Юнкера захватили телефонную станцию...

Захвачен банк...

Определились и очаги восстания. Инженерный замок, дворец Кшесинской, дом на углу Большой Спасской, на Петроградской стороне, где засели белогвардейские офицеры и юнкера, Павловское, Николаевское и Владимирское военные училища, Константиновское артиллерийское училище. Немало...

Заговорщики воспользовались выводом большей части Красной гвардии и полков из Петрограда против Керенского, организовавшего вместе с генералом Красновым на следующий день после победы революции наступление контрреволюционных частей на Петроград, и, очевидно, действовали по общему с ним плану, приняв на себя нанесение нам удара в спину.

Организирующим центром контрреволюции с первых же часов падения Временного правительства стала Петроградская городская дума. Опираясь на кооперативы, земство, левую профессию, либеральничающее чиновничество и на собственное соглашательское крыло, Петроградская городская дума в ночь с 25 на 26 октября создала новый центр: Всероссийский комитет спасения родины и революции.

26 октября в те часы, когда II съезд Советов принимал декреты об образовании первой в мире трудовой республики и заявлял о желании этой республики жить со всеми народами в мире, когда он передавал землю в руки тех, кто ее обрабатывает,— в эти часы Всероссийский комитет спасения родины и революции выпустил следующее воззвание:

«Граждане Российской Республики!

25 октября большевиками Петрограда, вопреки воле революционного народа, преступно арестована часть Временного правительства, разогнан Временный Совет Российской Республики и объявлена незаконная власть.

Мятеж большевиков наносит смертельный удар делу обороны и отодвигает всем желанный мир...

Сохраняя преемственность единственной государственной власти, Всероссийский Комитет Спасения Родины и Революции возымает на себя инициативу воссоздания Временного правительства, которое, опираясь на силы демократии, доведет ее до Учредительного Собрания и спасет ее от контрреволюции и анархии.

Всероссийский Комитет Спасения Родины и Революции призывает Вас граждане:

Не признавайте власти насильников.

Не исполняйте их распоряжений.

Встаньте на защиту Родины и Революции.

Поддерживайте Всероссийский Комитет Спасения Родины и Революции.

Всероссийский Комитет Спасения Родины и Революции в составе представителей Петроградской Городской Думы, Временного Совета Российской Республики, Центр. Исп. Ком. Всер. Сов. Крестьянских Депутатов, Ц.И.К. Всер. Сов. Раб. и Солд. Депутатов, фронтовых групп, представителей 2-го Всер. съезда Сов. Раб. и Солд. Депутатов, фракций с.-р., с.-д. (меньшевиков), народ. социалистов, группы «Единство» и др.»

А на другой день его обращения к солдатам и рабочим принимают еще более решительный тон.

Как раз в то самое время, когда Керенский концентрировал в окрестностях Гатчины вызванные им с фронта казачьи части и тяжелую артиллерию, готовя удар революционному Петрограду, Комитет спасения родины и революции выпускает следующие воззвания:

К СОЛДАТАМ:

«Товарищи солдаты! Не подчиняйтесь Военно-Революционному Комитету и его самозванным комиссарам, призывающим вас своей кровью и кровью ваших братьев расплачиваться за преступные затеи кучки безумцев. Откажитесь им в поддержке, объявите о своей верности общему союзу всех демократических организаций — ВСЕ-

РОССИЙСКОМУ КОМИТЕТУ СПАСЕНИЯ РОДИНЫ И РЕВОЛЮЦИИ.

Долой братоубийственную войну. Долой виновников раздора».

К РАБОЧИМ ПЕТЕРБУРГА:

«Товарищи! Большевики призывают вас к выступлениям. Они не спрашивали вас, когда произвели захват власти. Теперь, когда они видят, что их дело проиграно, они в отчаянии хватаются за последнее средство и зовут вас на помощь... Не дайте им возможности прятаться за вашими спинами и смыть свою вину в вашей крови.

Никаких выступлений!»

Ночью 27 октября Ленин по прямому проводу вел переговоры с Гельсингфорсом, требуя поддержки, имея в виду поступающие сведения о том, что Керенский с войсками двигается на Петроград.

В результате этих переговоров на следующий день 5000 моряков с полным снаряжением и продовольствием были отправлены в Питер по железной дороге, и, кроме того, из Гельсингфорса вышли в помощь Петрограду линейный корабль «Олег» и эскадренный миноносец «Победитель».

28 октября на участке Красное Село — Гатчина имел место бой наших частей с войсками Керенского, однако сведения о том, что из себя представляют эти войска, мы получили лишь на завтра — 29 октября, почти в тот же час, как стало известно об юнкерско-офицерском восстании. В Смольном было получено сообщение, что к Гатчине подошел 3-й казачий корпус во главе с генералом Красновым, тот самый корпус, который был предназначен для расправы с рабочими и солдатами Питера еще тогда, когда готовился вывод революционных войск из города и сдача его немцам.

Приблизившись к Гатчине, Краснов издал и распространил в Петрограде приказ к Петроградскому гарнизону — сдать, поднять мятеж и задушить революцию.

Положение создалось критическое. Единственными воинскими частями, которые могли противостоять широко задуманному юнкерско-офицерскому восстанию, были полки: Измайловский, Егерский, Литовский и Волынский. Но эти полки уже получили боевую задачу и должны были в ту же ночь двинуться на позиции против Керенского. Оставление их в Петрограде для усмирения

восстания означало бы почти наверняка потерю наших передовых позиций против Краснова. Военно-революционный комитет постановил назначить главнокомандующим Петрограда товарища Антонова-Овсеенко, предоставив ему всю полноту власти в подавлении войск Керенского — Краснова. Антонов-Овсеенко тут же послал на встречу этим войскам товарища Чудновского с передовым отрядом.

При обсуждении общего плана операции как в городе, так и вне его у нас возникли серьезные расхождения. Крыленко резко и решительно высказывался за то, чтобы в силу сложившихся обстоятельств ни одного солдата не выводить из Питера, являющегося для нас более важным, чем подступы к Петрограду. Я стоял за то, чтобы все войска были отправлены на позиции, а юнкерское восстание, если мы немедленно приступим к ликвидации его, будет раздавлено гарнизоном Петропавловской крепости, броневиками и призванными под ружье, но еще не вооруженными красногвардейцами.

Со мною в конце концов согласились.

Все заводы были тотчас же извещены о событиях дня: о восстании юнкеров и о наступлении казачьего корпуса Краснова. Рабочие со всех районов устремились к Смольному для формирования новых отрядов в помощь Красной гвардии и революционным войсковым частям. Рабочими, вставшими на защиту Советской власти, вскоре был заполнен весь двор Смольного и площадь около него. К Смольному не успевали подвозить оружие и снаряжение. Остро не хватало командиров. Их красногвардейцы выбирали тут же из своей среды.

Сразу же после совещания я приказал комиссару Петропавловской крепости Благодравову взять с собой команду пулеметчиков, броневики и под прикрытием пехоты немедленно броситься на Инженерный замок, захватить там заговорщиков и затем овладеть броневиками, взятыми восставшими в Михайловском манеже.

Благодравов сломил сопротивление юнкеров Инженерного училища, овладел замком, но большинство заговорщиков успело разбежаться. Остальные юнкера были обезоружены, наиболее активные из них арестованы. Назначен комиссар училища и комиссар замка.

К 7 часам утра 29 октября Благодравову удалось захватить Михайловский манеж в свои руки, установить

там надлежащую охрану и отбить два броневика. За остальными броневиками была послана погоня. Вслед за этим, разбивши свой отряд на две группы, Благонравов одной группой захватил дворец Кшесинской, где находился Союз инвалидов, а другой — дом на Петроградской стороне, на углу Большой Спасской, где засели офицеры-белогвардейцы.

Труднее было взять Павловское и Владимирское училища, которым согласно приказу Полковникова, надлежало сыграть наиболее активную роль. Положение осажденных было значительно более выгодным, чем осаждающих. Толстые стены училища делали их неуязвимыми для пуль и представляли собой вполне надежное прикрытие для юнкеров. Подошедшие наши части были встречены павловцами сильнейшим ружейным и пулеметным огнем. Училище превратилось в крепость. Из каждого окна и с крыш велся ураганный огонь. Владимирское училище оказывало активную поддержку павловцам. Обе стороны несли огромные потери, особенно велики они были с нашей стороны. У юнкеров Павловского училища было много пулеметов. Забаррикадивавши входы в училище и забравшись с пулеметами на верхние этажи, на чердаки, юнкера в упор расстреливали красногвардейцев и матросов, несколько раз бросавшихся штурмовать училище.

Когда Ленину доложили об этом, он потребовал немедленно прекратить атаки и сказал: «Нельзя допускать таких больших жертв. Надо беречь наших людей. Распорядитесь пустить в дело артиллерию. Она их быстро выкурит оттуда».

Был дан приказ доставить артиллерию, а противнику сделано предупреждение. Однако юнкера не сдавались. Тогда Благонравов открыл оружейный огонь из подвезенных пушек. Юнкера продолжали сопротивляться. Училище почти в упор расстреливалось из орудий. Когда потери со стороны юнкеров стали значительно превосходить наши и бесполезность защиты стала очевидна, юнкера сдались. Управлял ими командный состав училища с начальником Павловского училища во главе. Сдавшихся юнкеров обезоружили, поставили свои караулы, назначили комиссаром училища товарища Никонова.

Тогда же, утром 29 октября, были составлены два летучих отряда из матросов, обязанностью которых было

отбить телефонную станцию, телеграф, почтамт и отобрать у юнкеров захваченный ими наш броневик. Кексгольмскому полку было приказано во что бы то ни стало выбить восставших из захваченного ими банка, который они заняли большим отрядом, поддерживаемым двумя броневиками.

Овладев Владимирским и Павловским училищами, отправив наиболее активных юнкеров и офицеров в Петропавловскую крепость, Благонравов направился далее к Константиновскому артиллерийскому училищу, находящемуся на Забалканском проспекте, оттуда — к Николаевскому кавалерийскому, у Варшавского вокзала. Везде, применяя орудийный обстрел или угрожая им, он заставил училище за училищем сдаться, захватив и обезоружив юнкеров. Во всех училищах сразу же были смещены и арестованы начальствующие лица и взамен их поставлены наши комиссары. Солдатские команды училищ везде были на нашей стороне и взрывали контрреволюционное восстание изнутри.

К часу, к двум от широко разлившегося восстания остались только отдельные островки. Но не был взят еще почтамт, телеграф, телефон и банк.

Благонравову приказано было подкрепить группы матросов и кексгольмцев, посланных на эти операции, и очистить весь Спасский район, который, начиная от Покровской площади до Гостиного, держался группами бежавших юнкеров и офицеров, явно поддерживаемых контрреволюционными черными бандами торговцев, особенно Апраксина и Сенного рынков. В этих местах наши автомобили останавливались, отбирались, проезжающие обезоруживались и арестовывались.

В лапы одной из этих банд попал таким образом и наш командующий Петроградским округом Антонов-Овсеенко и сопровождавшие его лица. Один из бежавших спутников Антонова-Овсеенко донес об этом нам. Мы немедленно же отправили из Смольного отряд, которому поручили во что бы то ни стало выручить Антонова-Овсеенко. Отряд поручение выполнил.

К этому времени — это было приблизительно в 3 часа — матросы начали проявлять большую активность и напор. На углу Гороховой и Садовой стоял юнкерский захваченный в Михайловском манеже броневик, который поддерживал отряды, захватившие телефонную станцию и

банк, а также группы юнкеров, оперировавших по Садовой. Стратегическое положение этого броневика с довольно активным прикрытием создавало для юнкеров господствующее положение по отношению ко всем указанным пунктам. Матросы решили покончить с этим броневиком. Несколько смельчаков в то время, как остальной отряд вел отвлекающий огонь, подползли к броневнику, овладели им и тут же с его помощью начали рассеивать мятежные банды по всей Садовой, затем направились к телефонной станции, опрокинули охрану станции и овладели еще одним броневиком.

В это время к телеграфу подкатили пушку. Она решила судьбу телеграфа. Кексгольмцы с подоспевшими матросами выбили юнкеров и офицерство из банка.

К вечеру отдельные группы мятежников начали собираться в Думе. Они заполнили все здание Думы. Наши отряды, направленные для разгона их, вначале несколько раз были оттеснены и не могли проникнуть в зал. Понадобилась посылка броневиков и подкреплений, чтобы выбить митингующих из Думы, среди которых были лидеры всех сброшенных партий, до Родзянко и Алексинского включительно.

Заседавшие в это время коммунистическая и лево-эсеровская фракции ВЦИК, встревоженные натиском Керенского, восстанием юнкеров и офицеров и получаемыми известиями о сосредоточении в Думе мятежников, представляли дело в самом критическом виде. Они потребовали, чтобы Военно-революционный комитет информировал о положении.

Комитет послал меня. Я сообщил заседанию приблизительно следующее: сведения о силах Керенского самые разноречивые, движется казачья дивизия, за которой следует так называемая «дикая дивизия», далее корниловские и ударные батальоны. наших войск, защищающих подступы к Петрограду, немного — 4—5 тысяч. Однако им удастся сдерживать натиск. Следовательно, сообщения о силах противника преувеличены. Зная положение в войсках на фронте, я полагаю, что Керенскому удалось бросить на нас один-два казачьих полка — не более — плюс артиллерию и незначительные отряды пехоты юнкеров петроградских и оранненбаумских школ, пехотные группы офицеров.

Что касается положения в Петрограде, то восстание, предпринятое в широком и угрожающем размере, благодаря быстрой принятых мер ликвидировано за несколько часов. Решающую роль в этом сыграла высокая активность, проявленная массами в подавлении мятежников, дерзнувших на третий день после взятия власти рабочими в свои руки выступить против нее. Митингование в Думе и около Думы, носящее подстрекательский характер и, естественно, волнуемое настоящим собранием, через несколько минут будет ликвидировано посланными туда войсками.

Мне был задан ряд вопросов, в частности, известно ли, что делается на фронте и по России; что предпринято Военно-революционным комитетом для удержания власти; обеспечена ли охрана главных кабелей и телеграфа настолько, чтобы мы могли сноситься с центральными городами республики.

Относительно фронта я ответил, что работа военной организации твердо закрепила Северный, Юго-Западный и Румынский фронты за большевиками. На Западном фронте наше влияние слабее, но с уверенностью можно сказать, что армиями Северного фронта будут скованы все воинские части, которые попытаются идти на Петроград. Западные же войска, несомненно, свяжет Москва, где военная организация имеет за собой сильные и верные большевикам полки.

Я указал, что из целого ряда мест уже получены известия о восстаниях и захвате власти большевиками. В 12-й и 5-й армиях нами уже смещены комиссары Временного правительства. На Румынский и Юго-Западный фронты посланы наши эмиссары. Из Гельсингфорса, Выборга, Иваново-Вознесенска, Самары, Саратова получены сведения о переходе власти в руки большевиков.

Сообщение по телеграфу с главнейшими городами республики мы удерживаем в своих руках. Украина, Кавказ, Сибирь и Крайний Север отрезаны от нас в телеграфном отношении. С Москвой телеграфная и телефонная связь установлена.

Заслушав это сообщение, фракции продолжали свою работу.

Ночь на 30 октября прошла в ликвидации отдельных разрозненных вспышек мятежа то в том, то в другом конце города.

Смольный в это время кипел, как пять дней назад. Рабочие вооружались и шли на защиту Петрограда от наступавших войск корпуса Краснова. При этом они вновь продемонстрировали чрезвычайное напряжение сил и свою организованность. Смольный буквально был превращен в лагерь, где наспех формировались части из рабочих, присланных районами, тут же они кое-как штабом Красной гвардии обмундировывались, правильное сказать, облачались в шинели, снабжались патронташами, сумками, патронами и винтовками. Многие из рабочих впервые становились в строй и брали оружие. Но республика в опасности, социалистическая власть под ударом, и добровольно пришедшие рабочие, присланные фабрично-заводскими комитетами, знали только одно: нужно идти за Петроград, чтобы не дать контрреволюции захватить город и уничтожить Советскую власть. Сами рабочие выбирали себе командиров. Тут же составлялся и маленький штаб отряда: заведующий хозяйственной частью, заведующий вооружением, заведующий связью и комендант.

Вот застучали по грязным улицам сапоги коммунаров, за ними потянулся грузовик с продовольствием, патронами, снабжением и снаряжением. Это отошел очередной батальон Красной гвардии. Его сменял другой, третий. Четвертый ожидал очереди, нервничал и горячился.

С фронта мы получали скудные вести. Было известно, что головной отряд товарища Чудновского не смог поддержать продвижения противника и очутился в тяжелом положении. Сам Чудновский ранен, отряду, не связанному с другими действовавшими частями, грозит истребление. Командования общего нет. Красносельский, Царскосельский гарнизоны, красногвардейские отряды — все действуют порознь, каждый проводит свою операцию... Товарищ Антонов-Овсеенко отправился сам на фронт. Возвратился удрученный беспорядками и неразберихой на фронте. Утомленный, подавленный Антонов-Овсеенко еле отдавал себе отчет в происходящем и как-то тускло реагировал на чрезвычайно критическое положение. Недели бессонных ночей атрофировали его энергию и волю.

Мы принялись обсуждать создавшуюся обстановку. При нашей разобщенности и ненадежности командования врагу, казалось, ничего не стоило самыми не-

значительными силами раздавить нас и среди паники, которая была бы принесена отступавшими отрядами, в Петрограде произвести контрреволюционный переворот.

Положение крайне тяжелое.

Несмотря на революционный энтузиазм масс и их готовность к самопожертвованию, в силу плохого нашего руководства продвижение Керенского почти не встречало организованного сопротивления. Тон его прокламаций и «приказов» становился все более самоуверенным.

Когда появились еще самые первые известия о движении на Гатчину войск Военно-революционного комитета — кронштадтцев, семеновцев и других, он послал им навстречу приказ следующего содержания:

«Объявляю, что я, Министр-Председатель Временного правительства и Верховный Главнокомандующий всеми вооруженными силами Российской республики, прибыл сегодня во главе войск фронта, преданных родине.

Приказываю всем частям Петроградского Военного Округа, по неразумию и заблуждению примкнувшим к шайке изменников родины и революции, вернуться, не медля ни часу, к исполнению своего долга.

Приказ этот прочесть во всех ротах, командах и эскадронах.

Министр-Председатель Временного правительства и Верховный Главнокомандующий А. Керенский, Гатчина, 27 октября 1917 г.»

В этот же день «верховный главноуправляющий» издает второй приказ, в котором уже слышится предвкушение близкой победы.

В приказе говорится:

«Город Гатчина взят войсками, верными правительству, и занят без кровопролития.

Роты кронштадтцев, семеновцев и измайловцев и моряки сдали беспрекословно оружие и присоединились к войскам правительства.

Предписываю всем назначенным в путь эшелонам быстро продвигаться вперед».

Закачивается приказ фразой, в которой желаемое выдается за сущее:

«От Военно-Революционного Комитета войска получили приказание отступить.

Керенский».

Воззвание Комитета спасения родины и революции, ограничивавшееся раньше призывом к саботажу, теперь уже требует крови.

«Солдаты, верные революции! Наступил час исполнить свой долг... Все, кому дорог революционный порядок... должны сплотиться около Комитета Спасения... С оружием в руках боритесь с безумной авантюрой большевистского Военно-Революционного Комитета.

Мы зовем все войска, верные революции, идти к Инженерному Николаевскому училищу и там сгрудиться около Комитета Спасения. Идите туда полками, батальонами, ротами, идите туда группами и в одиночку.

Помощь близка. К Петрограду подступают верные революции войска, руководимые своими выборными полковыми и дивизионными комитетами. Вместе с ними вождь партии социалистов-революционеров и всего русского крестьянства товарищ Чернов.

Все за спасение Родины и революции!

Время не терпит!»

Главная трудность заключалась в том, что упоенные только что добытой победой солдаты не хотели видеть надвигавшейся опасности. Полки, совершившие в союзе с питерскими рабочими и под их руководством социалистическую революцию, считали свое дело законченным, а себя героями. Защиту Петрограда от врагов, находящихся в нем самом, они готовы были признать своим кровным делом. А против войск Керенского, которые еще где-то в Гатчине, пускай воюют местные гарнизоны — им ближе...

Приказ — в солдатском понимании этого слова — давно перестал действовать, и это было тем положительным, что помогло нам в свое время вырвать армию из подчинения контрреволюционному офицерству. Но сейчас это уже превратилось в свою противоположность: солдаты привыкли сами решать, что им следует, а что не следует делать.

Мой приказ по войскам Петроградского гарнизона — выступить против Керенского был выполнен только частью полков, большинство же отказалось пойти на фронт под предлогом необходимости защиты Петрограда.

Крыленко пошел в казармы. Вернувшись, он сообщил, что был в нескольких полках и всюду его увещевания, уговоры встретили отпор.

Чтобы сломить это настроение, я направился в тот полк, который первым поднялся против царизма,— Во-лынский полк. Собрал солдат, потребовал выступления. Полк в лице солдатского комитета бесцеремонно ответил, что не исполнит приказа. То же произошло и в ряде других полков.

Я почувствовал, как начал трещать вследствие этого отказа фронт нашей обороны.

Быстро сажусь в автомобиль и лечу в Смольный, чтобы посоветоваться с Владимиром Ильичем.

Впопыхах рассказываю ему о постигшей неудаче. Сказал, что раз Волынский и другие испытанные полки категорически отказались уходить из Питера, мы не сможем вывести ни одной воинской части.

Ленин спокойно ответил:

— Надо их вывести. Сейчас же. Во что бы то ни стало.

— Крыленко выводил — не вывел,— ответил я,— меня тоже не послушали.— И добавил: мы ничего не сможем сделать с полками.

Ленин страшно рассвирепел, лицо его сделалось неузнаваемым, он вонзился в меня своими острыми глазами и сказал, не повышая голоса, но так, что мне показалось, будто он кричит:

— Вы ответите перед ЦК, если полки не будут сейчас же выведены. Слышите, сейчас же!

Я пулей вылетел из комнаты и через несколько минут был снова в казармах Волынского полка. Собрав солдат, я сказал им очень немного...

Но, должно быть, на моем лице солдаты прочли что-то необычайное. Молча, но поспешно стали они собираться в поход.

За ними пошли другие...

Вечером зарядил дождь. Он лил как из ведра всю ночь. В 2 часа ночи к нам в штаб округа, где шло совещание работников Военной организации, неожиданно приехал Владимир Ильич. На Ленине — насквозь промокшее пальто, с кепки ручейками течет вода.

Первые же вопросы, которые он задал, показали, что Владимир Ильич с исключительным вниманием следит за наступлением Керенского и самым реальным образом учитывает критическую обстановку на позициях. Обратившись к Антонову-Овсеенко, к Механошину и ко мне,

он потребовал, чтобы мы сделали подробный доклад о положении на фронте.

На мой вопрос, что означает этот внезапный приезд, разве Совнарком не доверяет только что избранному на съезде военному руководству, Ленин просто, но твердо ответил:

— Дело не в недоверии, а просто правительство рабочих и крестьян желает знать, как действуют его военные власти, как они организуют оборону Питера.

В тоне Владимира Ильича, как и несколько часов назад, когда речь шла о выводе полков на фронт, я почувствовал всю силу диктатуры пролетариата.

До сих пор мои отношения с Владимиром Ильичем были самые теплые. Но в эту минуту и именно в той интонации, с какой это было сказано, я увидел всю глубину ответственности за судьбы страны и революции, которую возложил народ на Владимира Ильича, как на руководителя рабоче-крестьянского государства, глубину ответственности, которая лежит на каждом из нас, членов партии.

Ленин подсел к разложенной на столе оперативной карте, Антонов-Овсеенко стал излагать общий план операций, указывая по карте расположение наших сил и почти неизвестное ему расположение и количество сил противника.

Слабая осведомленность о положении дела, как и состояние самого Антонова-Овсеенко были слишком очевидны, но Ленин сделал вид, что не замечает этого, и впился в карту. После доклада, который он выслушал с огромным вниманием, ни разу не перебив докладчика, Ленин с остротой самого глубокого стратега и полководца стал задавать вопросы: почему этот пункт не охраняется, учтено ли стратегическое значение такой-то станции, чем вызван тот шаг, а не иной, почему не обеспечена поддержка Кронштадта, Выборга, Гельсингфорса, не разработана такая-то позиция, не закрыт такой-то проход. Антонов-Овсеенко из-за усталости давал совершенно неудовлетворительные ответы на острые вопросы Ленина. Создавалось впечатление, что мы не отдаем себе отчета в тягчайшем нашем военном положении, что мы не в состоянии взвесить всего, что надо, короче говоря, что нам нельзя доверять операции против Керенского.

А Ленин продолжал задавать вопросы, и каждый из

них по существу содержал в себе уже ответ гениального полководца — что нам надо делать.

— Как защищена железнодорожная линия Гатчина — Лиссино — Тосно? — Какие силы там имеются, надежны ли они? — спросил он, и не только в самом вопросе, но и в том тоне, каким он был задан, чувствовалась огромная забота о том, чтобы усилить эту линию и тем самым предупредить возможность занятия врагом Николаевской железной дороги (Петроград — Москва), вследствие чего Москва была бы лишена помощи Петрограда.

Его вопрос — где действуют красногвардейские отряды завода Лесснера, Путиловского, Балтийского, трубочного и других крупных заводов, показал, какое огромное значение придает Ленин тому, чтобы вооруженные силы рабочих были поставлены на решающие участки.

— Почему не вызвана кавалерия из-под Новгорода и не направлена в район Чудово — Волхов для защиты важнейшей железной дороги?

— Обеспечены ли солдаты и красногвардейцы всем необходимым? Как вы мыслите это сделать?

— Какая задача будет поручена гарнизону Луги?

— Предусмотрен и обеспечен ли взрыв железнодорожных мостов и путей, чтобы воспрепятствовать врагу продвигаться вперед?

— Как с артиллерией?

Вопросы Ленина с такой ясностью раскрывали существо его стратегического и тактического плана, а план этот так явно был рассчитан на решительный и быстрый разгром банд Краснова — Керенского, что хотелось одного: быстрее закончить это совещание и немедленно же приступить к осуществлению ленинских идей. Но вот беда: нет командующего фронтом. На Антонова-Овсеенко рассчитывать нельзя: его надо просто уложить спать.

Я не считал удобным в такой острой форме ставить перед Лениным вопрос о командующем — это выглядело бы как признание одного Антонова-Овсеенко ответственным за наши неудачи, между тем как мне было совершенно ясно, что в этих неудачах повинны все мы — военные работники, в том числе и я сам.

Мы действительно допустили целый ряд оплошностей, не проявили той чрезвычайной активности, которой требовали обстоятельства, не использовали всех сил и средств для обороны Петрограда. Мы шли за массами,

по ничего не сделали, чтобы быть военными вождями, полководцами масс.

Оставалось два выхода: или сказать Ленину, что мы никуда не годны, не можем нести ответственность за операции, или кому-либо другому взять на себя командование.

Я попросил перерыв на несколько минут, позвал в другую комнату членов Военной организации, присутствовавших здесь в штабе на прерванном Лениным совещании. Товарищам я сказал, что мы сделали большую ошибку, назначив командующим Петроградским округом Антонова-Овсеенко, который уже несколько недель не спал и дошел до крайней степени усталости, не позволяющей ему развить необходимого напряжения.

Я спросил — кто из товарищей считает возможным принять на себя командование фронтом. Товарищи молчали.

Тут я предложил свою кандидатуру и сказал, что перед лицом величайшей опасности считаю своим партийным долгом взять на себя эту тяжелую ответственность, игнорируя при этом все условности и «неловкость», с которой связано такое самовыдвижение. Военная организация партии, председателем которой я являюсь, привыкла ко мне, мы сработались, и я уверен, она поможет мне гораздо активнее, чем другому, кого она менее знает.

Крыленко, Механошин, Невский и другие товарищи горячо поддержали меня. Я спросил Антонова-Овсеенко его мнение, он был против моей кандидатуры, заявив, что у меня дело пойдет не лучше, чем у него. Но остальные товарищи с ним не согласились.

После этого я вернулся к Ленину, и сказал ему, что берусь устранить тяжелое положение на фронте.

Ленин, ни слова не возражая, от имени правительства приказал мне взять командование фронтом в качестве главнокомандующего Петроградским военным округом. Я сообщил, что завтра доложу о всех мероприятиях, проведенных мною ночью, а сейчас прошу разрешения приступить к работе.

Ленин ушел. Должно быть, еще до прихода к нам у него было отчетливое представление о той неразберихе, которая у нас имелась. На совещании полковых представителей Петроградского гарнизона Владимир Ильич остро говорил о недостатках нашего командования:

«Этого отрицать нечего. Из-за этого мы кое-что потеряли. Но эти недостатки можно устранить. Не теряя ни одного часа, ни одной минуты, нужно организовать самим, организовать штаб, это необходимо сделать сегодня же...

Задача политики и военная задача: организация штаба, сосредоточение материальных сил, обеспечение солдат всем необходимым; это надо делать, не теряя ни одного часа, ни одной минуты...»¹

Уходя, Ленин поставил перед командованием ряд задач: связать все гарнизоны, все войсковые части, могущие быть двинутыми против врага, с тыловыми частями; окружить, подавить и уничтожить противника с помощью гарнизонов, находящихся у него в тылу; отрезать для контрреволюции всякую возможность продвижения и помощи ее головному отряду.

Владимир Ильич потребовал мобилизовать преданных железнодорожников, саперов; приказал рвать все железнодорожные пути и мосты, препятствуя врагу двигаться вперед; терроризовать его со стороны тыла, поставить агитацию для разложения колеблющихся казачьих масс; дал указание, чтобы солдаты вместе с казаками уничтожали в бою казачьих офицеров и генералов.

— Необходимо,— продолжал Ленин,— пробиться в тыл красновцам самым смелым, решительным и мужественным молодым рабочим и матросам с тем, чтобы они взяли в свои руки инициативу организации там всех солдатских масс. Надо найти слабо защищенные места противника и через эти места просачивать в тыл врага возможно большие силы; выбрать решающее направление, сосредоточить на нем решающие силы; мобилизовать всех членов военных организаций, способных в какой-нибудь мере занять командные должности, чтобы ни один отряд, ни одна группа вооруженных рабочих не осталась без командования. Так как враг продвигается вперед, необходимо мобилизовать всех рабочих, чтобы окружить Петроград несколькими линиями окопов.

Мы с новой энергией взялись за работу. Прежде всего я перевел штаб командования в Смольный — туда тянулись все нити — и приступил к перегруппировке на-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 236.

ших сил по плану, который созрел у меня на основании вопросов и замечаний Владимира Ильича.

Назначил товарища Еремеева начальником штаба. Работникам Военной организации приказано было сразу же отправиться по частям и подготовить к завтрашнему выходу на позиции еще не вышедшие части, призвать под ружье рабочих всех заводов, остановив, если иначе нельзя, некоторые из них. В первую очередь призвать Путиловский завод и крупные заводы Выборгского, Василеостровского и Московского районов.

В это время мне передали записку от Антонова-Овсеенко, в которой он писал, что будет всемерно помогать мне. Я предложил ему, отославшись, сразу же отправиться на фронт, наладить там общее командование и связь между частями, их базами и центром, наладить снабжение и правильное огневое питание.

Были вызваны представители наших районных партийных организаций, районных Советов и фабрично-заводских комитетов и дано им указание тех рабочих, которые неспособны носить оружие, послать для рытья окопов, конфисковав для этого лопаты. Была очерчена линия окопов и вызваны инженеры из 6-го саперного запасного батальона и с заводов.

Остро чувствовалась нужда в высококвалифицированном военном специалисте, с кем можно было бы проконсультироваться. Его не было. Самым подходящим в этом отношении мог быть командир Преображенского полка, но, израбленный, он не мог принять участия в работе. Приходилось как в разработке оперативного плана, так и в первых шагах по осуществлению его рассчитывать на не проверенных еще нами в деле лиц. Так, разработку оперативного плана решили поручить командиру батальона Измайловского полка. Изучив план, командиры полков и других частей тут же стали формироваться в бригадные объединения. Были назначены начальники бригад.

Рано утром 30-го в Смольный явился Дыбенко. Он получил приказание занять определенный участок и стать во главе командования левой группы войск. Не теряя времени, Дыбенко сразу же выступил с отрядом матросов на позицию.

Вскоре из Гельсингфорса прибыли вызванные Лениным военные моряки. Они заняли отведенные им

позиции на побережье. Линейный корабль «Олег» и миноносец «Победитель», выполняя задание Ленина, стали на охрану подступов к Николаевской железной дороге.

В этот же день тысячи петроградских рабочих вышли рыть окопы, а шесть приведенных в порядок полков отправились на позиции.

Приход этих полков на фронт, появление артиллерии, организованной только что приехавшим товарищем Склянским, цементирующая роль в укреплении фронта прибывших из Гельсингфорса матросов, непосредственное руководство операциями на позициях Антоновым-Овсеенко — все это сразу же и круто изменило наше положение на фронте. Обозначился перелом. Решающую роль в нем сыграла помощь, оказанная Владимиром Ильичем.

В 12 часов дня Ленин вновь пришел в штаб — штаб находился уже в Смольном — и потребовал, чтобы ему поставили в моем кабинете стол, заявив, что он хочет быть в курсе всех распоряжений и сообщений.

Скоро он прикомандировал ко мне на помощь управляющего делами Совнаркома Вл. Бонч-Бруевича, который со своей стороны привлек к работе своего секретаря и жену В. М. Величкину. Ленин через каждые 5—10 минут присылал кого-нибудь мне в помощь: то по снабжению, то по мобилизации рабочих, то по подрывному делу. Приходили летчики, агитаторы, артиллеристы... Постепенно увлекаясь, Владимир Ильич, как бы сам того не замечая, давал, выходя из моего кабинета, непосредственные распоряжения то одному, то другому товарищу. Работа закипела, завертелись все колеса обороны Петрограда, но Ленина это не удовлетворяло. Ему казалось, что все идет медленно, недостаточно решительно, без должной энергии, и он принялся сам параллельно в своем кабинете вызывать представителей то одной, то другой организации, то одного, то другого завода, информировался о числе способных стать под ружье рабочих, о технических средствах, о том, что можно вообще получить от них для фронта, чем этот завод может быть полезен для обороны. Тут появились распоряжения путиловцам, чтобы бронировали паровозы, площадки, ставили на них имеющиеся на Путиловском заводе пушки, везли бы их на позиции. Нарвскому району

предлагалось реквизировать у извозчиков лошадей для переброски на фронт имевшихся на заводе сорока готовых пушек, реквизировать сбрую.

Пришли за чем-то представители Балтфлота. Владимир Ильич обязал их проверить боевую готовность экипажей к выходу в любую минуту в море и доложить во столько-то часов и минут.

Явилось командование автороты. Ленин договорился о том, чтобы рота не только отправила на фронт все свои грузовики, но и поручила солдатам-шоферам мобилизовать во всем Петрограде такое количество автомашин, чтобы они обеспечили подвоз боеприпасов.

— Выдайте им мандаты с чрезвычайными полномочиями,— говорит он.

Авторотцы торопливо распрощались. Они спешили выполнять указания Ленина.

Ленин стал рассылать комиссаров по различным заводам, организациям, чтобы взять все, что нужно для обороны.

Я несколько раз в течение трех-пяти часов «сцеплялся» с Лениным, протестуя против его «захватнической» работы по обороне. Протесты мои принимались, но через несколько минут как бы забывались и игнорировались. В сущности создались два штаба: в кабинете Ленина и в моем. В кабинете Ленина вроде бы походный штаб, так как он имел стол в моем кабинете, но чем больше и чаще Ленин посещал свой кабинет, куда непрерывно вызывались по его приказаниям различные работники, тем все отчетливее случайные одиночные распоряжения превращались в непрерывную цепь, в стройную систему, пронизанную каким-то незримым, но ясно ощутимым общим планом.

Правда, эти распоряжения не касались непосредственно ни операций, ни воинских частей, а в существе своем являлись только мобилизацией всех и вся для обороны. Но этот кажущийся параллелизм нервировал меня настолько, что я резко и совершенно несправедливо потребовал, чтобы он освободил меня от работы по командованию.

Ленин вскипел, как никогда.

— Я вас предам партийному суду, мы вас расстреляем! Приказываю продолжать работу и не мешать мне работать.

Пришлось примириться...

Только на следующий день я оценил все значение огромной работы Ленина, особенно после того, как проанализировал созванное им совещание из представителей рабочих организаций, районных Советов, фабрично-заводских комитетов, профессиональных союзов и воинских частей. На этом совещании Владимир Ильич приказал быть и мне.

— Петроградские рабочие,— сказал здесь Ленин,— сами поднимаются и идут на Пулковские высоты без командиров, без обозов, без продовольствия и снабжения, часто без теплой одежды. Наш долг — срочно организовать этим героям помощь.

И Ленин, обращаясь по очереди то к одним, то к другим руководителям партийных ячеек и фабрично-заводских комитетов Путиловского, Орудийного, Обуховского, Трубочного и других заводов, призывал их пустить в ход все имеющиеся на заводах ресурсы для разгрома поднявшей голову контрреволюции. Тут же он дает пример инициативного подхода к решению этой задачи.

— Путиловцы производят пушки, но их не на чем вывезти — нет лошадей. А между тем выход может быть найден: мимо Путиловского завода проходит железнодорожная ветка, орудия можно поставить на платформы и отправить на позицию.

— Нам не хватает артиллеристов. А разве на Орудийном, на Обуховском, да и на других заводах мы не найдем нужных нам наводчиков, фейерверкеров? Найдём!

— Следует взять за шиворот тех юнкеров, которые боролись против Советской власти и под контролем заставить их вести бой против казачьих офицеров.

— Большевики Балтийского и Невского судостроительных заводов и военного порта должны обеспечить, чтобы военные суда, находящиеся в ремонте, были срочно приведены в порядок.

Анализируя затем это совещание, я еще и еще раз познал особую силу Ленина — в чем она заключается. В чрезвычайный момент он доводил концентрацию наших сил и средств до крайних пределов. Мы разбрасывались, собирали и бросали силы непланомерно, в результате чего получалась расплывчатость действий и как след-

ствии — расплывчатость в настроении масс и отсутствие из-за этого активности, инициативы и решимости. Массы не чувствовали железной воли и железного плана, где все, как в машине, было бы стройно, пригнано и скреплено. Ленин же гвоздем вколачивал в каждую голову одну мысль — о необходимости все сосредоточить для обороны. Из этой мысли он далее разворачивал уже понятный всем план, в котором, как в цельном механизме, невольно каждый находил место для себя, для своего завода, для своей части.

Каждый тут же, на совещании, мог конкретно представить себе план дальнейшей работы и тут же чувствовал связь своей работы по обороне Петрограда с работой всего коллектива республики. Благодаря этому он проникался той ответственностью, которая с этого момента на него возлагается диктатурой пролетариата.

Привлечь массы и закрепить в них сознание того, что не вожди будут делать их дело, а что они сами, собственными руками должны пробивать себе дорогу к устройству своей жизни и к обороне своего государства, — к этому постоянно стремился Ленин, в этом сказывался он, как истинный народный вождь, умеющий поставить массу перед жизненно необходимым для нее шагом и заставляющий саму массу сделать этот шаг не бессознательно идя за вождем, а глубоко сознательно.

После совещания Ленин отдельно поговорил с опоздавшими представителями рабочих.

В этот день особенно ярко проявилась и та тактика Ленина, которая сводилась к тому, чтобы выделить организатора, возложить на него персональную ответственность и, не ограничиваясь ее провозглашением, дать понять, что ответственность эта фактически должна осуществиться, — тактика, которую до самой последней минуты Ленин усиленно культивировал как по отношению к народным комиссарам, им руководимым, так и по отношению ко всем партийным и советским работникам.

С этой целью Ленин старался показать каждому участнику совещания, с которым беседовал, что он фиксирует его имя и будет следить за тем, как тот исполнит возложенную на него задачу. Он записывал фамилии

этих товарищей, записывал, что они должны сделать в количественном и качественном отношении к такому-то часу и числу.

Для нас все то, что делал Ленин в эти дни, было первой государственной школой работы — гигантской по масштабу и гениальной по уровню.

Оценивая на следующий день всю эту работу Ленина, я понял, что нельзя оставаться работником, фиксирующим все свое внимание на оторванном эпизоде, надо стать работником, который видел бы связь своей работы со всеми действующими силами революции и со всею разворачивающейся цепью ее.

Сразу же после этого совещания рабочие отряды, автомобили, повозки, пушки, импровизированная кавалерия и эскадроны 9-го кавалерийского полка — все это непрерывной лентой потянулось днем и ночью за Московскую заставу и по Московскому шоссе.

Автомобили с курьерами и ординарцами беспрерывно мчались то на позиции, то с позиций. Развернулась настоящая, охватившая огромные массы рабоче-крестьянская война против мятежников.

Весь Петроград стал на ноги. При таких условиях он не мог не победить. Энтузиазм, с которым рабочие шли на позиции, жажда борьбы, готовность отдать за счастье республики свою жизнь, делало героями тех, кто впервые взял оружие в руки. Этот энтузиазм спаял фронт в одно целое.

С этого дня на фронте начались самоотверженные для многих отрядов обходные движения. Героические красные батальоны, не имея опытных командиров, нередко отрывались от своих баз, их преследовал голод и холод и грозило самое страшное: попасть в окружение врага. Бойцы были сплошь и рядом в легких порванных сапогах, в рабочих куртках. Они должны были носить на себе огромные запасы патронов, так как обозы еще не были налажены. Вся местность, на которой происходили бои, представляла собой болотистую равнину с некоторыми возвышениями. Ежедневные дожди обратили каждую низину в труднопроходимые места. Приходилось совершать переходы, передвигаясь целый день по колону в воде. Отряд матросов, преследовавший бронированный поезд Керенского, почти целую ночь простоял в ледяной воде, подстерегая этот поезд.

Враг нес все более осязаемые потери. Мы наносили удар за ударом.

Наши войска пришли бы к решительной развязке еще до 1 ноября, но у нас было ничтожно мало кавалерии, ее не хватало даже для несения разведывательной службы, в то время как у врага главным образом была кавалерия. Она давала ему возможность быстро перебрасывать в различные угрожаемые ему пункты помощь и, при неналаженности нашей разведки, создавать у нас ложное представление о больших силах противника. Но, как и прежде (да и потом — в гражданской войне), важную роль в разгроме Краснова сыграли наши агитаторы. Пробираясь в ряды противника, они раскрывали казакам истинные цели, которые преследуют обе стороны в начавшейся войне. И у казаков пропадало желание класть свои головы за чуждые им интересы. После пятидневных боев, измотанные нашими нарастающими ударами, казаки сдались. Керенский бежал. Арестовав Краснова, казаки выслали делегацию к Гатчинскому Совету (который до этого был Красновым арестован) с предложением принять их капитуляцию при условии, если казаки будут пропущены на Дон.

Я предложил Гатчинскому Совету направить делегацию к нам в Смольный. В это время Дыбенко по своей инициативе направил парламентариев к Краснову с требованием сдаться. Краснов выговорил у Дыбенко право свободного проезда ему и казакам с оружием на Дон. Между ними было заключено соглашение об этом, состоявшее из 8 пунктов.

Своим шагом Дыбенко связал руки правительства. Мы находили невозможным отпускать казаков с оружием на Дон, у нас не было основания верить, что они исполнят свое обещание не бороться с Советской властью. Я настаивал на предании Дыбенко суду, на непризнании заключенного им с Красновым соглашения.

Ленин разделял мою точку зрения. Другие товарищи, считавшие, что они хорошо информированы о настроении казаков, требовали утверждения этого соглашения, говоря, что казаки ни за что не допустят своего разоружения и будут биться до последнего человека, но не захотят явиться «обесчещенными» на Дон, так как их без оружия там не примут. Они доказывали, что Советской власти выгодно сейчас же принять капитуляцию Крас-

пова и тем самым ликвидировать выступление Керенского, так как всякая затяжка в ликвидации мятежа будет создавать в массах представление о том, что у Керенского больше сил, средств и возможностей к сопротивлению, чем есть на самом деле, и что, наоборот, ликвидация мятежа очень поднимет престиж Советской власти. Разгром Керенского под Петроградом лишит его силы поднять в других местах мятеж против Советской власти. Положение на фронте и настроение в войсках действующей армии точно так же будет определяться ликвидацией керенщины.

Доводы эти были подкреплены впечатлением от заявлений 17 казаков, делегированных непосредственно от казачьих масс, участвовавших в мятеже. Казаки говорили, что они боролись не против рабочего правительства, не против нового режима, но против большевиков, о которых им внушали, что они при помощи немцев, немецкого золота и немецких военнопленных захватили власть с целью предать и продать Россию Германии. Но по мере того, как они узнавали о том, что произошло в Петрограде, и начали понимать сущность Октябрьской революции, совещание казаков различных частей потребовало посылки делегации к новому правительству. До этого же они считали своей обязанностью поддерживать Керенского. Делегация защищала Краснова -- ловкого демагога, постоянно заигрывавшего с казаками. Делегаты утверждали, что Краснов точно так же только исполнял свой долг и считал для себя невозможным слушаться приказа Керенского, изданного последним в Гатчине, тогда, когда революция в Петрограде для позиционных войск не была еще известна. Казаки соглашались на арест и выдачу других офицеров, но Краснова просили отпустить с ними.

Вопрос этот был поставлен на происходившем в это время заседании Петроградского Совета. Совет постановил казаков во главе с Красновым отпустить на Дон вместе с оружием. Им был выдан Военно-революционным комитетом пропуск на Дон, причем от Краснова и от казаков было взято обещание под честное слово, что они не будут бороться против Советской власти.

Характерно, что расположенные в Петрограде 1-й и 4-й Донские казачьи полки, к которым Краснов в первые дни борьбы посылал делегации с просьбой о поддержке

его, сначала заколебались, а потом решили стать на нашу сторону. Вступление в наши ряды казаков произвело на мятежников сильнейшее моральное действие и весьма способствовало их деморализации. Это оказало влияние и на исход борьбы.

Петроградские казаки, выделившие из своей среды казачий комитет, высказались также за то, чтобы отпустить казаков вместе с Красновым с оружием в руках.

После отправки казаков на Дон (часть их осталась в Петрограде, не пожелав возвращаться) местными Советами — Гатчинским, Петергофским, Красносельским и Царскосельским — были быстро ликвидированы юнкерские и офицерские группы, участвовавшие в мятеже.

После ликвидации похода Керенского на Петроград мы почти каждый день получали сообщения, что сторонники Керенского то в одном, то в другом месте поднимают мятеж, причем кое-где им удавалось даже реставрировать свою власть. Но это уже была агония умирающего. Революция торжествовала победу. Советская власть, по образному выражению Ленина, совершала триумфальное шествие по России...

* *
*

После того, как был совершен Октябрьский переворот, подавлен юнкерский мятеж и разгромлен Краснов, оставалось для закрепления совершенной революции решить еще одну, не менее важную задачу: перетянуть действующую армию на сторону восставшего Питера. Для этого необходимо было прежде всего установить связь с фронтами помимо Ставки, находившейся в руках реакционного генералитета. Задача эта была решена не столько проводами и бумагой, сколько живыми людьми, через посредство бесчисленных армейских делегаций, которые, минуя официальную Ставку, волной нахлынули после переворота в Петроград.

Каждая дивизия, если не каждый полк, наводнили в эти дни Петроград делегатами. В течение первых месяцев Советской власти среднее количество делегатов в Народном комиссариате по военным и морским делам колебалось до 200 человек в день. Не меньше их было

у многих других наркомов и в Военно-революционном комитете, еще более — у Ленина. День и ночь делегации осаждали Центральный и Петроградский комитеты партии, Военную организацию большевиков, новый Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Петроградский Совет. Военные комиссары Керенского, в том числе небезызвестный Войтинский, Станкевич и председатель общеармейского комитета Ставки Перекрестов, употребляли все усилия, чтобы представить питерский переворот в глазах армии как противозаконную узурпацию власти со стороны кучки заговорщиков. Они вызвали войска с Юго-Западного фронта для контрреволюционной осады Петрограда, они рассылали через аппараты Ставки свои бюллетени и информационные листки.

Но армия им не верила, не хотела верить. Декрет о мире был в мыслях у каждого, и с опубликованием его каждый знал, что теперь остается лишь преодолеть дипломатические и технические затруднения для того, чтобы провести переговоры, и считал начало переговоров уже самым миром. Все направляемые на Петроград для удушения революции части и соединения, не желая употреблять в дело оружие, останавливались на полдороге, устраивались более или менее прочно в ближайшем тылу, посылали делегации и... дальше не шли никуда.

В особенности интересна была в этом отношении экспедиция 1-й Финляндской стрелковой дивизии, двинутой в помощь Керенскому чуть ли не с Румынского фронта. Дойдя до Могилева и его окрестностей, она больше никуда не пожелала идти. Мы, мол, пришли на отдых — вот и все. (Она продолжала, впрочем, оставаться на месте и тогда, когда Ставка была давно взята и революционному верховному командованию нужно было двинуть ее против новой опасности — со стороны польских легионов, украинских и дутовских войск. Дивизия вообще никуда не желала идти...)

Но не только пехотные, казачьи войска также не желали идти против Петрограда, также останавливались и также посылали делегации. Все эти многочисленные делегации и были использованы молодой Советской властью для установления связей с фронтом.

9 ноября в Петрограде, в одной из комнат Смольного,

было устроено с участием В. И. Ленина заседание делегатов фронта, на котором они получили особые именные мандаты, подписанные новой властью. Этими мандатами делегатам поручалось: 1) проводить на местах образование Военно-революционных армейских комитетов и 2) устранять старую власть.

Вскоре вся армия стала на сторону революции. Ставка больше не была страшна. Оставалось обеспечить новым руководством действующую армию. Первая такая попытка была сделана уже на второй день после переворота. 26 октября был опубликован приказ Всероссийского съезда Советов о создании им командного состава.

В приказе говорилось:

«Всероссийский Съезд Советов предлагает всем армиям создать временные революционные комитеты, на которые возлагается ответственность за сохранение революционного порядка и твердость фронта. Главнокомандующие обязаны подчиниться распоряжениям комитетов. Комиссары Временного правительства сменяются, комиссары Всероссийского Съезда выезжают.

О всех шагах немедленно телеграфировать».

К сожалению, революционные комиссары Военно-революционного комитета ходом самих событий задерживались в Петрограде. Только на Северном фронте действительно оказался новый революционный комиссар фронта товарищ Позерн. Последний был на месте потому, что выехал туда до переворота, причем первоначальная обстановка отнюдь не была такова, чтобы революционный комиссар фронта мог сказать, что вся полнота власти в его руках; там не прекратилась еще деятельность прежнего комиссара Шубина и командующего Северным фронтом генерала Черемисова. Полностью вся власть на фронтах перешла в руки революционной власти гораздо позже.

Но главное было сделано не комиссарами нового правительства, а скорее его эмиссарами, его агентами, его полулазутчиками, полуофициальными представителями в лице разъехавшихся депутатов, выполнивших гигантскую работу повсеместного революционирования старой армии и разрушения прежних форм ее управления. Они разнесли повсюду весть о перевороте, разъяснили его смысл и фактически, развязывая инициативу, не только лишили власти старый командный состав, но и

произвели еще ряд коренных реформ во всем внутреннем строе старой армии и в ее активной военной политике. В мандатах, выданных на руки делегатам, говорилось не только об организации ревкомов, они получили еще две директивы: начинать непосредственно мирные переговоры с неприятелем и проводить выборное начало в армии.

Даже у наиболее стойких товарищей возникли недоумение и опасения, когда был опубликован приказ о самостоятельном ведении мирных переговоров с неприятелем каждым полком, каждой дивизией под свою ответственность. А между тем это был безусловно правильный шаг, рассчитанный не столько на непосредственные практические результаты от переговоров, сколько на установление полного и беспрекословного господства новой власти на фронте.

Это особенно отчетливо сформулировано Лениным в его речи 10 ноября на заседании ВЦИК:

«Мы сместили Духонина,— говорил он,— но мы не формалисты и бюрократы, и мы знаем, что одного смещения мало. Он идет против нас, а мы апеллируем против него к солдатской массе. Мы даем ей право вступить в переговоры о перемирии. Но не заключаем перемирия. Солдаты получили предостережение: стеречь контрреволюционных генералов. Я считаю, что любой полк достаточно организован для того, чтобы поддержать необходимый революционный порядок. Если момент, когда солдаты пойдут на переговоры о перемирии, будет использован для измены, если во время братания будет произведено нападение, то обязанность солдат — расстрелять изменников тут же без формальностей.

Говорить, что мы теперь ослабили наш фронт, на случай, если бы немцы перешли в наступление — чудовищно. Пока Духонин не был изобличен и смещен, у армии не было уверенности в том, что она проводит международную политику мира. Сейчас эта уверенность есть: воевать с Духониным можно только обращаясь к чувству организованности и самодеятельности солдатской массы. Мир не может быть заключен только сверху. Мира нужно добиваться снизу. Мы не верим ни на каплю немецкому генералитету, но мы верим немецкому народу. Без актив-

ного участия солдат мир, заключенный главнокомандующими — непрочен»¹.

С момента предоставления полкам и дивизиям права самостоятельно вести мирные переговоры и расправляться со всяким, кто посмеет воспрепятствовать переговорам, дело революции в армии было выиграно, а дело контрреволюции безнадежно проиграно.

Вторая директива, проведенная прежде всего по Петроградскому военному округу, касалась установления выборного начала и упразднения чинов. В ней предписывалось в соответствии с решениями гарнизонных собраний Петрограда нижеследующее:

О выборности лиц командного состава

1) Во всех строевых частях приступить к выборам лиц командного состава. Выборы произвести в отдельных батальонах и в полках прямым голосованием, подачей записок, большинством голосов.

2) Штат в полках устанавливается следующий: командир полка, один или два (по усмотрению полкового комитета) его помощника, во главе каждого батальона — батальонный командир и, по усмотрению полкового комитета, помощник батальонного, соответственное количество ротных, сотенных, эскадронных командиров, по два полуротных в роте и необходимое число взводных и отделенных. Должности адъютантов и фельдфебелей, вахмистров упраздняются.

3) Неизбранные на командные должности или сверхштатные офицеры и т. д. переходят на положение солдат, оставаясь в тех же частях.

4) Семьи лиц командного состава получают солдатский паек. Максимальное жалованье командиру отдельной части устанавливается в 250 руб. в месяц. Вестовые отменяются.

5) Полковым комитетам предписывается представить в полковой штаб (в Смольный) предположение относительно оплаты лиц командного состава. Окончательное разрешение этого вопроса переносится на общearмейский съезд 5 декабря.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 283—284.

С 3-го декабря текущего года все чины и звания упраздняются, сохраняется звание лишь по занимаемой должности. Наружные знаки отличия (нашивки, погоны, ордена, медали, кресты) упраздняются для всех военнослужащих без исключения.

Этими мероприятиями, как плугом, перепахивались все прежние отношения в армии — солдаты бесповоротно переходили на сторону Советской власти.

Те из них, кто уезжал на побывку в деревню, поворачивали и ее лицом к власти Советов.

Значительной в этом отношении была роль землячеств. В дни Октябрьского переворота Центральное бюро крестьянских землячеств получило письмо от ЦК партии с просьбой разослать возможно большее число «земляков» по деревням для разъяснения смысла Октябрьской революции. Около 10 000 членов землячеств разъехалось по деревням. Большая часть их прошла через Смольный, через ЦК партии, Военную организацию, Военно-революционный комитет. Там их инструктировали. Военно-революционный комитет выдал им мандаты.

Этот массовый разъезд «земляков» успешно завершил работу крестьянских землячеств по завоеванию трудящегося крестьянства на сторону пролетарской власти.

* *
*

26 октября я провел на съезде Советов. В этот день были приняты декреты о мире и о конфискации помещичьих, церковных и удельных земель, о передаче их в пользование крестьян. Заседания съезда не походили на прежние съезды. Речи были краткие, вносились конкретные предложения. Вокруг них разгорались бурные прения между большевиками и меньшинством съезда. Прения были сжаты тоже до предела, так как все фракции на предыдущих совещаниях выковали свои положения до полной ясности. Этой ясностью определялась и конкретность выдвигаемых предложений. Она заставляла и оппонентов избегать расплывчатой фразеологии.

Съезд, открытый 25 октября в 10 часов 45 минут вечера, когда еще не был взят Зимний, работал с гордым

и спокойным сознанием того, что он — полноправный хозяин страны.

За стенами еще грохотали шестидюймовые орудия, стекла дрожали от разрывов тяжелых снарядов, доносилась неумолчная дробь пулеметов, в Малахитовом зале Зимнего дворца члены Временного правительства посиневшими губами твердили еще какие-то заклинания, судорожно хватаясь за соломинку надежды, которую время от времени им протягивал Пальчинский, а в Смольном уже закладывались законодательные основы нового государства — Советской социалистической державы.

Утром 27 октября (съезд уже заканчивал свою работу) Ленин вызвал меня в помещение большевистской фракции съезда и спросил, что я думаю о том, как сконструирован Народный комиссариат по военным и морским делам, справятся ли со своим делом товарищи Антонов-Овсеенко, Дыбенко и Крыленко. Он указал при этом, что кандидатура Дыбенко выставлена потому, что на ней настаивают матросы. Крыленко является популярнейшим нашим офицером на фронте, назначение его в коллегию военного комиссариата привлечет к нам симпатии фронта. Относительно Антонова-Овсеенко Ленин не сказал ничего. Я указал, что кандидатура Крыленко политически является исключительно удачной, то же о Дыбенко, но в деловом отношении, по моему мнению, Крыленко не сможет справиться в такой критический момент с военным делом.

В это время к нам подошли Невский и Розмирович. Приняв участие в нашем разговоре, они указали Ленину, что он сделал большую ошибку, не предложив в Народный комиссариат по военным и морским делам меня, при этом Розмирович стала говорить Ленину о моей работе по закреплению за нами солдатских масс в качестве руководителя Военной организации и председателя Военно-революционного комитета. Она сказала, что муж ее — Крыленко неспособен к планомерной организационной работе, «он разбрасывается и может развалить дело». Невский поддержал ее в части, касавшейся меня. Ленин ответил: мы остановились на самых популярных военных работниках, вы должны были нас скорректировать выставлением желательных кандидатур. Дело все же поправимое. Мы постановим, чтобы в Народный комис-

сариат по военным и морским делам были дополнительно введены товарищ Подвойский и кого найдут необходимым Военно-революционный комитет и Военная организация. Тут я со всей искренностью сказал Ленину, что мне совершенно безразлично в качестве кого работать, что для меня основным является не официальная роль, а фактическая возможность проявлять себя всего в работе, но все же на военной работе, мне думается, я был бы наиболее полезен. Касаясь предложения Ленина, я ответил, что назначение меня вместе с уже назначенной тройкой самым целесообразным образом разрешит вопрос.

Потом заговорили о других назначениях. Ленин предложил нам высказаться о них и внимательно слушал наши соображения. Ему, видимо, было по душе, что мы при этом учитываем не только политические, но и деловые качества обсуждаемых товарищей.

Ленин стал прощаться. Мы проводили его шуткой: «Вот бы вы нас, Владимир Ильич, пригласили в советчики при составлении кабинета». Ленин, лукаво прищурившись, засмеялся. Уходя, он приказал, чтобы я, не ожидая формального назначения, приступил к работе в Военном комиссариате, не покидая председательствования в Военно-революционном комитете.

Сконструировав центральную власть и приняв важнейшие декреты, съезд разъехался, оставив верховным руководящим органом избранный им ВЦИК. Здесь и в Совнаркоме создавались важнейшие учредительные законы республики. Они были просты, коротки. Декреты всемирно-исторического значения, в корне изменяющие социальные отношения в стране, буквально состояли из 10—15 строк. Так ясно, рельефно и просто можно было говорить лишь потому, что законы эти не запутывали народ, не обходили прямой воли рабочего класса и крестьянской бедноты, а выражали вековые чаяния и надежды трудового народа.

Получив приказание начать работу в Народном комиссариате по военным и морским делам, а также выставить туда нужных кандидатов, я в тот же день собрал заседание Военно-революционного комитета для назначения кандидатов. Сюда были приглашены ответственные работники Военной организации. Обсуждая самым всесторонним и тщательным образом кандидатуры, мы скон-

струировали Военный комиссариат в следующем составе: оставили прежних кандидатов и присоединили к ним Механошина, Лазимира, Еремеева, Васильева, Склянского и меня. Все названные товарищи должны были составлять Совет военных комиссаров или Совет Народного комиссариата по военным и морским делам — название не было утрясено. Все товарищи были полноправными членами этого Совета, равно ответственными за ведение дела. Официальное же представительство отдавалось уже назначенной съездом тройке. Девять товарищей, входивших в Совет, распределяют между собой различные обязанности. Являясь автономными каждый в своей отрасли, они руководствуются в работе общими решениями Совета Народного комиссариата по военным и морским делам.

Протокол о сконструировании Совета был передан Ленину. Ленин согласился с разработанной структурой военного наркомата, но с первых же дней работа у нас не пошла. Необходимо было, чтобы во главе Народного комиссариата стояло одно лицо, уполномоченное самим же Советом проводить единоначалие. Совет это понимал, но и боялся этого шага, неуверенный в его преимуществах. Несколько совещаний, посвященных вопросу о деловом распределении ролей, окончились ничем.

Решение пришло само собой. 7 ноября Крыленко получил приказание Совнаркома отправиться на фронт в качестве главнокомандующего и предложил мне принять его обязанности в Народном комиссариате по военным и морским делам. Я согласился. Таким образом, фактическое управление военным министерством перешло в мои руки. Антонов-Овсеенко был всецело поглощен работой в штабе Петроградского округа и оперативной деятельностью. Дыбенко занимался военно-морским флотом. Мне пришлось заняться организационной работой, вникнуть в дела генерального штаба, главного штаба, вывести из состояния паралича аппарат военного министерства.

Для этого прежде всего надо было найти в составе генералитета такого опытного военного специалиста, которого можно было бы привлечь в качестве технического руководителя министерства.

Поиски этого лица начал еще Крыленко. Он повел переговоры с заключенными в Петропавловской кре-

пости бывшими (последовательно) военными министрами Временного правительства Верховским и Маниковским.

И тому и другому Крыленко предлагал выбор: тюрьма или техническое руководство бывшим военным министерством.

Верховский отказался. Он сказал, что не верит в возможность удержания большевиками власти и сохранения ими армии.

Маниковский долго колебался, но потом принял от меня мандат управляющего бывшим военным министерством. Возложив на него организацию управлений, я переключился на дело, приобретающее с каждым днем все более грозное значение: снабжение армии продовольствием.

Народный комиссариат продовольствия начинал только организовываться, а состояние хлебных ресурсов в армейских продовольственных складах требовало немедленного проведения экстренных мер.

С первых же дней Октябрьской революции стало ясно, что буржуазия решила заморить армию и рабочие центры голодом, чтобы таким образом взять рабочий класс измором. Надо было и здесь победить. Задача была нелегкая, требовалось прокормить девятимиллионную армию и не меньшее количество рабочих Петрограда, Москвы, других городов.

Уже 27 октября мы вызвали из Кронштадта 500 моряков, разбили их на 10 отрядов и послали в наиболее благополучные хлебные районы: в Курскую, Саратовскую, Симбирскую, Екатеринославскую, Киевскую, Вятскую губернии, в Мариуполь. Одна группа поехала в Сибирь. Морякам дан был приказ вести агитацию за Советскую власть, информировать народ о происшедшем перевороте, призывать его к поддержке нового режима, созданного в интересах рабоче-крестьянской бедноты. Этот режим крестьяне должны поддержать тем, что у них имеется,— хлебом и всеми видами продовольствия. Только при такой поддержке может укрепиться власть и осуществиться передача земли крестьянам. Агитаторы должны объяснить крестьянам, что судьба революции сейчас находится в их руках. Матросам было указано, что там, где не удастся получить хлеб путем убеждения крестьян, он должен быть реквизирован. Сперва же надо попытаться его получить путем добровольной продажи по

твердым ценам. А если крестьяне не пойдут ни на одно, ни на другое, отбирать хлеб силой оружия.

Матросам выдали реквизиционные книжки за подписью Ленина, и отряды отправились за продовольствием. Параллельно с ними были организованы отряды рабочих с фабрик и заводов. До 3 ноября в составе таких отрядов было отправлено до 3 тысяч матросов и рабочих. Число их к 7 ноября превысило 7000 человек.

Ознакомление с состоянием снабжения армии продовольствием и военными припасами сразу же показало катастрофическую картину. Армия по инерции получала еще некоторое пополнение из своих магазинов, но ресурсы продовольствия истощались, ссыпки по твердым ценам почти прекратились. Фронт требовал ежедневно не менее 400 000 пудов, страна же давала в среднем не более 60 000 — это еще в сентябре и в начале октября. После же Октябрьской революции поступления на фронт выражались в 2—3 десятках тысяч пудов.

Уже в первых числах ноября с фронта пачками стали поступать рапорты, что армия съедает неприкосновенные запасы. Ясно, что в самом недалеком будущем ее ожидал голод. Это порождало угрозу, что голодные солдатские массы десятками тысяч будут бросать фронт, мародерствовать и грабить на своем пути, дезорганизовать транспорт.

Достать армии хлеб — такова была важнейшая задача дня.

Приходилось прибегать к экстренным мерам. 7 или 9 ноября была послана телеграмма на все фронты, во все армии о созыве на 15 ноября армейского продовольственного съезда с двумя представителями от каждого корпуса: один от пехоты и один от кавалерии. Были приняты и другие меры для предотвращения надвигающейся катастрофы. Но все они были рассчитаны на более или менее продолжительный срок. Между тем как хлеб нужен был немедленно.

И нужен был не только фронту. В Петрограде и Москве хлеба оставалось на несколько дней. Сразу же пришлось уменьшить паек. Реквизиция хлебных запасов у буржуазии и обревизование петроградских и московских железнодорожных узлов позволили раскрыть спекулянтские продовольственные склады и много продовольствия на колесах. Военно-революционный комитет пред-

ложил районным Советам, фабрично-заводским комитетам, районным комитетам нашей партии разбить город Петроград на районы и участки и произвести розыск складов и их ревизию, а также образовать из работников продовольствия новой, большевистской городской думы, из железнодорожных рабочих, транспортных рабочих и представителей воинских частей совещание для организации проверки грузов, находящихся на железнодорожных путях и в пакгаузах. Как в первом, так и во втором случае решено было действовать по законам военного времени.

Мною дан был приказ, чтобы войсковые части отрядили специальные роты для разгрузки и транспортирования всех продовольственных грузов, которые не имеют владельцев. Предварительно Военно-революционный комитет издал приказ, что если в течение трех суток не будет заявлено о принадлежности тем или другим лицам грузов, находящихся в пакгаузах и на колесах, то грузы эти будут конфискованы и переданы продовольственным органам. Рабочими организациями и делегациями от воинских частей обнаруживались факты, когда спекулянтами и саботажниками за несколько станций до места назначения продовольственные вагоны с ценным грузом выдергивались из состава и прицеплялись к другим, не продовольственным поездам. Нашим товарищам приходилось тратить по несколько часов, чтобы разыскать продовольственные поезда или вагоны. То, что сегодня находилось здесь, на следующий день уже было отогнано неизвестно куда. Но, несмотря на все это, работа по разгрузке стала ежедневно давать по несколько десятков тысяч пудов продовольствия. В первый день, помню, цифра эта составила 18 тысяч пудов, а потом доходила до 70 тысяч в день, составляя в среднем 35—40 тысяч пудов.

В первую очередь необходимо было разгрузить овощи, для которых как раз был сезон и которые целыми составами последние недели прибывали в Петроград и не разгружались. Население голодало, а картофель, капуста и другие овощи, находившиеся в вагонах, гибли от морозов. Между тем разгрузка овощей представляла особое затруднение, так как необходимо было тут же делать сортировку их, отделяя доброкачественные от испортившихся. Природа этого груза не давала возможности про-

изводить разгрузку с такой быстротой, с какой, например, разгружались сыпучие грузы — в мешках или ящиках.

Здесь приходилось разгружать поштучно, искать тару и различные приспособления, что сильно тормозило работу. Разгрузка овощей затруднялась также недостатком городских теплых подвалов для хранения их.

Все же работа ширилась. Были реквизированы прежние винные подвалы, в первую очередь колоссальный подвал под биржей, приспособлены другие подвалы. Решено было овощи распределять по районам и по участкам районов по указанию городской продколлегии, чтобы сразу же дать возможность рабочему классу приобрести их.

Очистить винные подвалы от их содержимого было тоже не так-то легко... Это дело таило в себе серьезную опасность. Солдаты, которые командировались для очистки их и для окарауливания, сплошь и рядом, сначала от холода, а потом уже и вообще зарвавшись, распивали вино, поднимали дебош, к ним присоединялось хулиганье, и всякий раз около таких подвалов организовывался очаг погромной банды.

Нет никакого сомнения в том, что буржуазия очень скоро поняла значение пьяных бунтов как инструмента, с помощью которого можно попытаться дискредитировать революцию и задушить молодую республику. Агитаторы буржуазии разыскивали склады спиртных напитков, проникали затем в полки, направляли солдат на эти склады, разносили молву о разгроме любителями выпить то одного, то другого склада, довольно широко привлекали к этому малосознательные и темные элементы и создавали конфликты даже между отдельными группами погромщиков, особенно стараясь возбудить солдат против рабочих отрядов, которые разгоняли погромщиков.

Алкогольная кампания, затеянная буржуазией и начавшаяся 29 или 30 октября с погребов Зимнего дворца, все гуще и шире разливалась по Петрограду. Военно-революционному комитету приходилось напрягать чрезвычайные усилия, чтобы не допустить организации на этой почве всеобщего контрреволюционного и черносотенного выступления в Петрограде.

В первые дни мы могли судить лишь теоретически, могли лишь догадываться, что погромщиков объединяет

какой-то квалифицированный центр. А через некоторое время этот вывод был подтвержден документами и свидетельскими показаниями. При обыске контрреволюционеров нам попал ряд документов, показывавших, что буржуазия и монархисты на агитацию за пьяные погромы ассигновали большие средства, что существует для этого организация, целая сеть агентов, провокаторов и что все ведется по предварительно разработанному плану. В первую очередь ставилась задача скомпрометировать наиболее активные в революции силы — Красную гвардию и матросов. Их провоцировали на взяточничество, на спекуляцию и т. д.

Военно-революционный комитет решил отбить охоту у буржуазии и у погромных элементов к нападениям на винные склады. Были мобилизованы наиболее сознательные и выдержанные товарищи для охраны складов, созвано совещание представителей районных Советов и районных комитетов партии коммунистов и левых эсеров. Совещанием был выделен комитет с широкими правами по борьбе с пьяными погромами. Комитету дан был наказ мобилизовать весь актив районов, установить в каждом районе непрерывное дежурство специальных отрядов по подавлению погромов, действовать быстро, решительно и беспощадно.

Рабочий класс Питера поддержал мероприятия Военно-революционного комитета и созданного им комитета по борьбе с погромами. Через 5—6 дней погромов в Петрограде не стало. Несколько десятков расстрелянных громил, уничтожение спиртных напитков не поддающимися искушению отрядами стойких латышских стрелков, создание при помощи Петроградского Совета и нашей прессы пролетарского общественного мнения, требующего расстрелов для погромщиков,— вот те меры, те средства, которые положили конец пьяным погромам в Петрограде.

Буржуазия попыталась перекинуть их в Москву, в Рыбинск на Волге, в другие крупные центры России. Она и там старалась сплотить темные массы, деморализовать солдат, бросить их вслед за винными подвалами на разгром складов оружия и интендантских складов, добыть таким образом вооружение и, сколотив банды, терроризировать при помощи их население, внушая крестьянам ужас перед большевистской революцией. Уничтожением

военного имущества буржуазия надеялась противопоставить армию большевикам, показать ей, что несет с собой пролетарская революция, и, соединив все это с расстройством транспорта, с разгромом железных дорог, терроризировать железнодорожных служащих — вызвать общий паралич страны.

Но на периферии, так же как и в Петрограде, эта попытка потерпела полное крушение. Советская власть, словно гигантская лавина, сметала на своем пути все преграды, воздвигаемые контрреволюцией, — в стране устанавливался новый, еще нигде не виданный строй — рабоче-крестьянская республика Советов.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
Приезд Ленина	5
Будни военной организации	33
Июльское выступление	57
После поражения	77
Решающие дни	91
Штурм Зимнего	117
Революция защищается	148

Подвойский Николай Ильич

Год 1917

Редактор *В. Зенин*

Художественный редактор *Г. Семиреченко*

Технический редактор *А. Данилина*

Ответственные корректоры *А. Беллев* и *В. Машкова*

Сдано в набор 29 ноября 1957 г. Подписано в печать 22 февраля 1958 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 6 + (3 вклейки) ³/₁₆. Условн. печ. л. 10,147,

Учетно-изд. л. 9,84. Тираж 100 тыс. экз. А 01233.

Заказ № 3081. Цена 2 р. 50 к.

Государственное издательство политической литературы.

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата

Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская. 16.

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРЫХ БОЛЬШЕВИКОВ,
ВЫПУЩЕННЫЕ ГОСПОЛИТИЗДАТОМ
в 1957 г.

- Антонов-Овсеенко В. А., В революции.
Борисова Р. Б., В огне революционной борьбы.
Бобровская (Зеликсон) Ц. Я., Записки подпольщика.
Гордиенко И. М., Из боевого прошлого.
Крупская Н. К., Воспоминания о Ленине.
Крупская Н. К., В Октябрьские дни.
Лепешинская О. Б., Встречи с Ильичем.
Михайлов И. К., Четверть века подпольщика.
Сборник, Воспоминания о Ленине, т. II.
Стасова Е. Д., Страницы жизни и борьбы.
Струмилин С. Г., Из пережитого.
Цветков-Просвещенский А. К., Между двумя революциями.
Шаповалов А. И., В борьбе за социализм.
Шлихтер А. Г., Учитель и друг трудящихся.
-

2 р. 50 к.

Цена с 1 января 1957 г.

25 коп.